

Российская Академия Наук
Институт философии

**ФИЛОСОФИЯ УПРАВЛЕНИЯ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПРОЕКТЫ**

Москва
2013

УДК 300.36
ББК 15.56
Ф 56

Ответственные редакторы
доктор филос. наук *В.И. Аршинов*
доктор филос. наук *В.М. Розин*

Рецензенты
кандидат психол. наук *В.Л. Данилова*
доктор филос. наук *Е.А. Мамчур*

Ф 56 **Философия** управления: методологические проблемы и проекты [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.И. Аршинов, В.М. Розин. – М. : ИФРАН, 2013. – 303 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0240-9.

Работа является второй в серии исследований, посвященных современным проблемам управления (первая «Философия управления: проблемы и стратегии» вышла в 2010 г.). В данном случае помимо общефилософских проблем управления (сущность философии управления, основные подходы и дискурсы, понятия философии управления) сделан акцент, с одной стороны, на философском и методологическом осмыслении проектов управления, с другой – на обсуждении особенностей и проблем управления в российских условиях. Авторы монографии – известные философы и специалисты в области синергетики, философии техники, эпистемологии. Монография ориентирована на широкий круг исследователей и педагогов.

ISBN 978-5-9540-0240-9

© Коллектив авторов, 2013
© Институт философии РАН, 2013

Введение. Становление новой философской дисциплины

Речь идет о философии управления. В последние годы вышло несколько фундаментальных работ и сборников по этой теме, в том числе в Институте философии. В них философия управления заявлялась как новая дисциплина, анализировались её эпистемологический статус и сложившиеся к настоящему времени концепции управления, обсуждались методологические проблемы философии управления. Можно сказать, что предмет философии управления и основные проблемы этой дисциплины в основном уже состоялись, и необходимо перейти к следующему этапу исследования и разработок. К ним относятся конкретный анализ понятий и языка управления, конкурирующих между собой стратегий управления и, что очень важно, философско-методологический анализ больших проектов управления (как удачных, так и провалившихся). Параллельно, конечно, продолжают методологические исследования и разработки, позволяющие на современном уровне строгости конституировать предмет философии управления.

В данной коллективной монографии представлены оба эти направления. Например, в интересной статье В.Аршинова и Я.Свирского «Проблема управления в контексте парадигмы сложности» рассматриваются синергетические и методологические рамки и основания, позволяющие по-новому изучать управление. При этом ставится сакраментальный вопрос: а нельзя ли в отношении управления конституировать что-то напоминающее кантианский разум, только в контексте современного нелинейного мышления. «Можно ли из этих наблюдателей, – спрашивают авторы, – “собрать” (мета)наблюдателя сложности, эквивалентного универсальному (а не частичному) искусственному интеллекту, как Alter естественному Ego, а не просто распознавателя образов, речи, переводчика с языка на язык, наконец, решателю все более сложных и не полностью формализуемых задач?»¹. Здесь же исключительно интересный анализ представлений Жильбера Симондона, чье творчество, считают Аршинов и Свирский, еще только предстоит осваивать отечественной философией.

Хотя мой с Л.Голубковой, а также В.Лепского и Д.Реута подход к управлению является конкурирующим, тяготеющим к методологии в духе ММК (*Московского методологического кружка*) и гуманитарным наукам, тем не менее сравнение первых четырех статей монографии показывает, что конкуренция вполне может быть дополнена кооперацией, особенно когда речь идет о рефлексии, деятельности и понимании субъекта. Различие в предельных онтологиях: для Аршинова и Свирского – это синергетическая и феноменологическая реальность, а для методологов – деятельность и мышление, в рамках которых субъекты сводятся к позициям и типам знаний.

Особо стоит обратить внимание и на статью А.Огурцова, как бы продолжающего, но на материале античной и средневековой философии, анализ терминов и понятий управления, начатый Л.Голубковой в книге «Философия управления». Александр Павлович показывает важную роль метафор в дискурсе управления и дальнейшие попытки заменить их строгими понятиями. «Если резюмировать наше рассуждение, – пишет он, – то следует признать, что нейтральный язык самоописания управления обществами формируется в лоне языка метафор, одни из которых отмирают и уже не используются, другие же, наоборот, приобретают важный вес и широко используются. Язык метафор является тем коконом, в котором рождается новый язык – язык объективирующий и нейтральный, явно или неявно коренящийся в новых метафорах и в их натурализации. Натурализация политического дискурса и является движущей силой поиска нейтрального языка самоописания. Задача критики суждений политологов состоит как раз в том, чтобы выявить процедуры натурализации фундаментальных метафор, в которых рождается авторская инновация, приобретающая затем интересубъективный характер и лишь в ходе своей натурализации становящейся квазиобъективной»².

Ряд статей (В.Розин, С.Малявина, Ю.Грязнова, В.Горохов) посвящены анализу конкретных проектов и технологий управления. Здесь авторы показывают, что эффективное управление обязательно предполагает методологическое сопровождение, использование знаний социальных наук, вовлечение в управление заинтересованных субъектов и общественности. «Однако, – пишет Горохов, – ожидание от таких социальных технологий того,

что они способны сделать технологические опасности и катастрофы точно калькулируемыми, принципиально неверно. Они предполагают широкий диалог создателей техники, ее потребителей, государственных структур и общественности, экспертов и тех, кого ее штатное или нештатное функционирование затрагивает или может затронуть в сложном процессе общественного взаимного обучения всех участвующих в нем сторон, формирования их коллективного взаимопонимания. Риск и инновации не являются больше особенностями отдельных социальных подсистем (экономики, научной политики и т. п.), а относятся ко всей структуре современного общества в целом»³.

Практически во всех статьях монографии прослеживается интерес к управлению, понимаемому не просто как механизм, напоминающий действие машины, а как к сложному социальному организму, где действуют силы и субъекты, преследующие разные цели и интересы, причем государство и социальные структуры часто ассимилируют и вводят в свое русло субъективные усилия отдельных сил и субъектов, не позволяя им реализовать заявленные цели. «Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, – пишет Ирина Браун, анализируя социальную технологию управления Сола Алинского, – подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американцев от политической жизни в конце XX века стало еще более массовым, чем в 1960-х. В заметной степени снизилась роль организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации в демократическом процессе, а именно в прямом представительстве интересов ее членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании коллективными средствами и мнением своих членов. Руководство организаций типа ACORN с самого начала вело прямой диалог, поверх голов ее членов, с крупными политическими игроками – государством, партиями и большим бизнесом. Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как “организации организаций” оказались не способными решить эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в её пешек. Организации, создан-

ные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируемыми той же самой “номенклатурой”, что и социальные институты»⁴.

Похожие процессы, но с отставанием на пару десятков лет идут и в России, поэтому нам так важно понять особенности и механизмы, характерные для социального управления. Другие виды управления не намного проще, и их анализ только начинается.

В.М. Розин

Примечания

- ¹ *Аришинов А.В., Свирский Я.И.* Проблема управления в контексте парадигмы сложности // *Философия управления: методол. пробл. и проекты.* М., 2013. С. 14.
- ² *Огурцов А.П.* Формы управления и генезис языка их самоописания // Там же. С. 156.
- ³ *Горохов В.Г.* Проблема управления технологическими рисками (на примере атомной энергетики и нанотехнологии) // Там же. С. 248.
- ⁴ *Браун (Жешко) И.* Модель организации Сола Алинского // Там же. С. 227.

Проблема управления в контексте парадигмы сложности*

«“Выход за пределы” кибернетики требует ...выполнения следующих предварительных условий:

- 1) понимание условий физической сложности (принцип беспорядка и полное использование идеи беспорядка не только как феномена дезорганизации, но также и как организующего феномена);
- 2) развитие идеи “петли обратной связи” в идею рекурсивной организации;
- 3) хаббловское обращение родового понятия машины, которое становится полицентричным;
- 4) принципиальное усложнение отношения управление/коммуникация, т. е. постижение отношений сложности между ними».

Морен Э. Метод.

Тезисы Э.Морена, представленные в эпиграфе нашей статьи, были сформулированы им почти четыре десятилетия тому назад. Однако осознание их принципиальной важности для адекватной постановки и решения актуальных проблем современного цивилизационного развития стало приходиться лишь в последние годы. Одна из главных причин тому состоит в том, что наша цивилизация в своей эволюции вошла в состояние стремительно развивающейся турбулентности, растущей сложности; состояние, которое все в большей степени осознается как кризисное, «бифуркационное», как осознание утраты человечеством смысла собственного прогресса, способности управлять цепной реакцией происходящих социальных и технологических изменений. Возникает, однако, естественный вопрос: а что такое сложность и почему она растет? Имеем ли мы здесь дело с неким объективным процессом или же речь идет о чисто субъективном восприятии «текущих ми-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 12-03-00443.

ровых событий». Здесь можно, конечно, сослаться на некие общие законы органической эволюции, согласно которым ее вектор направлен в «сторону роста сложности, увеличения разнообразия». Что же касается управления в его собственно кибернетическом понимании, то здесь можно вспомнить закон необходимого разнообразия Эшби, согласно которому сложность управляющего субъекта должна быть в некотором смысле адекватна сложности управляемого объекта. Однако мы, следуя Э.Морену, полагаем, что проблема управления в контексте современной парадигмы сложности требует нового, «посткибернетического» междисциплинарного подхода.

Для лучшего понимания дальнейшего к этим вводным, по существу, замечаниям необходимо добавить следующее. Во-первых, что в нашем сегодняшнем мире не существует реальности, которая не была бы технологически опосредована. Все, что мы воспринимаем в качестве «мира», сконструировано посредством тех или иных технологий. Во-вторых, следуя исчислению форм Спенсера Брауна, играющего роль логики кибернетики второго порядка, мы порождаем наш универсум посредством проведения (или установления) в нем различий, делая его, таким образом, *наблюдаемым*. При этом существенно, что сами эти различия коэволюционно сопряжены с процессами техноэволюции, которая носит относительно автономный характер, они автопоэтичны, а потому имеют существенно рекурсивный характер. Таким образом, мы исходим из того, что сложность наблюдаемого нами мира есть продукт процессов его собственных рекурсивных саморазличений, генерируемых, прежде всего, в сфере технологий. Но именно эти рекурсивные саморазличения и являются, как мы полагаем, основным генератором сложности нашего мира. Точнее, нашего жизненного мира, нашей среды обитания, *Umwelt*. Поэтому понимание технологий в контексте парадигмы сложности предполагает нечто большее, чем просто искусное применение некоего знания, что непосредственно предполагается греческим термином *techne-logia*. Особенно, если имеется в виду искусство применения знания в задачах управления. В конце концов, технология – это искусство управления знаниями в контексте их создания и применения для проектирования разного рода искусственных машин-артефактов с помощью разного рода средств и инструментов. Тем самым в рамках такого по-

нимания технологии включается и собственно научное познание, как технология специализирующаяся непосредственно на производстве нового знания, а также и средств, инструментов его производства. Здесь нам понадобятся такие новые, рекурсивно сопряженные концепты, как наблюдатель-проектировщик сложности и машина сложности. О них далее и пойдет речь.

Один из сюжетов первого тома книги Морена «Метод» связан с его попытками, как он выражается, «оседлать», «подправить» понятие системы Берталанфи-Эшби, сделать его «управляемым». А для этого, согласно Морену, понятие системы необходимо реконструировать «посредством соглашения субъект/объект, а не устранения одного посредством другого»¹. Это переосмысление понятия системы у Морена происходит в и с полным соответствии с его «методом метода», то есть рекурсивно, путем перевода транзакции субъект-объект на язык системных терминов, посредством введения понятий «наблюдающая система» и «наблюдаемая система». И этот процесс, согласно Морену, *«неизбежно влечет за собой не только то, чтобы наблюдатель наблюдал за самим собой, наблюдая систему, но так же и то, что бы он прилагал все усилия к познанию своего познания»*. (Курсив Э.Морена. – В.А., Я.С.)². По сути дела эта программа эпистемологического развития идей кибернетики второго порядка фон Ферстера, концепции автопоззиса Варелы и Матураны, конструктивистской киберсоциологии Н.Лумана.

Мы начнем с наблюдателя, с его эволюции в контексте проблемы конструирования искусственного интеллекта – машины сложности, как коммуникативного медиатора, структурно сопрягающего наблюдателя-распознающего-образы и наблюдателя-их-конструирующего в рекурсивное целое «наблюдателя-проектировщика сложности». Возможность искусственного интеллекта (ИИ) с самого начала связывалась с гипотезой критического порога сложности самоорганизующейся системы, в контексте которой он и должен был как таковой возникнуть. На заре становления кибернетической парадигмы проблема сложности в разных контекстах рассматривалась Н.Винером, фон Нейманом и А.Колмогоровым. Одним из примечательных трендов современного научного познания является формирование в нем в качестве ядра постнеклассической науки XXI в. качественно новой междисциплинарной

(и, возможно, трансдисциплинарной) «парадигмы сложности», имеющей, как и сопряженная с ней синергетическая парадигма, сразу несколько «точек роста». Издательство «Шпрингер», год назад объявившее о запуске новой серии монографий «Шпрингер: Сложность. Понимание сложных систем», предваряет ее следующими словами: «Сложные системы – это системы, которые состоят из множества взаимодействующих частей, обладающих способностью порождать новые качества на уровне макроскопического коллективного поведения, проявлением которого является спонтанное формирование различных темпоральных, пространственных или функциональных структур»³.

В свою очередь в моделировании таких систем «можно выделить следующие главные концепции и инструменты: самоорганизация, нелинейная динамика, синергетика, теория турбулентности, динамические системы, катастрофы, неустойчивости, стохастические процессы, хаос, графы и сети, клеточные автоматы, адаптивные системы, генетические алгоритмы и компьютерный интеллект». Конечно, этот перечень (который можно продолжить) сам по себе порождает впечатление, что термин «сложность» играет роль «зонтичного термина с пустым означаемым». И это впечатление нельзя считать полностью обманчивым, поскольку никаких ссылок на субъекта/наблюдателя/дескриптора/проектировщика/управляющего в этом перечне не обнаруживается. Так что говорить о существовании в современном научном познании некоей «парадигмы сложности» сегодня, быть может, еще преждевременно. Отчасти соглашаясь с этим, хотелось бы подчеркнуть, что ее становление должно быть сопряжено с формированием нового способа «постнеклассического мышления», ориентированного на синергичную конвергенцию современной «философии сложности», когнитивных наук и «наук о природе», как эпистемической культуры, интеллектуальным пиком которой является квантовая механика. Новое «мышление в сложности»⁴ должно сформироваться в конкретной когнитивной практике как один из результатов реализации таких масштабных трансдисциплинарных проектов, как проект создания машины сложности, каким является ИИ. С другой стороны, (само)формирование «мышления в сложности» окажется результативным и конструктивным, если оно с самого начала будет выступать в роли «трансдисциплинарного» стратегического

навигатора в когнитивно-гетерогенной среде многообразия разных научных дисциплин и технологических проектных практик. И эта ситуация «заикленности» одного на другое сама по себе является характерным примером той «рефлексивно-рекурсивной» эпистемологии сложности, которая должна лежать в основе современных подходов к проблеме создания ИИ в контексте «сложностного мышления». Рефлексируя над этой заикленностью, мы приходим к фигуре «наблюдателя сложности» как конструктору/мета-наблюдателю «второго порядка»; фигуре, если иметь ввиду традицию «наук о природе» ведущую свою родословную от квантовомеханического наблюдателя Н.Бора и В.Гейзенберга и наблюдателя времени в теории диссипативных структур И.Пригожина. Включение наблюдателя сложности в контекст проблемы ИИ дает возможность рассматривать их в перспективе конструктивного коэволюционного процесса, в результате которого возникающий ИИ как машина сложности окажется его (наблюдателя сложности) воспроизведением. Возможным итогом этого процесса станет и новое (трансдисциплинарное) прочтение философской проблемы интересубъективности как возникновение процесса герменевтического взаимопонимания естественного и искусственного интеллектов, их симбиоза в контексте автопоэтического структурного сопряжения их «жизненных миров».

Итак, мы исходим из предположения (гипотетического), согласно которому в трансдисциплинарном контексте проблема ИИ «по сложности» эквивалентна проблеме «сборки» наблюдателя сложности, а в дополнительном ему философском дискурсе по сути эквивалентна проблеме интересубъективной коммуникации, которая, в свою очередь, рекурсивно сопряжена с проблемой управления в «парадигме сложности». Не случайно знаменитый тест Тьюринга на предмет «может ли машина мыслить» был сформулирован именно как потенциальная возможность неограниченного продолжения коммуникации человека с его «машинным Alter». Не имея возможности здесь «погружаться» сразу во все аспекты этой проблематики, отметим лишь, что в философском дискурсе проблема интересубъективности существует наверное столько же времени, сколько существует сама философия. Но, конечно, именно Гуссерль был тем философом, который в XX в. придал этой проблеме необходимую масштабность и глубину. Тем самым одно-

временно Гуссерль заложил основу современной коммуникативно ориентированной феноменологии, рассматривая ее как проблему «самовосприятия *Alter* и *Ego*»⁵. Генетически связанный с феноменологическим поворотом, но произошедший несколько позднее собственно коммуникативный поворот в философии, связанный прежде всего с именами Апеля и Хабермаса, предлагает иную модель интерсубъективности, ориентированной на языковой опыт коммуникативной кооперации. Мы не будем здесь вдаваться далее в детали феноменологического и коммуникативно-семиотического подходов к проблеме интерсубъективности. В данном случае важна сама возможность переформулировки этих подходов в системных терминах управления сложностью. Оба эти подхода, имея прямое отношение к «сложностному» подходу к проблеме ИИ, несут в себе два важных сходства и различия. В предельно упрощенном виде они выглядят следующими образом. В обоих случаях мы так или иначе имеем дело с коммуникацией, понимаемой в самом ее общем виде как циркулярный кооперативный процесс обмена не столько информацией, сколько знаками, символами, идеальными сущностями, смыслами. И тогда коммуникация в смысле Гуссерля – это обмен интенциональными состояниями сознания, конвергирующий к интерсубъективности как «совместно разделяемой интенциональности», а коммуникация по Хабермасу–Апелю – это обмен «содержащимися в языке» значениями и смыслами, объяснениями и пониманиями. (Заметим в скобках, что здесь имплицитно имеется ввиду квантово-механическая метафора коммуникации как обмена квантовыми состояниями между отдельными подсистемами, результатом которого становится возникновение так называемых запутанных, сопряженных (*entanglement*) состояний целостной квантовой системы.)

Вернемся теперь к наблюдателю (наблюдателям) сложности как медиатору интерсубъективной коммуникации и управления. «Наблюдатель может воспроизводиться как система, такая как живой организм, как сознание, как общество, или – возможно, в не столь отдаленном будущем – как интеллектуальная машина». Такими словами начинает свой доклад на недавнем венском конгрессе «Самоорганизация и эмерджентия» Дирк Беккер – один из видных представителей «постлумановского», социкибернетического направления в социологии⁶. Это (пост)кибернетическое по-

нимание наблюдателя как наблюдателя производящего различия (Спенсер Браун) имеет свою историю в становлении когнитивных практик постнеклассического познания наших дней⁷, где оно представлено и в работах отечественных исследователей, среди которых следует выделить недавние работы В.Н.Лепского, в центре которых находится ключевая проблема сборки рефлексивных площадок современного научного знания – «позиций субъекта, оснащенных специальными средствами для осознания своих отношений с миром, самим собой и своей деятельностью (выделено нами. – В.А., Я.И.)»⁸. Необходимо заметить, что это осознание – характерная особенность всей неклассической и постнеклассической науки⁹, как, впрочем, и сопряженной с ней философской мысли. В неклассическом естествознании проблема наблюдателя как осознаваемого посредника интерсубъективной интеллектуальной коммуникации обозначилась в связи со становлением специальной теории относительности, а затем и квантовой механики. Этот процесс был сопряжен с расширением поля внутринаучной рефлексии над процессом генерации нового знания, в особенности, над средствами осуществления этого процесса. К контексте этого процесса особое место занимала рефлексия над понятиями эксперимента, наблюдения, роли классического языка как языка наблюдения и обыденного опыта, расширенного путем добавления понятий классической физики. И одним из продуктов этой рефлексии стал знаменитый принцип дополнительности Н.Бора как принцип интерсубъективной коммуникации, опирающийся на принципиально дуалистическую перспективу квантового наблюдения. Поэтом уже в квантово-релятивистской физике включение наблюдателя предполагает его *осознаваемое присутствие* как наблюдателя второго порядка, наблюдающего самого себя и являющегося одновременно наблюдателем по отношению к контингентному ансамблю «локализованных наблюдателей первого порядка». И тем самым осознающим себя в качестве *управляющего синергетического параметра порядка познавательного процесса*. Однако, как уже говорилось, для этого субъект-наблюдатель сложности должен быть «оснащен специальными средствами» такого осознания. И эти средства, по всей видимости, могут быть импортированы из соответствующих разделов философского знания, будучи при этом, конечно,

так же соответствующим образом переосмысленными. Вот что говорят по этому поводу «философы сложности» Ж.Делёз и Ф.Гваттари: «Теперь же и в науке мы обнаруживаем *частичных наблюдателей* по отношению к функциям в системах референции... Чтобы понять, что такое “частичные наблюдатели”, которые так и роятся во всех науках и во всех системах референции, следует избегать рассматривать их как предел познания или же как субъективный источник высказывания. Уже отмечалось, что в декартовых координатах привилегированным положением обладают точки, расположенные близко к началу координат, в проективной же геометрии координаты дают “конечное отображение всех значений переменной и функции”». Однако перспектива фиксирует частичного наблюдателя, словно глаз, на вершине конуса, а потому улавливает контуры предметов, но не видит их рельефа и структуры поверхности, которые требуют другого положения наблюдателя... Перспективное зрение и относительность в науке никогда не соотносятся с каким-либо субъектом; субъект конституирует не относительность истинного, а, наоборот, истину относительного... Короче говоря, роль частичного наблюдателя – *воспринимать и испытывать на себе*, только эти восприятия и переживания принадлежат не человеку (как это обыкновенно понимается), а самим вещам, которые он изучает». Для Делёза и Гваттари «наблюдатели есть всюду, где возникают чисто функциональные свойства опознания и отбора, не связанные с прямым действием; например, в молекулярной биологии, иммунологии или же в аллостерических энзимах... Физика элементарных частиц нуждается в бесчисленном множестве бесконечно тонких наблюдателей. Можно представить себе таких наблюдателей, чей ландшафтный вид особенно узок, поскольку состояние вещей проходит через смены координат. В конечном счете, *идеальные частичные наблюдатели – это чувственные восприятия или переживания, присущие самим функцивам*»¹⁰. Поставим теперь вопрос: можно ли из этих наблюдателей «собрать» (мета)наблюдателя сложности, эквивалентного универсальному (а не частично-му) искусственному интеллекту, как Alter естественному Ego, а не просто распознавателя образов, речи, переводчика с языка на язык, наконец, решателю все более сложных и не полностью формализуемых задач..? И хотя Делёз и Гваттари сами это вопрос не

ставят, тем не менее очевидно, что их ответ был бы отрицательным. Это вытекает из того, что, вводя такой персонаж, как «частичный наблюдатель», и подчеркивая, что такой наблюдатель – это «несубъективный наблюдатель», Делёз и Гваттари фактически исключают возможность интересубъективной коммуникации как целенаправленного обмена смыслами и пониманиями в том мире научного познания, в котором нет фигуры философского наблюдателя. Предельно упрощая, можно сказать, что для Делёза и Гваттари интересубъективность – это некий сетевой процесс, который реализуется «между» философией и наукой, а точнее – между «концептуальными персонажами» в философии и «частичными наблюдателями» в науке; процесс, осуществляемый при посредничестве «артефактов искусства». Что же касается возможности других посредников, таких, как например, логика, то ее возможности в этом качестве у них под подозрением, поскольку, по их мнению, «для логики характерен редукционизм не акцидентальный, а сущностно необходимый; следуя по пути, проложенному Г.Фреге и Б.Расселом, она стремится превратить концепт в функцию». С точки зрения «концептуальных персонажей» Делёза и Гваттари, эта редукция невозможна, поскольку, «говоря коротко, *становясь пропозициональным, концепт утрачивает все те характеристики, которыми он обладал как философский концепт* (выделено. – Ж.Д. и Ф.Г.) – автореференцию, эндоконсистенцию и экзоконсистенцию. Причина в том, что *на смену принципа неразделимости приходит принцип независимости (независимости переменных величин, аксиом и неразрешимых пропозиций. Даже возможные миры отрезаны от концепта другого, который придавал бы им консистенцию (оттого-то логика так страшно безоружна против солипсизма)* (выделено нами. – В.А., Я.С.)¹¹. Итак, с точки зрения, Ж.Делёза и Ф.Гваттари, логика в смысле Фреге и Рассела, будучи «безоружной против солипсизма», не может быть инструментом коммуникативного общения наблюдателей или субъектов в сложностном мире, как естественных, так и искусственных. Соответственно, она не может быть и основой «сборки» ИИ. Однако формирование новой «нередукционистской» парадигмы сложности открывает здесь и новые возможности, которые можно хотя бы кратко обозначить, назвав имена таких ее творцов, как Э.Морен, И.Р.Пригожин, Ф.

Варела и У.Матурана, Х.фон Ферстер, и Дж.Спенсер Браун. В этом перечне именно Эдгар Морен был тем философом, который в 70-х гг. прошлого столетия практически в одиночку предпринял попытку развить метод, который связывал бы философию и науку (science) посредством самой сложности. Что это за метод? Как уже говорили выше, этот метод можно было бы назвать методом рекурсии. Или, если угодно, принципом рекурсии как своего рода «методом метода», пониманием понимания в сложном мире. Для темы нашей статьи важно также подчеркнуть, что рекурсия, заменяя обратную связь в сложном мире, избавляет кибернетику от ее «парадигмального недостатка», связанного «с подчинением коммуникации управлению», «мешающему кибернетике понять отношение коммуникация/управление в его родовой сложности»¹². Будучи в определенном смысле обобщением кибернетической идеи обратной связи, именно рекурсия наделяет концепты (не только философские) коммуникативными качествами «автореференции, эндоконсистенции и экзоконсистенции» и заново возвращает нас в мир «связующей парадигмы сложности» и сетевой коммуникации. Свою родословную концепт рекурсии ведет из математической логики и математики. Оттуда она перекочевала в информатику и кибернетику, где благодаря усилиям фон Ферстера и Гр.Бейтсона стала ключевой концепцией кибернетики второго порядка, кибернетики процессов наблюдения и самонаблюдения, – радикального конструктивизма, исходным пунктом теории автопоэзиса Ф.Варелы и Ф.Матураны, а оттуда и социологии Н.Лумана. Однако в этой своей коммуникативной функции как единства автореференции и инореференции, реализуемой наблюдателем сложности, межличностным интерфейсом между Alter и Ego, концепция рекурсии и как системонаучная, и как философская была осознана не сразу. Собственно говоря, именно в этом осознании можно видеть основную заслугу Э.Морена, одним из первых вступившим на путь «от концепции системы к парадигме сложности» в начале 70-х гг. прошлого века; тогда же, когда зародились синергетика Г.Хакена, теория диссипативных структур И.Пригожина, был «изобретен» динамический хаос и репрезентирующие его математические конструкции, известные под названием «странных аттракторов», в основе которых также лежит идея рекурсии. В этом перечне нельзя

также не упомянуть и вышедшую также в 1970-х «библию науки компьютерной эпохи» – книгу Д.Хофштадтера «Гедель, Эшер, Бах», появление у нас в стране книги В.А.Лефевра «Конфликтующие структуры». Наряду с этим принципиально важный шаг на пути введения концепта «наблюдателя/конструктора сложности» был сделан британским инженером Дж.Спенсером Брауном, опубликовавшем в 1969 г. работу под названием «Законы формы»¹³. Но и здесь сознание важности работы Спенсера Брауна запоздало на десятилетия, несмотря на то, что она уже в рукописи была горячо одобрена Бертраном Расселом, увидевшем в ней адекватное решение логических парадоксов самоотнесенности, которые он, вместе с Уайтхедом, пытался исключить из логической коммуникации посредством специально разработанной для этих целей иерархии типов. Появление работы Спенсера Брауна было так же сочувственно встречено фон Ферстером, написавшим на нее благожелательную рецензию. А затем его идеи попытался далее развить Ф.Варела в своих работах по автономии биологических форм. Вскользь она упоминается и Э.Мореном. И все же, как уже говорилось, ключевое значение этой работы осознавалось лишь постепенно, и особенно интенсивно оно стало происходить в последние годы в связи с разработкой постлумановских стратегий в социкибернетике и киберсемиотике, философии создания новых программных продуктов. Именно в «Законах формы» концепты наблюдателя и наблюдения были введены изначально как саморефлективные рекурсивный концепты, «схватывающие» сам процесс *дейтельно осознаваемого* наблюдения в качестве конструктивной семиотической процедуры создания форм различий, рекурсивно (циклически) различающих самих себя. В контексте проблемы коммуникации/управления в парадигме сложности «Законы формы» – это конструктивную попытку операционально ввести в современный научно-философский дискурс концепт наблюдателя/проектировщика сложности, открывающий новые возможности для понимания коммуникативной интерсубъективности, включающего в себя так же и великие достижения философии Гуссерля, философии сложности Морена, Делёза и Гваттари, философии принципа дополнительности Н.Бора. И, конечно же, генерирующей новый взгляд на возможности «сборки» полицентрического (Морен) концепта машины сложности.

Посмотрим этим «сложностным» взглядом еще раз на понятие машины. Важной характеристикой этого взгляда теперь становится осознаваемая необходимость выхода не только за пределы винеровской кибернетики, но и всей декартовской парадигмы упрощения, элиминации (ради упрощения) «реально существующих в универсуме сети прямых и обратных связей. Морен говорит, что «своеобразие кибернетики состоит в том, что она связывает коммуникацию и информационное управление. Слово “кибернетика”, истоки которого восходят к управлению судном, руля, контроля, в принципе обозначает теорию управления (пилотажа и контроля) системами, которые включают в себя коммуникацию. С этой точки зрения сообщаемая информация становится программой, она определяет “инструкции” и “приказы”, которые запускают в действие, тормозят, координируют операции»¹⁴. Но буквально через пару страниц Морен указывает на проблемную ситуацию, связанную с тем, что в кибернетике соединяются как основанная на коммуникации идея организации, так и идея управления такой организацией. «По правде говоря, Винер не только установил связь между управлением и организацией, которая является действительно необходимой для всякой теории коммуникативной организации. Он подчинил коммуникацию управлению, установил отношение субординации между ними. ... Это свидетельствует о том, что для него было совершенно очевидно, что организация управляема нормативным и императивным образом некой высшей сущностью»¹⁵.

Разворачивая тему управления, Морен, следуя определенной философской традиции, обращается к функционированию живых организмов, поскольку кибернетическое истолкование функционирования биологических образований (от клетки до мозга) открыло новые горизонты для понимания последних. Конечно же, живые организмы, с точки зрения биологии, являются продуктом эволюции, а не внешнего управляющего воздействия. Тем не менее управляющее воздействие – пусть даже как метафора – обнаруживает здесь свой эвристический потенциал. Но такой потенциал держится на определенном онтологическом положении, берущем свое начало еще от Аристотеля, а именно на апелляции к так назы-

ваемому гиломорфическому видению бытия. Однако кибернетическое истолкование управления вносит свои коррективы в такое видение, поскольку отсылает уже не к классическим представлениям о материи и форме, а к материалу и силам, ибо материалы, в отличие от материи, не являются некой нейтральной всепригодной субстанцией, а приспособлены «к чему-то» и существуют «для чего-то» (в терминологии Морена запрограммированные автоматы управляют определенной предзаданной средой). «То, что игнорирует гиломорфическая схема, определяя форму и материю как два отдельных термина, – это процесс непрерывной “модуляции”, работающий позади них. Материя никогда не является простой или гомогенной субстанцией, способной к получению форм, она соткана из интенсивных и энергетических *черт*, которые не только делают такое действие возможным, но и непрерывно изменяют его (глина является более или менее пористой, дерево – более или менее сопротивляющимся); и формы никогда не являются фиксированными шаблонами, но детерминированы *единичными особенностями* материала, предполагающими имплицитные процессы деформации и трансформации (железо тает при высоких температурах, мрамор или дерево раскалываются по их прожилкам и волокнам). ...По ту сторону препарированной материи лежит энергетическая материальность в непрерывном изменении, а по ту сторону фиксированной формы лежат качественные процессы деформации и трансформации в непрерывном развитии. Другими словами, что становится существенным, так это уже не отношение материя-форма, а отношение *материал-сила*»¹⁶. И такой сдвиг акцента со связки *материя-форма* на связку *материал-сила* весьма важен. Он позволяет принять в качестве рабочей гипотезы, что природа действует, то есть управляет, так же, как и человек (или наоборот), ибо тогда «отношение человека к природе уже не просто переживается и воплощается на практике смутным образом, но приобретает устойчивый и прочный статус, в силу которого оно становится упорядоченной реальностью, имеющей свои законы. Техническая деятельность, воздвигая мир технических объектов и обобщая объективную медиацию между человеком и природой, связывает человека с природой сообразно узам гораздо более богатым и точно определенным, чем та специфическая реакция, какой является коллективный труд»¹⁷.

В таком случае управление обретает черты самоуправления, или самоорганизации, кои хотелось бы не столько определить, сколько обозначить, хотя бы косвенным образом. Здесь уместна еще одна рекурсия в проблему сложности, сфокусированная на понятия машины. В декартовской «разделяющей» парадигме субъект/наблюдатель/конструктор с необходимостью располагается «вне ее машинного тела». Он вполне может признавать, говоря словами Г.Хакена, что «сложные системы состоят из большого числа отдельных частей, элементов или подсистем, нередко сложным образом взаимодействующих между собой». Но для него существует только «один... рецепт, позволяющий “справиться” с такими системами». И он принадлежит Декарту, который «предложил разлагать сложную систему на более мелкие детали до тех пор, пока не будет достигнут уровень, на котором эти детали, или части, не станут понятными. Нетрудно видеть, что такого подхода придерживается молекулярная биология. С другой стороны, взаимодействие элементов системы приводит на макроскопическом уровне к качественно новым свойствам и особенностям. Не подлежит сомнению, что в нашем понимании взаимосвязей между микроскопическим и макроскопическим уровнями все еще остается огромный разрыв. Цель синергетики состоит в том, что бы преодолеть его. Вместе с тем, ... в большинстве случаев структуры создаются не некоей организующей рукой, а самими системами, действующими без всякого воздействия извне. Именно поэтому мы говорим о самоорганизации в рамках подхода, который можно назвать декартовым. Существует еще одна трудность. Для описания отдельных частей необходимо огромное количество информации, обработать которое никто не в состоянии»¹⁸. Такие системы Декарта (насосы, шестерни и т. д.) суть многокомпонентные устройства, предназначенные для управления движениями. В принципе, они – в пределе – прозрачны, совершенно понятны для их создателя (как для Бога понятен и прозрачен сотворенный им мир). При этом конструктор (будь то часовщик или инженер) обладает – опять же в пределе – полным контролем над созданным устройством, ибо сам сконструировал каждую деталь последнего. Все детали, согласно Декарту, существуют независимо друг от друга и, будучи соединенными вместе, формируют некое целое, но само целое в принципе не является чем-то большим, нежели сумма

составляющих его компонент, каждой из которых приписывается определенная функция, выражающая ее суть. То есть каждая деталь необходима, но не достаточна, каждая производится с целью вписаться в систему и должна быть пригнанной к другим деталям. Такое устройство в высшей степени функционально и управляемо во всех своих деталях.

Теперь обратимся к теории автоматов фон Неймана, разработанной в качестве альтернативы той модели центральной нервной системы, которая была предложена кибернетиками Уорреном Маккалоком и Уолтером Питтсом. Модель Маккалока и Питтса описывает мозг как вычислительную машину, коммуникативную сеть элементарных арифметических калькуляторов (нейронов), когда вычисления каждого следующего калькулятора управляются вычислениями предыдущих. Такая машина будет работать при условии, что нейроны активируются стимулами извне за пределами некоего критического параметра. Фон Нейман подчеркивал, что с помощью логической машины Маккалока можно описывать поведение нервной системы, ориентированное на «конечное число слов». Фон Неймана же интересуют автоматы, чье поведение настолько сложно, что его трудно охарактеризовать полностью с помощью «конечного числа слов». Структура машины оказывается значительно сложнее, чем модель, описывающая ее поведение. И фон Нейман показывает, что наилучшей моделью машины была бы сама машина – сложная машина. Вместо разработки структуры ради выполнения определенных задач следует строить последнюю для того, чтобы узнать, на что она способна. Тогда очевидно, что противоположность между машиной Декарта и автоматом фон Неймана сводится к интерпретации отношения «часть–целое». Машина Декарта, как говорилось, – это искусственное собрание соединенных деталей, где части существуют до целого, и целое не что иное, как сумма его составляющих. Машина Декарта, как и вычислительная машина Маккалока, являет собой устройство по преобразованию того, что поступает на ее вход, в то, что имеет место на выходе. С другой стороны, сложные машины фон Неймана ближе к природным образованиям. В противоположность картезианским механизмам, чье единство случайно, машины фон Неймана состоят из множества свободно взаимодействующих элементов, результатом чего являются нелинейные эффекты самоорганизации.

Итак, комплекс автоматов фон Неймана являет собой некую самоорганизующуюся совокупность, состоящую из множества интегрированных уровней с иерархической структурой. Взаимодействия между элементами порождают спонтанные и коллективные порядки, при этом свойства машины как целого не выводимы из свойств ее элементов. То есть здесь мы имеем некий синергетический эффект, заключающийся в том, что возникающий порядок не столько управляет элементарными взаимодействиями, сколько накладывает ограничения на последние. Следовательно, целое и его элементы взаимно определяют друг друга, образуют петлю обратной связи между разными уровнями, которая и задает все сложности, которые возникают при осмыслении того, что происходит в искусственных и естественных автоматах.

Другим различием между картезианскими механизмами и сложными машинами фон Неймана выступает конечность первых, т. е. направленность на разрешение определенной задачи. Цель, на достижение которой направлено действие декартовой машины, лежит вне самой машины: такая машина предназначена для выполнения определенной задачи, а ее конструкция уже наличествует в сознании управляющего ею творца. Конструктор формирует в своем сознании субъективное представление об устройстве предполагаемого механизма: сами намерения проектировщика уже встроены в механизм, материализуются в нем. Совершенной машиной будет та, что представляет строгий изоморфизм между субъективной целью проектировщика и объективным механизмом, являя собой идеал управления.

С другой стороны, сложный автомат фон Неймана автономен в том смысле, что он не только подчинен достижению неких субъективных целей. Главной особенностью такой машины является то, что часть ее «работы» ускользает от контроля со стороны изобретателя. Ее поведение, строго говоря, непредсказуемо, а значит надо выжидать и наблюдать за автоматом в действии, дабы отдать отчет о его поведении. Потому иногда акцент делается на том, что в сложных машинах цели конструктора порой не совпадают с «целями», присущими самой машине. В этом суть сложных машин. Фон Нейман предсказывал, что конструкторы машин могут оказаться беспомощными перед собственными творениями так же, как мы бываем беспомощными перед природными стихиями.

И именно в этом пункте уместно обратиться к фигуре Жильбера Симондона, чье творчество еще только предстоит осваивать отечественной философией. И такое освоение предполагает немало трудностей именно в силу особенностей той позиции, какую занимает Симондон в поле философского дискурса. «Мысль Симондона уходит от четкого разделения технического знания и гуманитарной науки: с самого начала, будучи студентом престижной Эколь Нормаль, Симондон изучает философию и электронику одновременно, а затем длительное время остается “вне философии”, заняв пост преподавателя психологии. При жизни труды Симондона не встретили должного отклика в интеллектуальной среде»¹⁹.

Разрабатывая собственную философию техники и опрвления последней Симондон вводит концепт, именуемый «конкретизация». В книге «О способе существования технических объектов»²⁰ (1958), он предлагает особую концепцию технического устройства, резко отличающуюся как от картезианской модели механизма, так и от концепции сложных автоматов фон Неймана. Симондон начинает с общего различия между абстракцией и конкретизацией. Технический объект, по Симондону, является «абстрактным», когда каждая его часть разрабатывается самостоятельно, каждая управляема и ориентирована на определенную и уникальную функцию. То, как представлял Декарт механизмы, является типичным образом абстрактного технического объекта, ибо устройство последнего в сознании конструктора, как говорилось, предшествует самому объекту. Операции, выполняемые техническим объектом, являются результатом его концептуальной согласованности: в абстрактной машине нет ничего такого, чего бы ни было в сознании проектировщика. И, конечно же, такой объект должен быть сначала сделан прежде, чем начнет работать.

Напротив, *конкретный* технический объект не выводится из общих положений. Его возможности зависят от эксплуатации, а не от научных принципов или предзаданных программ: сам объект должен создавать необходимые для своего функционирования условия. Окружение, в коих он будет работать, – не внешний признак или простой параметр, который инженеры должны учитывать в процессе проектирования. Среда – не то, к чему технический объ-

ект должен быть адаптирован, а внутренний аспект конструкции последнего. Конкретный технический объект работает именно из-за (а не вопреки) своей принадлежности к конкретной среде.

Симондон иллюстрирует контраст между абстрактными машинами и конкретными техническими объектами на примере гидравлической электростанции, известной как турбина Гуимбала. Проблема состоит в том, чтобы создать электрический генератор достаточно малых размеров с целью погрузить его в узкий водосток. Основное препятствие здесь – вырабатываемое генератором тепло, способное в критической точке привести к взрыву. Как правило, в обычных ситуациях инженеры разыскивают физические принципы, позволяющие не только уменьшить размер генератора и не допустить взрыва, но и управлять последним, приспособив систему к тому, чтобы та существовала в условиях водостока. Результатом такого подхода к разработке как раз и будет, по Симондону, «абстрактная» машина. Напротив, «конкретный инженер» представит, как будет работать погруженный в воду генератор сам по себе, и оставит попытки как управлять последним, так и делать его все меньше и меньше – до введения в водосток. «Конкретный инженер» придет к следующим решениям: генератор следует поместить в контейнер с маслом; он должен быть соединен с турбиной с помощью стержня, а затем погружен в водосток. При такой конфигурации вода выполняет различные функции: она поддерживает мощность в турбине, сохраняет ее в рабочем состоянии и, одновременно, уменьшает тепло, генерируемое вращением турбины. Масло также многофункционально: оно смазывает генератор, передает тепло, выделяемое генератором на поверхность контейнера (где содержится генератор), который, в свою очередь, охлаждается водой, причем вода не может проникнуть в контейнер из-за разницы давления между маслом и водой. Таким образом, две жидкости как бы сотрудничают, или вступают в некую рекурсивную связь: чем быстрее вращаются турбина и генератор, тем больше воздействия оказывается на масло и воду, а значит, тем лучше охлаждение системы. Как подчеркивает Симондон, именно водная среда задает конструкцию генератора, не «претендуя» на управляющую роль, хотя, надо сказать, что турбина Гуимбала не может работать на открытом воздухе: она взорвется. Итак, конкретный технический объект тесно связан со своей окружающей средой (в

данном случае, с маслом и водой). И именно такой объект Симондон называет техническим индивидом (или технологической индивидуальностью), ибо он само-обусловлен (или само-управляем), он не существует в качестве возможной машины в голове изобретателя до эксплуатации. Поскольку взаимодействия между разными элементами конкретного технического объекта не выводимы из какого-либо набора «внешних для него» научных законов, то получается, что технология не может быть полностью научно обоснованна, она не может претендовать на полную управляемость. Из чего следует, что в работающем техническом объекте всегда есть нечто большее, по сравнению с тем, что наличествует в сознании ее изобретателя, в нем есть всегда нечто большее, что ускользает от наблюдения/управления извне.

* * *

«Конкретизацию», согласно Симондону, следует отличать от адаптации технических объектов к потребностям человека. На примере телефона Симондон показывает, что данный технический объект формируется в режиме конкретизации: все более легкий набор номера абонента (от диска к цифровому набору). Но подобное внешнее изменение, утверждает он, не соответствуют никаким существенным изменениям в объекте: его внешний облик остается в основном стабильным. Отсюда он делает вывод, что подлинная конкретизация заключается в конвергенции функций внутри структурного единства. В техническом объекте, все еще абстрактном, т. е. только начинающим развиваться, части функционально связаны так, что подобно работникам, они сотрудничают, не зная точно того, что делают другие работники на самом деле. Они действуют друг за другом, а порой друг против друга. Согласно Симондону, конкретизированный технический объект – это уже не борьба с самим собой, не вторичный эффект получаемый благодаря выполнению им своей функции, которая может оставаться вполне самостоятельной и не зависеть от его конструкции.

То есть концепт конкретизации Симондона указывает на важные особенности его теории технологии. Во-первых, его представление о «техническом объекте» явным образом отсылает не столь-

ко к единичным сущностям, сколько к серии таких сущностей. Иными словами, Симондон акцентирует свое внимание на «индивидуальности» технических объектов. И опять же (если вернуться началу предлагаемой статьи) технологическое мышление должно принимать во внимание эволюцию биологических существ с присущей им «сингулярностью». Такая индивидуальность связана с «чистого функциональной схемой», с диаграммой, репрезентирующей самостоятельность существования технического объекта и в то же время подразумевающей руководящие принципы для своего строительства. То есть надо понять, что концепт технического объекта отсылает к некоей диаграмме (а не программе) и ее материальным проявлениям, которые последовательно конкретизируют данный технический объект. Потому речь идет не только лишь о технических устройствах, коими мы располагаем у себя дома или с какими встречаемся в музеях. То, что Симондон называет «объектом», представляет собой серию или, как он говорит, родословную, сопряженную с «единством становления», не зависящем непосредственно от «управляющей руки».

Итак, процесс конкретизации, согласно Симондону, явно отсылает к биологии. Как и многие историки и философы техники, Симондон используют термины и стратегии из биологических наук. Но такое использование служит, прежде всего, для того, чтобы соотнести сущность технических объектов с сущностью природных объектов, таких как растения и животные. Симондон понимает природные образования как полностью конкретизированные объекты, все внутренние функциональные части которых сверхдетерминированы. Напротив, технический объект как раз и подлежит конкретизации, поскольку всегда удерживает в себе элементы абстракции. Потому он никогда не достигает полной конкретности. Что касается человека, то он, согласно Симондону, действительно изобретает технические объекты, но в то же время философ подчеркивает, что изобретение не совпадает полностью с научной практикой. В какой-то мере изобретенный объект отчасти остается «непрозрачным» для науки, ибо сам является реализацией тех эффектов, какие не могут быть до конца объяснены. Вновь изобретенный технический объект реализует до сих пор неизвестное представление. Следовательно, можно предложить определение конкретного способа существования технических объектов: кон-

кретизация сообщает технологическому объекту промежуточное положение между природными объектами и научными представлениями. Иными словами, технический объект не является живым существом, но он выступает в качестве своего рода индивида²¹.

* * *

Итак, согласно Симондону, технология не может быть сведена к утилитарным функциям, ибо она нечто большее, чем просто отдельные инструменты, используемые для специфических целей. Скорее, технология должна восприниматься либо как некая совокупность, либо как особый процесс изобретения. Как совокупность, технология включает в себя нечто большее, нежели конкретные инструменты или машины; она также предполагает отношения между этими инструментами и машинами, отношения между ними и использующими их человеческими существами, а также между ними и их окружением, материалами, с которыми они взаимодействуют (отношение *материал–сила*). Конечно же, определенные технологии, прежде всего в их простых аспектах, принимают форму, отсылающую к одному инструменту – например, молотку, – коим пользуется отдельное лицо ради решения отдельной задачи. Но по большей части «технология» не может интерпретироваться таким образом. Инструменты не пребывают в изоляции, они связаны друг с другом самыми разными способами. Во-первых, они связаны благодаря выполняемым ими задачам, куда более сложным и требующим своей координации в ходе всего технологического процесса. И помимо этого, во-вторых, инструменты взаимосвязаны благодаря порождающим их концептуальным схемам, поскольку одни и те же схемы могут использоваться в разных контекстах, реализовываться в различных материалах так, что технология может транслироваться и передаваться.

Последнее обстоятельство указывает именно на то, что технология превосходит любые узко практические цели. Расширяясь, технология открывает и производит новые отношения между людьми и вещами, между людьми и людьми, а также между вещами и вещами. В таком случае технология являет собой некую сеть отношений. Технология, по Симондону, вовсе не свидетельствует

о нашей отчужденности от мира природы, технология – это то, что выступает посредником между человечеством и природой (здесь Симондон противостоит как Хайдеггеру, так и Марксу). Она отменяет дуализм, предполагающий такое деление, ибо подразумевает наличие некой сети, состоящей из человеческих существ и природных сущностей благодаря всевозможным тонким отношениям рекурсивной связи и взаимозависимостям. Технология не выступает только лишь в качестве того, что создается субъектом, дабы управлять природой, сведенной до статуса объекта. Она, по существу, разрушает полярность «субъект–объект» (или управляющее–управляемое), всегда пребывая между этими полюсами, и это гарантирует, что ни один человеческий «субъект» не свободен от естественного или физического мира, он никогда не чист, и наоборот, никакая «природа», никакая «материальность» не является чисто пассивной, чистым объектом. Каждый «объект» обладает определенной степенью «свободы воли», и каждый «субъект» обладает определенной степенью материальной зависимости; технология – это процесс, делающий невозможной гипотезу относительно независимого субъекта, управляющего пассивными объектами. (Тут уместно вспомнить штудии Бруно Латура относительно сетей, включающих в себя людей и «нечеловеков».)

* * *

Тогда, как говорит Симондон, в ином свете предстает различие между «полаганием» и «изобретением» чего-либо. Если речь идет о полагании искусственных устройств, то, повторимся, это лишь материализация абстрактного технического объекта. Причем все следствия относительно функционирования последнего могут быть выведены именно посредством анализа самого концепта такого объекта. И в таком случае этапы проектирования и управления последним выступают как две независимые задачи. (Заметим, что современные ЭВМ большей частью создаются именно так.) С другой стороны, «изобретение» технического объекта – это не только сборка определенных логических функций, а затем запуск системы в действие. Технический объект конструируется в соответствии с условиями его эксплуатации и, фактически, сам дик-

тует выбор собственной среды обитания. Такие среды Симондон наделяет определением «ассоциированные». Ассоциированные с машиной или конкретным техническим объектом, окружающие среды не могут быть изначально предусмотрены и становятся неотъемлемой частью самого объекта. Поэтому, согласно Симондону, «способ существования технологической индивидуальности» не может определяться до начала ее функционирования.

Конкретные технические объекты Симондона крайне отличаются как от декартовых механизмов, так и от запрограммированных автоматов. Они не строятся часть за частью, но изобретаются сразу благодаря прямому усмотрению, «воображению» в цепи рекурсивной связи между объектом и его ассоциированной средой. Но насколько они отличаются от машин фон Неймана? В определенной степени, система, являющая собой конкретный технический объект вместе с его ассоциированной средой, указывает на сложноорганизованный мир. Во-первых, поскольку технический объект само-обусловлен, он автономен, и Симондон не зря полагал, что способ существования таких объектов весьма близок к способу существования природных существ и что инженеры должны относиться к ним, как биологи относятся к животным. Во-вторых, этот объект непредсказуем, ибо его изобретатель до конца не знает, как его создать, – не знает до тех пор, пока реально не приступит к конструированию. Однако, в отличие от сложных автоматов фон Неймана, конкретные технические объекты Симондона не самовоспроизводятся и их непредсказуемость не означает, что они могут полностью выйти из-под контроля. Симондон, также, вовсе не утверждает, будто мы рискуем столкнуться с полным отсутствием контроля над человеческими артефактами. Напротив, инкорпорация особых черт ассоциированного окружения в объект и преобразование внешних данных в существенные условия работы (например, масло и вода в турбине Гуимбала) гарантируют более высокое управление системой. Действительно, механизм занимает место плана, имеющегося в голове конструктора, но он никогда не заменяет самого конструктора. Точнее, в отличие от стратегии фон Неймана, конкретный объект по-прежнему отсылает к человеку. Такой объект подразумевает особую способность человека усматривать порой неявную аналогию между биологическими и технологическими операциями. Симондон полагает, что мы мо-

жем изобретать само-обусловленные объекты, ибо сами являемся само-обусловленными живыми существами. Но крайне важно, что здесь происходит не только явное дистанцирование от картезианской парадигмы, но и от картезианского субъекта. Субъект Симондона уже не является хозяином-творцом природы несмотря на то, что конкретные технические объекты отсылают именно к человеку. Такого субъекта, скорее, следовало бы именовать наблюдателем в сложностном самоорганизующемся мире.

Таким образом, управление движется в сторону работы с самоорганизующимися человекомерными реалиями, предполагающими – в отношении конкретных технических объектов (и не только них) – отсылку к таким «качествам», как индивидуация, наличие инкорпорированных сред и, конечно же, отсылку к человеку. То есть понятие «конкретного технического объекта» позволяет расширить наши концептуальные ресурсы для понимания управления в контексте того, что ранее введено как пара *материал–сила*.

* * *

Вернемся еще раз к проблеме гиломорфизма. Симондон в своей философской стратегии, рассматривая живые существа, также различает субстанциализм и гиломорфизм. Субстанциализм определяется им в качестве некоего монизма, постигающего единство живого существа как его сущность, а потому критиковать последний Симондон считает даже излишним. Основной критике подвергается как раз гиломорфизм, рассматривающий индивида как особое произведение, возникающее из соединения формы и материи, принимая в расчет то обстоятельство, что принцип индивидуации действует здесь независимо от активности самого индивида. То есть, согласно Симондону, современному мышлению не хватает такой концепции онтогенеза, каковая рассматривалась бы как «становление». Считается, что в модели гиломорфизма актуальный процесс неспособен предъявить собственный принцип, а лишь вкладывает его в следствие-эффект.

Тогда на первый план выходит процессуальная составляющая. Онтогенез истолковывается не как генезис индивидуального, а как становление живого существа. Причем такое становление не сле-

дует понимать в виде четко управляемого «фрейма», где – как в клетке – обитает подобное существо. Становление, скорее, выступает как одно из измерений такого существа, допуская изначально несовместимость с подобным «фреймом». Становление – не череда событий, происходящих с живым существом, ибо такое предположение уже допускало бы, что последнее изначально дано, изначально субстанциально. Нет такой точки, к которой живое существо могло бы вернуться и где бы оно оставалось полностью самотождественным. То есть единство живого существа состоит не в его самотождественности, а в его саморазличности. Такому единству можно было бы приписать эпитет «трансдуктивное», ибо оно вечно разрывает собственные связи со своим управляющим им центром, т. е., в современной терминологии, децентрируется. И тогда индивидуация подобного существа перестает быть синтезом, возвращающим к некоему единству, а является процессом, предполагающим не возврат к центру, а, скорее, некую рекурсию, включающую в себя перманентные инновации. Такие инновации следует мыслить не посредством индукций или дедукций, они, прежде всего, предполагают именно трансдукцию. Симондон пишет: «Индивид должен пониматься как нечто, обладающее относительной реальностью, занимающей лишь определенную фазу всего рассматриваемого существа в целом – фазу, несущую внутри себя предшествующее до-индивидуальное состояние и (даже после индивидуации) не существующую в изоляции, ибо индивидуация не исчерпывается в одном единственном акте своего проявления, то есть в ней присутствуют все потенциальности, воплощенные ее в до-индивидуальном состоянии»²².

Итак, живое существо не может быть описано ни в терминах субстанции, ни в терминах материи и формы, скорее, оно может быть представлено «как туго растянутая и перенасыщенная система, существующая на более высоком уровне, чем само целое, которое является недостаточным в себе и не может быть адекватно концептуализировано согласно принципу исключенного третьего»²³. То есть оно всегда пребывает не в стабильном, а, скорее, в «метастабильном равновесии». Согласно Симондону, осмысляя живое существо как пребывающее в стабильном равновесии, мы не способны ухватить становление, ибо такое состояние предполагает, что все потенциальности подобного существа (по сути

дела виртуальные) всегда остаются актуальными. Тогда, говорит Симондон, живое существо представляет собой систему, находящуюся на самом низком энергетическом уровне и не способную подвергаться каким-либо дальнейшим трансформациям. «Симондон конструирует становление индивидуации как некий театр, где присутствует не предустановленный смысл того, что является физически возможным (в терминах связи организма и внешнего окружения). Более того, Симондон жестко критикует кибернетическое моделирование систем, поскольку живое существо вовсе не действует функционально как стабильная сущность, чье поведение направлено лишь на то, чтобы определяться установлением совместимости между собственными разнообразными потребностями, благодаря коим оно могло бы обрести собственную формулу сложного равновесия, составленного из более простых равновесий. Для Симондона индивидуация всегда выступает как некое “усилие”, имея в виду то, что последнее не сводится только лишь к функционализму. Следовательно, процесс индивидуации не совпадает с *производством*. ... Живое существо способно развиваться благодаря тому, что обладает “внутренним резонансом” со своей средой, причем оно никогда пассивно не адаптируется к среде. Следовательно, отношение индивидуации вовсе не является отношением отдельных индивидов, но всегда выступает как некий аспект внутреннего резонанса, характеризующий систему индивидуации. Такой резонанс требует непрерывной коммуникации и поддержания метастабильности как предусловия становления»²⁴. Итак, индивидуация отсылает не просто к индивиду, но, скорее, к внутренним модальностям существа, которые как конституируют индивидов, так и разлагают их. Факторы и процессы индивидуации предшествуют элементам управляемого конституирования индивида, таким как, например, материя и форма, виды и роды. Это говорит о том, что последние обладают независимым становлением.

* * *

И в этом пункте следует обсудить подробнее то, что Симондон подразумевает под технической индивидуацией.

Обсудив индивидуацию живых систем, Симондон обращается к индивидуации технических объектов, которая, согласно философу, является условием технического прогресса. Подобная индивидуация возможна благодаря рекурсивной причинности в той среде, какую технический объект создает вокруг себя. Именно окружающая среда обуславливает технический объект, который, в свою очередь, сам обуславливает данную среду. Повторимся, именно такую окружающую среду – являющуюся как технической, так и естественной, – можно называть ассоциированной средой²⁵. Благодаря ассоциированной среде технический объект оказывается самообусловленным в собственном функционировании. Эта среда не производится, или, по крайней мере, не полностью производится, а предполагает, скорее, особый режим существования природных элементов, окружающих технический объект, который сопряжен с иным режимом существования своих собственных элементов. Ассоциированная среда опосредует отношение между промышленными техническими элементами и природными элементами, внутри которых функционирует технический объект.

Изобретенный технический объект зависит от своего существования в ассоциированной среде. Лишь те технические объекты, кои требуют ради собственного функционирования ассоциированную среду, следовало бы назвать, согласно Симондону, изобретениями. Изобретаемые объекты получают собственную форму не постепенно через последовательные стадии эволюции, но существуют либо как некое целое, либо вообще никак. Связанные с миром природы технические объекты вводят особого рода рекурсивную причинность, благодаря которой они только и могут быть изобретены, а не постепенно конституированы именно потому, что сами выступают в качестве причины собственных условий функционирования. Их жизнеспособность задается лишь тогда, когда разрешается проблема создания подобных условий, т. е. когда они сосуществуют с собственными ассоциированными средами.

Именно поэтому наблюдается своего рода прерывность в истории становления технических объектов по отношению к их абсолютному происхождению. Только творческое воображение может произвести эффект подобного рекурсивно-временного обусловливания. Элементы, материально составляющие технический объект еще до конституирования последнего, существуют

по отдельности и не имеют ассоциированной среды. Им следует соорганизоваться согласно рекурсивной причинности, которая и проявляется, лишь только объект конституируется. Вот случай подлинного технического объекта, обусловленного будущим. Будущее, как функция, весьма редко может обосновываться случайностью. Оно активизируется организацией элементов ради выполнения определенных требований, стягивающих все в некое целое и, одновременно, задающих направление и играющих роль «символизирующего» в будущем ансамбле, который должен еще стать неким объектом.

Такая схема творческого воображения напоминает, как уже говорилось, некую роль, разыгрываемую в отсутствие актуального актера. Она вводит единство в будущую ассоциированную среду, где развиваются рекурсивные причинные отношения, обеспечивая функционирование нового технического объекта. Симондон указывает на сходство между движением мысли и становлением технических объектов. Ментальные схемы в ходе изобретения взаимодействуют так же, как сообщаются действия технического объекта посредством материальных реакций. Единство ассоциированных сред технического объекта, по Симондону, аналогично единству живого существа. В процессе изобретения единство технического объекта являет собой согласованность ментальных схем именно потому, что последние существуют и действуют в живом существе, тогда как те, что противостоят друг другу, исчезают. Именно потому, что технические объекты являются индивидами и предполагают связанные с ними ассоциированные среды, они и могут быть изобретены. Как раз на способности живых существ само-обуславливаться базируется способность создавать объекты, которые сами себя обуславливают. Симондон полагает, что от внимания психологов ускользнул как анализ изобретательного воображения, которое не является ни схемой, ни формой, ни операцией, благодаря которым последнее устанавливается в себе. Они упустили то подвижное основание, на котором эти схемы противостоят друг другу и в котором они участвуют. Психология форм учитывает только функции целого, но приписывает силу самой форме. Симондон говорит о более детальном анализе творческого процесса, демонстрирующего то, что главную роль играют не формы, а то, что поддерживает или несет формы, т. е.

некое основание²⁶. Мы постоянно забываем, что основание обладает определенным динамизмом. Оно обеспечивает существование системы форм. Формы причастны не к другим формам, а только к основанию. Последнее является системой всех форм, или, скорее, общий резервуар тенденций форм, прежде чем те вообще начинают существовать как отдельные объекты и выстраиваться в некие очевидные системы. Сопричастность формы и основания является тем отношением, которое вибрирует между актуальными настоящими и насыщает их потенциальным влиянием будущего, т. е. влиянием виртуального на актуальное²⁷. Ибо основание представляет собой систему виртуальностей, потенциалов и сил, тогда как формы образуют систему актуального. Изобретение – это то, что принимает на себя весь заряд актуального благодаря системе виртуального.

Формы пассивны, ибо репрезентируют актуальность, но они становятся активными, когда организуют себя по отношению к основанию, тем самым актуализируя предыдущую виртуальность. Конечно же, трудно выявить тот путь, каким система форм может участвовать в виртуальном основании²⁸. Можно лишь сказать, что подобное имеет место в том же режиме причинности, какой существует в отношениях между каждой из структур, полагаемых техническими объектами и динамизмами ассоциированной среды. Такие структуры пребывают в ассоциированной среде и задаются ею, как и отдельный технический объект определяется благодаря структурам других технических объектов. Структуры, каждая как может, также отчасти определяют технический объект. Технические среды по отдельности задаются каждой структурой и, в свою очередь, определяют эти структуры в глобальном масштабе, путем предоставления энергетических, тепловых и химических условий для их функционирования. Между средой и структурой есть рекурсивная причинная связь, но такая рекурсивность не симметрична. Среда принимает на себя роль информации: она саморегулирует средства информации или энергии, уже управляемой информацией (к примеру, вода, текущая более или менее быстро, оказывает больший или меньший охлаждающий эффект на турбину). В то время как ассоциированная среда гомеостатична, структуры не только оживляются рекурсивной причинностью, но каждая из них движется собственным путем.

Итак, между жизнью и мыслью имеется определенное родство. Любое жизнеспособное существо принимает участие в жизни других живых организмов. Речь идет не только об очевидных и определенных структурах организма, играющих наиболее активную роль в жизни (типа крови, лимфы или соединительных тканей). Индивид состоит не только из набора взаимосвязанных органов, дабы формировать некую систему. Он также скомпонован из того, что не является ни органом, ни структурой живой материи, поскольку конституирует ассоциированную среду для органов. Живая материя и есть основа органов. Это то, что связывает последние, дабы создать их них организм. Это то, что поддерживает основные термические и химические равновесия, в коих органы производят неожиданные, случайные, но ограниченные варианты. Органы участвуют в теле²⁹. Живая материя далека от того, чтобы быть чисто неопределенной или чисто пассивной, она не является слепым стремлением. Она – транспортное средство для несущей информацию энергии. Точно так же мысль состоит из различных структур, таких как представления, образы, воспоминания, восприятия и т. п. Но все эти элементы участвуют в основании, которое дает им направление, гомеостатическое единство, и передает информацию–энергию от одного к другому и от каждого ко всем. Можно сказать, что основание является имплицитной аксиоматикой, где вырабатываются новые системы форм. Без основания мысли не существовало бы и мыслящего существа, а только лишь серия прерывистых представлений без взаимосвязи. Основание – это ассоциированная ментальная среда форм. Это опосредующий термин между жизнью и сознательной мыслью, также как ассоциированная среда технического объекта является опосредующим термином между миром природы и искусственно созданными структурами технического объекта. Мы можем создавать технические существа именно потому, что в самих себе обладаем отношением материал–сила, во многом аналогичный тому, каковое мы устанавливаем в техническом объекте. Связь между мыслью и жизнью аналогична соотношению между структурированными техническими объектами и миром природы. Индивидуальный технический объект – это объект, который изобретается, который, так сказать, производится благодаря игре рекурсивной причинной связи между жизнью и мышлением человеческого существа. Объект –

ассоциированный исключительно с жизнью или с мышлением – не является техническим объектом (он, скорее, является инструментом или прибором), если у него нет внутренней согласованности, если он не обладает ассоциированной средой, основанной на рекурсивной причинности.

* * *

Симондон утверждает, что конкретный технический индивид существует там, где есть ассоциированная среда, которая является неизменным условием его функционирования. Если это не так, то имеется лишь некий технический ансамбль, или совокупность.

Симондон приводит пример лаборатории, направленной на изучение физиологии ощущений. Философ ставит вопросы: является ли аудиометр техническим объектом или же аудиометр – это технический индивид? Ответ будет отрицательным, если рассматривать аудиометр вне связи с блоком питания, наушниками, а также динамиками, предназначенными для акустической передачи. То есть аудиометр, с одной стороны (первая ситуация), помещен в определенные температурные условия, а также условия напряжения и уровня шума ради получения стабильных частот необходимых для измерения уровня порогов звука. С другой стороны (вторая ситуация), следует принять во внимание коэффициент поглощения звука комнатой, а также эффекты резонанса и различия частот. Лабораторное окружение также выступает частью всего устройства (первая ситуация), но, по большому счету, аудиометрия требует либо того, чтобы испытания проводились в открытом пространстве, либо же (вторая ситуация) в звуконепропускаемой комнате с подвесным анти-микрофонным потолком и стекловолоконной изоляцией на стенах. В таком случае, является ли аудиометр тем прибором, какой, например, можно построить самому? Именно в соединении с иными техническими формами он обретает относительную индивидуальность: он состоит из двух высокочастотных генераторов, один из которых задает постоянную частоту, а другой переменную. Так, две низкие частоты производят звуковой сигнал, благодаря чему аттенуатор позволяет контролировать интенсивность стимулов. Ни один из генера-

торов не является техническим объектом, поскольку требует стабильного катодного и анодного напряжений. Нужна электронная схема, дабы обеспечить подобную стабилизацию, причем такая система действует по принципу рекурсивной причинности, т. е. являет собой среду, ассоциированную с техническими формами генераторов. Надо сказать, что подобная ассоциированная среда в данном случае выступает, скорее, как средство адаптации, позволяющее генераторам избегать обусловленностей со стороны естественной и технической внешней среды (первая ситуация). Внешняя среда может стать по-настоящему ассоциированной средой, если случайная вариация в частоте одного из генераторов вызывает изменение напряжения питания, противодействующего такой вариации. Тогда возникает рекурсивный взаимообмен между регулируемым источником питания и генераторами, в результате чего образуется само-стабилизация совокупности технических структур (вторая ситуация).

Теоретическая и практическая разница между этими двумя ситуациями весьма велика. Действительно, если энергия стабилизируется без рекурсивных причинных отношений с генераторами, то ограничение или расширение влияния такой энергии ничего не меняет. Можно, например, подключить и третий генератор к тому же источнику питания, не нарушая его функционирования, пока наблюдается нормальная работа устройства. И наоборот, дабы обеспечить эффективную регулируемую обратную связь, следовало бы подключить лишь одну структуру к единственной ассоциированной среде. Тем не менее случайно выбранные противоположные вариации двух структур, которые не связаны синергетически с одной и той же средой, могут компенсировать друг друга, не приводя к регулируемому, ли управляемому, взаимодействию. Однако связанные с одной и той же средой структуры должны функционировать синергетически, что и объясняет, почему аудиометр komponуется как минимум из двух отдельных частей, не способных самостоятельно стабилизироваться одной и той же ассоциированной средой, т. е. частотой генератора, с одной стороны, и усилителем-аттенюатором, с другой. Взаимодействия между генератором и усилителем-аттенюатором следует избегать, поскольку есть два отдельных источника энергии, и есть поверхность, разделяющая две структуры, дабы защитить обе стороны от любого

электрического или магнитного поля. В то же время материальная организация аудиометра не выступает в качестве его функционального предела. Усилитель-аттенюатор, как правило, расширяет свое функционирование благодаря акустической генерации в комнате или в ухе испытуемого, в зависимости от того, будет ли субъект связан с системой динамиков или же с наушниками. Именно в этом случае следует говорить об относительной индивидуации технических объектов.

Тогда мы сталкиваемся с особой проблемой: согласованность технического ансамбля увеличивается, если мы предполагаем, что ансамбль состоит из под-ансамблей, обладающих одним и тем же уровнем относительной индивидуации. То есть рассматриваемая здесь лаборатория вовсе не ориентирована на объединение двух генераторов-аудиометров и усилителей-аттенюаторов. Скорее, речь идет о группировании двух генераторов так, чтобы оба – одновременно и пропорционально – подвергались воздействию со стороны изменения напряжения и температуры. В таком случае, изменения на низких частотах – из-за двух взаимосвязанных изменений частоты генератора – будут сведены к абсолютному минимуму, учитывая, что обе основные частоты будут увеличиваться или уменьшаться в тандеме. Тем не менее сама логика функционального единства генератора предполагает наличие разных источников питания, дабы привести питание первого генератора к одной фазе, а второго генератора к другой, что и установило бы самостабилизирующий эффект компенсации двух вариаций, которые и придают всему ансамблю (скомпонованному благодаря двум генераторам) высокий уровень стабильности. Отсюда и возникает идея подключения генераторов к другой фазе сети, отличной от той, к которой подключен усилитель-аттенюатор, дабы избежать изменений в анодном потреблении усилителя, влияющем на напряжение питания от генератора.

Приводя, довольно подробно, данный пример лаборатории, Симондон пытается показать, что принцип индивидуализации технических объектов в ансамбле требует наличия под-ансамблей, компонуемых рекурсивной причинностью в ассоциированной среде. Все технические объекты, чьи ассоциированные среды обрисовывают рекурсивную причинность, должны быть отделены друг от друга и объединены так, чтобы обеспечить независимость их

ассоциированных сред. Значит, подгруппы генераторов не должны обладать только лишь источником питания, отличным от усилителя-аттенюатора. Их соединение должно быть автономными. Усилитель должен обладать крайне высоким входным сопротивлением по сравнению с выходом генератора так, чтобы эффект от усиления на генераторах оставался ничтожным.

Ансамбль более высокого уровня, включающий в себя все под-ансамбли, определяется своей способностью свободно реализовывать любое относительное размещение последних без ущерба для автономии индивидуализированных под-ансамблей. Все направлено на то, чтобы обеспечить независимость под-ансамблей и, в то же время, допустить необходимые комбинации между их функционированиями. В этом состоит функциональная роль ансамбля второго уровня, который Симондон и называет лабораторией: использование результатов функционирований без допущения взаимодействия между условиями функционирования³⁰.

Тогда встает вопрос относительно того, когда возникает индивид: на уровне под-ансамблей или на уровне самого ансамбля? Ответ кроется в представлении о рекурсивной причинности. Действительно, на уровне ансамбля (т. е., в данном случае, на уровне лаборатории) подлинной ассоциированной среды не существует. Если ассоциированная среда и существует, то не целиком, а лишь в некоем отношении. Допустим, наличие генераторов в помещении, где имеет место аудиометрическое тестирование, вызывает деятельность органа слуха через раздражение. Генераторы, использующие трансформаторы, издают раздражающий вибрирующий звук. Генераторы с сопротивлениями и емкостями производят слабый звук. Для проведения контролируемого эксперимента следует поместить оборудование в соседнюю комнату и управлять им издали, либо же исследуемый должен быть изолирован в звуконепроницаемой комнате. То есть ансамбль более высокого уровня, именуемый лабораторией, составляется из не соединенных друг с другом устройств и избегает случайного создания ассоциированных сред. Отличие технических индивидов от ансамбля состоит именно в том, что одной ассоциированной среды мало. Ансамбль включает в себя определенное число устройств, ориентированных на то, чтобы остановить формирование только лишь одной ассоциированной

среды. Он противостоит внутренней конкретизации технических объектов, кои он сам и содержит. Ансамбль лишь использует результаты функционирования последних, не допуская их совместного функционирования.

И тогда опять встает вопрос: могут ли существовать группы с разной индивидуальностью, располагающейся ниже уровня технических объектов? Если тут и возможен положительный ответ, то лишь в том случае, что у данного типа индивида не та же структура, что у технического объекта, связанного с ассоциированной средой. Подобный тип индивидуации предполагает, согласно Симондону, многофункциональный ансамбль без позитивной ассоциированной среды, т. е. без саморегулирования.

Более того, имеют место и инфра-индивидуальные технические объекты, которые следовало было бы также назвать техническими элементами. Они тоже отличаются от истинных индивидов тем, что не имеют ассоциированной среды, но, тем не менее, способны интегрироваться в индивида. К примеру, горячая катодная лампа – это скорее технический элемент, нежели завершенный технический индивид. Ее можно сравнить с органом живого тела. Следуя этой линии мышления, можно было бы определить общую органологию, которая изучала бы технические объекты на уровне элемента, что стало бы подобластью технологии, подобно механологии или изучению завершенного технического индивида.

* * *

Подведем некий итог предыдущим рассуждениям, цель которых, как говорилось, состоит в показе того, как меняется представление об управлении, или регулировании и контроле, когда мы входим сферу самоорганизации и индивидуации и смещаемся от отношения «материя–форма» к отношению «материал–сила». И тем самым приближаемся к полицентрическому понятию машины сложности.

Итак, согласно Симондону, термин индивидуация обозначает процесс генезиса, ведущего к конституции сущности или некоего существа. Данная перспектива противостоит как субстанциалистской точке зрения, рассматривающей существо как детерминиро-

ванное его собственной сущностью, так и гиломорфической точке зрения, рассматривающей существо как произведенное благодаря встрече материи и формы.

Термин «существо», или «индивид», в терминологии Симондона, указывает вовсе не на некую конечную стадию, но на сущность, пребывающую в середине процесса генезиса. «Индивид – это то, что было индивидуализировано и продолжает индивидуализировать себя»³¹. Индивид представляет собой здесь абстрактную и родовую сущность. Термин «доиндивидуальное» обозначает перенасыщенное состояние, состояние – меньшее, чем единство, и больше, чем идентичность, – из которого и проистекает динамический процесс, понимаемый как своего рода растяжение начального сложного конгломерата. Именно такой процесс может развернуть работу индивидуации. К тому же, после того, как имел место процесс индивидуации, остается определенное измерение архетипической доиндивидуальности, допускающее возникновение новых подобных процессов. Доиндивидуальное перенасыщение задает условия для функциональной диссимметрии, которое Симондон называет несопоставимостью, гранью неопределенности, на которую постоянно приходится метастабильное состояние равновесия внутри индивида.

Начиная с такого состояния несопоставимости формируется резонансный процесс в более широких масштабах, отвечающий за возбуждение трансиндивидуальных отношений. Образуется некая коллективность, понимая не только как группирование ансамбля индивидов, полностью индивидуализированных прежде, но и как процесс, подразумевающий фрагментарное множество доиндивидуальных потенциалов. То есть коллективность не является измерением, существующим до индивидуализированных существ, но реальностью, которая индивидуируется в ходе особых процессов индивидуации.

Примечания

- 1 *Морен Э. Метод. М., 2005. С. 177 (пер. с фр. Е.Н.Князевой).*
- 2 Там же. С. 179.
- 3 *Castellani B., Yafferty F. Sociology and Complexity. A New field inquiry, Springer, 2009. P. 12.*
- 4 *Mainzer K. Thinking in complexity. The complex dynamics of matter, mind and mankind. Berlin, 2004.*
- 5 *Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М., 2012. С. 11.*
- 6 *Baecker D. Observing networks // Presented at congress “Self-organisation and Emergence”. 2011. Vienna, November 10–13.*
- 7 *Стёпин В.С. Исторические типы рациональности в их отношении к сложности // Синергетическая парадигма: синергетика инновационной сложности. М., 2011. С. 37–47.*
- 8 *Лепский В.Е. Философские основания становления средовой парадигмы (от классической рациональности к постнеклассической // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. М., 2011. С. 37.*
- 9 *Стёпин В.С. Теоретическое знание. М., 2000.*
- 10 *Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998. С. 167–168.*
- 11 Там же.
- 12 *Морен Э. Метод. С. 296.*
- 13 *Spencer Brown G. Laws of Form. L., 1969.*
- 14 *Морен Э. Метод. С. 278, 279 (пер. с фр. Е.Н.Князевой). Поскольку далее речь пойдет и об управлении и в антропосоциологическом плане, то, на наш взгляд, следует здесь же привести цитату из книги Ж.Делёза и Ф.Гваттари «Тысяча плато», которая явным образом коррелирует с пассажем из Морена; «Школьная учительница, опрашивая ученика, информирует себя не больше, чем информирует учеников, когда учит их правилам грамматики или счета. Она “предписывает”, отдает приказы, командует. ...Слова – не инструменты, но мы даем детям язык, ручки и записные книжки так же, как рабочим – лопаты и кирки» (*Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. М., 2010. С. 124–126*).*
- 15 Там же. С. 280.
- 16 *Smith Daniel W. Deleuze’s Theory of Sensation: Overcoming the Kantian Duality // Deleuze: A Critical Reader / Ed. by P.Patton. Massachusetts, 1996. P. 43.*
- 17 *Симондон Ж. О способе существования технических объектов. Заключение (пер. М.Куртова) // trfns-lit.info, Транслит. 2011. № 9. С. 99.*
- 18 *Хакен Г. Принципы работы головного мозга. М., 2001. С. 14.*
- 19 *Скотин Д. Мембрана и жизнь в складках: Жильбер Симондон и Жиль Делёз // Синий диван. 2011. № 16. С. 237.*
- 20 *Simondon G. Du mode d’existence des objets techniques. P., 1989.*
- 21 См. об этом подробнее: *Henning Schmidgen Thinking technological and biological beings: Gilbert Simondon’s philosophy of machines.*
- 22 *Simondon G. L’individu et sa genese physico-biologique. Grenoble–P., 1995. P. 22.*
- 23 *Ibid. P. 23.*

- ²⁴ *Pearson K.P.* Germinal life. The difference and repetition of Deleuze. L.–N. Y., 1999. P. 91.
- ²⁵ Следует отметить, что словосочетание «ассоциированная среда» активно используется Ж.Делёзом и Ф.Гваттари в построении собственного концептуального аппарата.
- ²⁶ В терминологии Ж.Делёза: «темный предшественник».
- ²⁷ Что также является одной из основных тем философствования Ж.Делёза.
- ²⁸ Возможности ответов на подобные вопросы можно найти в текстах С.Курдюмова и Е.Князевой, относящихся к осмыслению синергетического направления в науке.
- ²⁹ Здесь также уместно вспомнить размышления Делёза о «теле без органов».
- ³⁰ Подобная лаборатория может, при определенных обстоятельствах, рассматриваться как пример «сетевой лаборатории» Брюно Латура.
- ³¹ *Simondon G.* L'individu et sa genese physico-biologique. P. 197.

Л.Г. Голубкова, В.М. Розин

Стандартизация как форма глобального рамочного управления

С начала 1990-х гг. в России активно идет процесс освоения западных стандартов. Результаты этого процесса противоречивы, интересны, недоосмыслены. Руководители предприятий пеняют на очередную кампанейщину, технические специалисты со стажем искренне удивляются, зачем было разваливать стройную систему ГОСТов, работники надзорных организаций приспосабливаются к новым нормам... В чем сходятся и сторонники, и противники новой стандартизации, – признание того, что появление в нашей жизни *других* стандартов не проходит бесследно. Именно в жизни, а не рабочем месте или в отдельном цеху или даже в масштабе отрасли. Адаптация стандартов, изменения, происходящие в обществе в связи с принятием иных норм деятельности и производства, достойны подробного анализа. Ведь они, как волшебное зеркало, отражают одно из самых популярных и в то же время малоизученных явлений современности – управление. И даже не управление вообще, а его наиболее сложную часть – *рамочное управление*.

С фактическим вступлением России в Всемирную торговую организацию (ВТО) в августе 2012 г. влияние международной стандартизации на социальную и экономическую жизнь страны многократно усилилась. Документ, определяющий взаимоотношения России и ВТО, включает более 6 тыс. страниц текста. Однако для российского пользователя этот документ не доступен; более того, текст не переведен на русский язык. (Здесь возникает вопрос

к российской делегации на переговорах по вступлению в ВТО и к депутатам, принявшим документ без перевода.) Глубокий характер ожидающих нас изменений становится понятен из приведенных ниже всего нескольких примеров международного регулирования национального законодательства в рамках ВТО.

Россия не сможет быстро изменить свою политику в отношении ВТО. Изменения могут быть приняты только спустя три года после вступления договора о вступлении в ВТО в силу и с условием выплаты торговым партнерам компенсаций за убытки.

Россия не сможет ввести ограничений для доступа на свои рынки иностранных игроков (квоты, эмбарго, запреты и др.). Это касается доступа в сферы образования, здравоохранения и др.

Россия не имеет права регулировать ввоз-вывоз валюты иностранными инвесторами, вывоз прибыли и продукции из страны.

Россия не может обязывать инвесторов использовать отечественную продукцию, компоненты и комплектующие в процессе производства или принимать на работу местное население.

ВТО запрещает запрет импорта товара из экологических соображений¹.

В рамках ВТО принятие законов не привязано к государству, которого они касаются. В правовом отношении *интересы крупного международного бизнеса и банков стоят выше интересов населения стран-членов ВТО*. Правительства стран-членов и администрации регионов должны соблюдать правила ВТО.

Не придерживаясь конспирологической позиции и желая понять механизм действия глобальных технологий стандартизации, авторы статьи задались вопросом: что происходит при «внедрении» западных стандартов? Слово «внедрение» взято в кавычки вовсе не из-за снисходительного отношения к появлению новых отношений людей и технических систем. Напротив, легкость, с которой в отдельных органах исполнительной власти или ведомствах предписывают «внедрить» западные стандарты, показывает, что в современном российском обществе не до конца осознана великая сила стандартизации. Стандарты должны быть не только формально поняты, но приняты и освоены обществом. Что же касается международных стандартов, то они, кроме того, должны быть *приспособлены* к нашим историческим, географическим, культурным и даже языковым условиям. В советское время по-

нимание стандартизации в российском обществе присутствовало. Об этом свидетельствует вся история современных стандартов – и технических, и нетехнических.

Прошлый век можно смело назвать веком стандартов. И советская, и западная стандартизация производственных процессов во многом обязана своим возникновением военно-промышленного комплексу. Нужно было готовиться к войне, а затем и обеспечивать ее массовой военной продукцией; предприятия-поставщики часто находились за много тысяч километров от головного; требования взаимозаменяемости и качества изделий становились совершенно обязательными; все больше производственный процесс основывался на проектировании, предполагающем использование стандартных проектных решений и стандартных конструкций и деталей при изготовлении изделия. Организовать и управлять таким производством на основе одних знаний и опыта было невозможно. В результате разрабатываются стандарты (ГОСТы, СНИПы, нормы, альбомы проектных решений, типовые проекты), позволившие успешно решить указанные проблемы.

«Оборонка» нет-нет, да и заставит вспомнить о себе. Если вам приходилось ездить на поезде в западном направлении, то вы могли заметить, что в Бресте поезд стоит более двух часов, а в Чопе – больше трех. Это связано с тем, что ширина железнодорожной колеи за границами бывшего СССР меняется. Приходится краном поднимать вагоны и переносить на другую платформу. Так что советская граница, проходящая по железной дороге, до сих пор «на замке». Диаметр советских макарон «удивительным» образом совпадал с диаметром пуль (заводы все были двойного назначения). Или возьмем электротехнику. Пятнадцать лет назад, покупая иностранный бытовой электроприбор, вы не сразу могли начать его использовать – не подходила ширина российской розетки, которая соответствовала ГОСТу, а не стандарту Международной электротехнической комиссии (МЭК). Эта комиссия была создана еще в 1906 г. ведущими европейскими промышленниками, которые тогда готовились к войне.

Именно на базе МЭК в 1946 г. была создана Международная организация по стандартизации – та самая International Organization for Standardization (ISO), чьим стандартам в разных областях российские предприятия сейчас пытаются соответствовать. В 1987 г.

ISO предприняла попытку применить британский стандарт в области организации оборонной промышленности в мировом масштабе. Так возник стандарт серии 9000 «Системы менеджмента качества» – явление, удивительное даже для технологизированного Запада. Нормированию стали подлежать не размер винтиков и конструкция разъемов, а *способы взаимодействия людей*, которые их производят.

Если нашим техническим специалистам международные стандарты известны уже в течение многих десятков лет, то перенос стандартизации в область управления для российских предприятий стал новостью. ГОСТы очень подробно регламентировали результат и даже процесс производства. Считалось, что управление само собой подстроится под требования производственной системы. За счет чего выпускалась качественная продукция – соблюдения требований ГОСТов или авралов, никого не интересовало.

Здесь уместно выполнить историческую реконструкцию оснований стандартов ISO на «системы менеджмента». Что мыслится под «системой», которую предполагается стандартизировать? Согласно Г.П.Щедровицкому, «системное представление объекта», с точки зрения строения самого представления, это не что иное, как *форма фиксации проделанных нами процедур*². Ниже дается пример анализа процедур, лежащих в основе ГОСТов и западных управленческих стандартов. Отсутствие различия этих двух установок приводит к непониманию и, хуже того, имитации или отторжению требований международных стандартов и неправомерной абсолютизации и догматизации советского наследия в области технического регулирования.

Когда на российских предприятиях начинают подготовку к сертификации по стандартам серии ISO 9000 (или ГОСТ-Р ИСО 9000) «Системы менеджмента качества», многие сотрудники испытывают недоумение. Зачем надо как-то специально готовиться, если «у нас все по ГОСТам»? Но это не единственная проблема. Не все стандарты нам подходят. Дело в том, что западное нормативное богатство складывалось десятилетиями, оно наследует и принципы протестантской этики, и американский «фронтир». Даже правильный перевод текста западного стандарта является сложной задачей: другие реалии, обычаи делового оборота, трудовые отношения.

Наверное, самое трудное в международных стандартах для нашего, российского восприятия – это скрытая в западной культуре упорядоченность, склонность к анализу, расчленению деятельности на кусочки. Одни идентифицируют, другие планируют, третьи выполняют, четвертые верифицируют, пятые квалифицируют, шестые валидируют, а седьмые их всех аудируют.

Применение чуждых управленческих норм на практике рождается либо в формальность, либо в любимую для инженерного русского ума задачку – обвести ревизора вокруг пальца. Только сейчас, спустя двадцать лет после «успешного внедрения» стандартов серии ISO 9000, стали задумываться об адаптации международных управленческих норм к национальным условиям.

Есть и другой аспект использования международных требований, который западные стандартизаторы предпочитают не афишировать. Считается, что стандарты, как и вообще технология, нейтральны, однако это не так. Например, Россия долго откладывала ввод экологических стандартов на автомобильное дизельное топливо и бензин, известные как Евро-2, Евро-3, Евро-4 и Евро-5. Чем больше цифра (т.наз. «октановое число»), тем чище и экологичнее топливо. В 2002 г. панику у отечественных производителей и импортеров грузовиков вызвало запрещение использовать двигатели, не соответствующие стандарту Евро-1. В России по состоянию на 2012 г. действует стандарт Евро-2 для топлива и Евро-3 для автомобилей. Первоначально планировалось ввести стандарт Евро-4 с 1 января 2010 г., но сроки были перенесены сначала на 2012 г., затем на 2014 г. Также неоднократно переносился переход на новые стандарты топлива. В отношении автомобильной техники действие сертификатов Евро-3 продлено до 31 декабря 2013 г. Стандарт Евро-4 действует только на ввозимые автомобили³.

Технически можно было наладить выпуск бензина Евро-3 еще несколько лет назад, однако *две трети российского автопарка – это машины, не соответствующие даже нормам Евро-0*. Несмотря на значительное число иномарок в столице и других крупных городах, пока еще больше востребован бензин, соответствующий более низким стандартам в области охраны окружающей среды. Противниками ввода нового техрегламента было Министерство обороны, которое использует бензин с октановым числом 80 (Евро-0), а также Росрезерв, который накопил огромные запасы такого топлива.

Казалось бы, можно только радоваться, что «черных хвостов» на дорогах станет меньше. Однако если вдуматься, ввод указанного техрегламента приведет к тому, что все наши машины нужно сдать на свалку. «Их» промышленность эволюционировала в течение многих лет, поэтому постепенный ввод стандартов от Евро-0 до Евро-5 не представлял большой проблемы для европейских автомобилестроителей. Нам же предлагается изменить технологию производства двигателей кавалерийскими темпами. Забота об экологии, проявляемая западными корпорациями и международными организациями, является всего лишь предлогом дополнительно ослабить российскую экономику. Для иностранных производителей важно, чтобы Россия полностью потеряла еще одну отрасль промышленности. Ввести новые стандарты – прекрасный способ изменить расстановку сил в свою пользу. А потом наладить здесь собственные сборочные производства, – и Россия автоматически начинает проводить политику «догоняющего» развития.

Получается, что такая, на первый взгляд техническая вещь, как стандартизация, является особым видом управления. Стандарты определяют для деятельности *рамки*, в которых она должна развиваться. Кто пишет стандарты, тот и заказывает музыку. Другая сторона этого процесса – необходимость кардинальной перестройки самого производства. До сих пор специалисты сетуют, что название стандарта «Системы менеджмента качества» было выбрано неудачно. К качеству продукции этот стандарт отношения не имеет. Он определяет *управленческие нормы*, следуя которым организация может производить продукцию запланированного уровня качества и совершенствовать свою систему управления. *Международные стандарты систем менеджмента* – качества, экологии или техники безопасности – это *стандарты рамочные*. И это их главное отличие от ГОСТов. Казалось бы, как хорошо – никто тебе жестко ничего не предписывает, что хочешь, то и стандартизируешь... Однако не всё так просто.

Возьмем, например, пункт 6.4. стандарта ISO 9001 «Производственная среда»: «Организация должна осуществлять менеджмент тех аспектов производственной среды, которые влияют на соответствие продукции требованиям»⁴. Всего одно предложение. А за ним – все вопросы обеспечения работы предприятия: производственная инфраструктура, организация логистики, вспомогатель-

ные производства... Чтобы соответствовать только этому пункту, надо выявить требования, причем не только ГОСТов и законодательных актов, но и всех так называемых «заинтересованных сторон»: клиентов, поставщиков, партнеров, органов государственной власти, надзорных органов. Во-вторых, определить те самые «аспекты, которые влияют». В-третьих, сделать так, чтобы руководители и сотрудники выполняли свою работу с учетом «требований» и «аспектов». А в-четвертых – и это самое сложное – применять эти навыки и понимание в штатных ситуациях всегда и на уровне автоматизма, а не вследствие личного озарения или подвига. Причем каждый сотрудник должен уметь внятно объяснить, как он в своей работе этот пункт стандарта применяет и что делает на рабочем месте для улучшения ситуации. И так по каждому пункту.

Но чем все-таки наши стандарты принципиально отличаются от западных? Вроде бы все начиналось одинаково – с проблем организации производства, ориентированного на подготовку к мировой войне. При этом наши стандарты вполне отвечали советской командно-административной системе с ее глобальным контролем и регламентацией. Поэтому советские ГОСТы создавались как *предписывающие*, они нормируют всё, как говорится, «до последнего вздоха». Объектом контроля при стандартизации обычно становился не процесс изготовления продукции, а его материальный результат, т. е. собственно продукция. Как правило, советский «Знак качества» относился не к тому, *как* продукт создавался, а к тому, *что* он собой представлял. В студенческие времена одному из авторов приходилось по нескольку дней в году работать на конвейере кондитерской фабрики «Ударница», над которой шефствовал институт. Укладчиц не хватало, студентки фасовали в коробки зефир в шоколаде, бывший тогда большим дефицитом. Не думайте завидовать. На второй час работы никто уже не мог на этот зефир смотреть, т. к. разрешалось весь зефир нестандартной формы съесть на месте! А брака было предостаточно... На коробках же стоял «Знак качества», что по отношению к зефиру было вполне справедливо, а по отношению к организации работы – вовсе нет.

Социалистические стандарты (нормы) представляли собой довольно сложное образование. При их разработке учитывались, во-первых, идеологические требования (они должны были соответствовать идеалам социализма, зачастую удовлетворять стро-

гим военным нормативам, связанным, например, с секретностью разработок), во-вторых, требования, связанные с необходимостью собственно стандартизации, в-третьих, учитывался опыт использования норм в той или иной области (поэтому периодически стандарты пересматривались), наконец, в-четвертых, принимались во внимание требования, предъявляемые разными социальными советскими институтами (прежде чем стандарты окончательно утверждались, они проходили сложную и неоднократную процедуру согласования во многих учреждениях). Участие в разработке стандартов советских специалистов и согласование новых стандартов в социалистических учреждениях автоматически приводило к тому, что наши стандарты отражали дух и практику социалистического труда и управления. В этом отношении социалистические стандарты могут быть сами рассмотрены как своеобразный социальный институт. Они имели миссию – обеспечивать качество продукции и согласование разных звеньев производственного процесса, задавали процедуры (нормирования), устойчиво воспроизводились, задавали один из необходимых типов связи (кооперации) разных учреждений (институтов).

Естественно, что и западные стандарты отражали дух и практику характерного для Запада труда и управления, а также обеспечивали необходимую связь западных социальных институтов. Последние же существенно отличались от российских. Чтобы понять чем, стоит подробнее рассмотреть, что такое социальный институт. Вадим Беляев рассматривает вызов, в связи с которым возникали естествознание и политэкономическая наука⁵. Он, в частности, анализирует ответ Адама Смита на памфлет Бернарда Мандевиля, доказывающего, что общество погрязло в пороках и эгоизме, которые и обеспечивают, как это ни странно, благосостояние его членов. «Памфлет Мандевиля, – цитирует В.Беляев “Историю экономических учений”, – отразил реалии жизни и задел “за живое” британскую публику. Многие восприняли его как вызов общественному мнению. Наиболее полный ответ на этот вызов появился спустя более чем полвека. Его дал А.Смит... В основе критической сатиры Мандевиля было противопоставление формировавшегося нового буржуазного уклада жизни и христианской морали. Смит попытался переосмыслить сами эти сложившиеся моральные установки с учетом изменений в обществе. Он воспри-

нимает логику рассуждений Мандевиля, но при этом почти полностью освобождает ее от морально критического начала, которое составляло главную мысль “Басни...”. Смит как бы переворачивает аргументацию: раз следование частным интересам обеспечивает общественное благо, значит, эти интересы следует признать скорее благотворными и потому естественными.

Смит верил, что каждый человек лучше других знает свои интересы и вправе свободно им следовать <...> Смит писал, что человек, преследующий свои интересы, «часто более действенным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится служить им». Таков смысл знаменитого образа «невидимой руки», направляющей человека к «цели, которая совсем и не входила в его намерения»⁶. Иммануил Кант в работе «К вечному миру» обобщил подход А.Смита, заложив исходные принципы либеральной стратегии.

«Эту гарантию дает великая в свое искусство природа (*natura daedala regum*), в механическом процессе которой с очевидностью обнаруживается целесообразность, состоящая в том, чтобы осуществить согласие людей через разногласие, даже против их воли <...> разум может использовать механизм природы как средство для того, чтобы осуществить собственную цель – предписание права – и этим способствовать внешнему и внутреннему миру и обеспечить его, поскольку это зависит от самого государства»⁷.

Сравнивая либеральную стратегию Канта со стратегией современного идеолога либерализма Сейлы Бенхабиб, В.Беляев старается показать, что, во-первых, либеральное решение состояло в том, чтобы выйти на реальность, находящуюся «по ту сторону ценностей» (только так можно было примерить противостояние разных сил), во-вторых, что эта реальность была истолкована как посясторонняя, «земная» (на роль такой реальности лучше всего как раз и подходила «природа»), в-третьих, что именно естествознание и современная техника рассматривались как знание и подтверждение этой реальности, в-четвертых, решение состояло в том, чтобы найти (изобрести) механизм, действующий наподобие «невидимой руки».

«Если сравнить их решения, – пишет Беляев, – то нетрудно увидеть, что стратегически это одно и то же решение. Бенхабиб только адаптирует его к условиям современного мира. Стараясь

найти и обосновать позиции по ту сторону культур, она ищет позиции по ту сторону их ценностных миров, которые не могут найти компромисса друг с другом. Она хочет разрядить конфликтный потенциал, поэтому она предлагает проект “интеркультурного человека”. Как похож такой человек, с одной стороны, на ученого, который тоже по определению должен занимать, по крайней мере, “интеркультурную” позицию (если не позицию за пределами культуры), а с другой стороны, на “приземленного” человека конструктивной либеральной социальности, который должен поддерживать приоритет “интеркультурных” ценностей над всеми остальными. В этом отношении оба стремления идут в одном направлении. А это должно наталкивать на мысль, что наука является какой-то отдельной традицией. Она выглядит как когнитивная сторона либеральной стратегии... Недаром в современной иерархии научной объективности самое верхнее место занимает естествознание, как то, что меньше всего связано с ценностями»⁸.

Наконец, по мнению Беляева, современный институционализм, по сути, представляет собой ту же либеральную стратегию, но в более широком плане. «Институционализм предстает как стратегия поиска того слоя социальности, которая подспудно присутствует при любой официальной конституции общества. С моей точки зрения, институционализм предполагает независимо от того, какие принципы положены как высшие, предназначенные для исполнения, существует слой социальности представленный социальными группами со сходными интересами, группами разных масштабов. Отношения между ними определяются через баланс сил, поиск компромиссов и тому подобное...

Институционализм как выведение на поверхность неявного, но неискоренимого и универсального, по сути, слоя социальности действительно выглядит как некое интеридеологическое решение. Точнее, не интеридеологическое, а стоящее по ту сторону идеологии. Ведь эта реальность присутствует в обществе с любой идеологией. Чем больше в обществе развивается внутренняя диверсификация, чем больше оно неофициально фрагментируется (что есть предпосылка для борьбы и войн. – *В.Р.*), тем больше “институциональная” реальность становится реальной силой. Набирая силу, она унифицирует социально-политическое пространство в международном масштабе. Недаром один из лидеров американско-

го институционализма Дж.К.Гэлбрейт, неоднократно посещавший СССР, видел в своей стратегии возможность прекращения “холодной войны”, противоборства мировых социальных систем»⁹.

Принимая результаты исследования В.Беляева, приходится признать следующее. Социальный институт – это не только определенная социальная функция, выраженная в миссии института, а также процедуры и социальные опоры, устойчиво воспроизводящиеся в культуре. И не просто решение насущной актуальной проблемы для определенных групп или популяций, состоящее в открытии и установлении устраивающих всех процедур и представлений. Социальный институт представляет собой механизм достижения «социального мира» за счет создания социальных и когнитивных форм, лежащих по ту сторону ценностей отдельных участников социальной жизни, заставляющих их не воевать друг с другом, а, работая на себя, тем самым трудиться на социальное целое.

Вернемся к стандартам. В СССР они обеспечивали работу социального организма по принципу *социально-производственной машины*, а согласование стандартов при их утверждении выступало как налаживание связей между отдельными звеньями этой машины. «Социальный мир», если о таком можно вообще говорить при социализме, обеспечивали другие институты – КПСС, идеология, образование, репрессивные органы. В этом плане качественной разницы между стандартами периода подготовки к войне и после войны не было.

Совершенно другую картину можно наблюдать на Западе. Если в период подготовки к войне и во время войны капиталистические государства были вынуждены ограничить многие либеральные свободы и более жестко нормировать свое производство и управление, то после войны рыночные отношения и все основные либерально-демократические институты полностью восстановили свои права. Соответственно, стал переосмысляться и перестраиваться механизм стандартизации. Хотя продолжали говорить о стандартизации, но смысл и понимание ее стали меняться. Собственно стандартизация продукции, а также стандартизация процессов проектирования и производства стали переходить в сферу автоматизации, а сегодня и роботизации. На передний же план в дискурсе «стандартизации» вышли совершенно другие проблемы и темы (в частности, понятия качества и управления). А именно,

под «стандартизацией качества управления» стали понимать сложную работу, направленную на анализ сложившегося производства, выявление разрывов (проблем, трудных мест), не позволяющих предприятию (фирме, производству) эффективно участвовать в конкуренции и меняться, поиск способов и путей перестройки деятельности предприятия, в том числе и механизмов управления.

Смещение этих проблем было связано с двумя основными обстоятельствами. Во-первых, в связи с революцией в области развития производства, связанной с управлением. Во-вторых, поиском либеральных (институциональных) механизмов перестройки производства и управления¹⁰.

После Тэйлора управление переходит в руки менеджеров, которые призваны заниматься проектированием и преобразованием производства. При этом они вынуждены учитывать результаты работы других менеджеров, которые с ними конкурируют. Выясняется, что нужно учитывать и людей (рабочих, инженеров и другой персонал), причем не как винтиков, а самоценных участников производственного процесса. Затем выяснилось, что эффективность и конкурентоспособность предприятия растут, если учитываются и рассчитываются потребители с их ценностями и образом жизни, движение продукции на рынке, взаимоотношения с заказчиками, партнерами и поставщиками, тенденции изменения рынка и других социальных институтов, научный и проектный потенциал, информированность и многое другое.

Начиная с середины 1950-х гг. в США, а затем и в Европе появляется новое социальное образование – *корпорации*. Экономисты и юристы обычно к корпорациям относят организации, имеющие определенную, публичную форму собственности. Здесь мы понимаем корпорации расширительно, как новую форму сложного взаимодействия человеческих и технических систем для достижения постоянного роста и увеличения благосостояния акционеров. Корпорации – это научно-производственные и торговые цепочки, во главе которых находятся менеджеры, отслеживающие конкуренцию и меняющие производство в соответствии с указанной моделью. С одной стороны, постоянно осуществляется описание и моделирование состояния производства и внешней среды; здесь важны целеполагание, исследования и разработки. С другой стороны, идет процесс перестройки производства, в котором возрас-

тает роль проектирования, быстрой реорганизации, обучения. Как следствие, меняется внешняя среда – через информацию, рекламу, товары, а в последние тридцать лет и через нематериальные составляющие: моду, брендинг, электронный обмен данными. Сами менеджеры вынуждены меняться: происходит переобучение и реализация определенных установок корпоративной культуры. При этом менеджерам приходится менять не только само производство, но и выстраивать отношения с людьми. В этом принципиальная двойственность феномена управления, это всегда *и организация производства, и взаимоотношения с людьми*¹¹.

Важно, что революция в развитии производства и управления протекала в рамках либеральных социальных институтов, которые чтобы обеспечить эту революцию, должны были сами меняться. В каком направлении? Возросшая конкуренция предприятий не должна была переходить в войну; все участники, оставаясь свободными в своих частных действиях, должны были кооперироваться в новых формах совместной деятельности, заставляющие конкурирующие производства работать на обеспечение экономического роста, камуфлируемого под заботу об увеличении общественного благосостояния. Одной из форм этой деятельности выступает стандартизация качества управления.

Действительно, ISO задает только рамки управления и ее перестройки, оставляя зону свободы для каждого участника социального действия. Однако есть внешний и внутренний аудит, существует культура следования принятым законам, если нет кризиса, сохраняется доверие к договорам, партнерам и другим участникам экономического процесса. Если говорить о социальной стратегии стандартизации, то нужно указать два основных момента: создание условий, с одной стороны, *для развития в условиях все возрастающей конкуренции*, с другой – *для блага социального целого*. Для современной либеральной стратегии в понимание блага входят, кроме известной триады «свобода, равенства, братство», экологические идеалы, права отдельных групп и личности, проектирование будущего и ряд других моментов.

Следует отметить, что именно парадигма неуклонного, почти бесконечного роста, основанная на завоеваниях научно-технического прогресса и ожиданиях от коммерциализации технологий, явилась основой нормирования социально-производственных

отношений, а не наоборот. Не совсем оправданно приписывать транснациональным корпорациям (ТНК) стремление генерировать все бóльшую прибыль в качестве единственного стимула всех изменений. Построение глобальной инфраструктуры, включая мировую распределенную базу НИОКР, стало для высокотехнологичных ТНК вызовом, сравнимым с освоением космического пространства для ВПК. Ответом на этот беспрецедентный вызов времени стало, в частности, лоббирование принятия в глобальном масштабе стандартов, характерных для управления гигантскими научно-производственными цепочками. Этот процесс начинается в США в 1950-е гг. и достигает своего апогея спустя двадцать лет. Например, стандарт Good Manufacturing Practice (GMP, «надлежащая производственная практика») складывается в США в 1960-х гг., приобретает международное влияние в 1980-х годах в Западной Европе, а с 1 января 2010 г. действует в России как ГОСТ Р 52249-2009. Этот стандарт, гораздо более жесткий, чем ISO 9001:2008, определяет систему норм, правил и указаний в отношении производства лекарственных средств, медицинских устройств, изделий диагностического назначения, продуктов питания, пищевых добавок, активных ингредиентов. В отличие от процедуры контроля качества путём исследования выборочных образцов сырья, полуфабрикатов и готовой продукции, стандарт GMP регулирует и оценивает собственно параметры производства и лабораторной проверки. На сегодняшний день стандарт GMP является де-факто регулирующим механизмом для ряда высокотехнологичных и быстро развивающихся отраслей, таких как фармацевтика, производство биодобавок и медицинской техники¹².

Питер Друкер в своей книге обсуждает, например, в чьих интересах должна осуществляться деятельность компаний. Он последовательно рассматривает следующие точки зрения: в интересах самого бизнеса (США), в интересах создания и поддержания социальной гармонии (ФРГ, Япония, страны Скандинавии), в интересах индивидуальных вкладчиков. «До сих пор нет ни одной страны, – пишет он, – которая исходила бы из представлений о том, что бизнес должен работать главным образом – и даже исключительно – на индивидуальных вкладчиков. В США с 1920 г. доминировала, хотя и неявно, теория, которая утверждала, что предпринимательская деятельность должна осуществляться исходя из

баланса интересов – потребителей, работников, вкладчиков и т. д., что на деле означало, что бизнес работает “сам на себя”. В Великобритании наблюдалось примерно такое же положение. В Японии, Германии и странах Скандинавии деятельность крупных предприятий рассматривалась – и рассматривается сегодня – как направленная, в первую очередь, на создание и поддержание социальной гармонии. На деле это означает, что предприятия должны работать в интересах работников физического труда»¹³. С самоопределением в этой области Друкер связывает вопрос об эффективности современного производства, который, с его точки зрения, далек от разрешения¹⁴.

Зато для Роберта Салмона решение этого вопроса ясно. В отличие от Друкера, который все же ориентирован на сложившуюся цивилизацию, Салмон подвергает ее критике и считает, что надо работать на будущее. Как теоретик, он дает прекрасный анализ мегатенденций современной цивилизации, утверждая, что процессы глобализации и другие социальные изменения постепенно трансформируют установки потребителей. Они все меньше хотят участвовать в гонке потребления, переключаясь на нематериальные ценности, такие как гарантии работы, социальное благополучие, гармония жизни, осмысленное существование¹⁵. Салмон доказывает, что в конкурентной борьбе в перспективе выигрывают те компании и корпорации, которые, преодолевая стереотипы и ценности техногенной цивилизации, создают альтернативное будущее (например, учитывают не только экономику, но и требования экологии, этические идеалы, трансформацию сознания, исходят из новых реалий и типов социальности).

Большую роль в формировании «невидимой руки» в сфере стандартизации играет аудит и консультирование (нередко они соединяются в рамках одной организации). Действительно, если задаются только рамки, возникает необходимость понять, как правильно действовать, в каком направлении перестраивать производство. Сами менеджеры на эти вопросы ответить квалифицированно не могут. Тогда появляется консультирование и аудит. Консультант и аудитор – это специалисты в области проблем, анализа и перестройки производства, они накапливают соответствующий опыт (знания) и предлагают основанные на нем услуги. Именно аудит и консультирование заставляют анализировать

проблемы и узкие места работы предприятия, искать пути и способы их разрешения, часто перестраивать сложившуюся организационную структуру.

Одновременно возникает дополнительный эффект. Консультирование и аудит позволяют предприятию, получившим эти услуги (успешно прошедшим аудит), претендовать на определенное место в системе социального разделения труда, на своего рода вхождение в сообщество и клуб определенных предприятий. И наоборот, консультирование и аудит становятся инструментами распространения влияния данного сообщества и клуба предприятий. Управленческие стандарты не только задают рамки и определяют необходимые позиции и действия; стандартизация качества управления создает условия для институционализации тех, кто в нее включается.

Этот процесс мы наблюдаем сегодня в России. Все больше российских предприятий и фирм приобщаются к процессу «исоизации» в расчете на вхождение в «мировой рыночный клуб», зарубежные инвестиции, приращения «административного капитала» уже здесь, в отечестве. Вот один пример принятия решения относительно изоизации. В 2004 г. директор производства, депутат регионального законодательного органа, убедил владельца холдинга, производящего сложную техническую продукцию, получить сертификат по ISO 9001 и *заодно* по ISO 14001 (экология) и OHSAS 18001 (охрана труда и техника безопасности). Одна причина: надо хорошо выглядеть в глазах региональных властей, другая, для владельца, – выйти на мировой рынок со своей продукцией.

Был намечен ход работ, разбитый на два основных этапа. На первом этапе планировались: выбор варианта стандартизации (завод или управляющая компания+завод, набор стандартов для сертификации), выбор органа сертификации, разработка комплексного плана работ, формирование проектной структуры, выбор консультантов и формы работы с ними, обучение персонала, подготовка к сертификации по ISO 9001, формирование группы внутренних аудиторов, проведение пробных внутренних аудитов, предварительный и основной сертификационный аудиты по стандарту ISO 9001. На втором этапе был проведен анализ работы за предыдущий период, корректировка плана второго этапа проекта,

обучение персонала и внутренних аудиторов, подготовка к сертификации по ISO 14001 (экология) и OHSAS 18001 (безопасность), перевод части задач по ISO 9001 из проектного контура в операционный, предварительный сертификационный аудит по новым стандартам и надзорный по ISO 9001, устранение несоответствий по результатам аудита, сертификационный аудит по ISO 14001, OHSAS 18001, завершение проекта, перевод работ в операционный контур, начало нового цикла.

Но одно дело план, другое – его реализация. Дело в том, что исоизация, как мы говорили, – это не российская стандартизация. Исоизация представляет собой сложную многоаспектную работу, включающую анализ деятельности предприятия, выявление проблем и узких мест, «расшивку» узких мест и решение проблем, перестройку деятельности предприятия, обучение и переобучение персонала, организацию самого процесса изменений и др. В этом плане международные стандарты в области управления внедрять бессмысленно. Их надо *осваивать* – как иностранный язык, езду на велосипеде или игру на скрипке.

При подготовке и проведении исоизации выясняется, что необходимо освоить ряд работ и представлений, практически полностью отсутствующих в российской практике и опыте. В культуре и в практике управляющей компании отсутствовали целые области, связанные с предметом стандартизации:

- процессная структура («процессный ландшафт»);
- новые предметные области («экология»);
- новые понятия («заинтересованные стороны»);
- новые функции внутри компании («бизнес-анализ»);
- новые виды документов (документация, необходимая для прохождения сертификации: политики, карты процессов, обязательные процедуры, отчетность по «анализу системы», внутренним аудитам);
- новые роли: представитель руководства, владелец процесса, эксперт по аудиту, внутренний аудитор;
- измерение результативности *собственной* деятельности;
- внутренние аудиты;
- выявление проблем и планирование изменений;
- разработка и поддержание метадокументации;
- ведение учета действий («записи»), прозрачность операций.

Кое-что, конечно, можно было использовать. Например, этическая система в области сертификации (разработка и производство) частично оказалась та же, что и в стандартах (понятия долга, дисциплины, прослеживаемости, проверяемости примерно такие же, как и на Западе, правда, установка на «удовлетворенность клиента» у нас отсутствует). Особое внимание организаторы исоизации в описанном случае обращали на объяснение различий ГОСТов и ISO, комментирование текстов стандартов и результатов аудитов.

Но все же различий оказалось значительно больше, чем ожидалось. Так в холдинге культивируется система управления, альтернативная «компетентной», т. е. рационально устроенной, с точки зрения дела. Большинство руководителей не на своем месте, подбраны по признаку лояльности, родственно-приятельских связей. Различные части холдинга живут в разном историческом времени. Управляющая компания представляет собой разросшуюся бизнес-общину, а производственные площадки, заводы – индустриальные объекты полувекковой давности. В связи с этим требуется совмещение двух систем ценностей, выработка единого языка, построение информационного пространства.

Означает ли различие российского и западного опыта и условий, что все приходится создавать заново, по западному образцу, и в этом смысле идти по пути модернизации? Совсем нет. Во-первых, на российской почве нельзя создать западные производственные структуры и организмы, работающие так же, как у них. Во-вторых, стратегия должна быть другая. Не уничтожать то, что веками или десятилетиями складывалось, и затем на развалинах создавать монстров, внешне похожих на успешные западные предприятия, а на самом деле работающих по старинке. Нужно *внутри коллектива предприятия вырастить такое ядро, которое бы начало процесс преобразования*. Это преобразование должны строиться на основе анализа, в том числе и западного опыта, но и отечественного. Они должны учитывать *возможности людей к изменениям*, при одновременном понимании, что на эти возможности можно влиять. Поэтому обучение и переобучение – совершенно необходимый момент исоизации. Другой совершенно необходимый момент – создание новых условий (информатизация, внутренний аудит и пр.), обеспечивающие нужные процессы.

Преобразования, о которых мы здесь пишем, нельзя понимать по типу социально-инженерных действий. Речь идет о действиях, способствующих *становлению* нового социального образования (производственного организма). Эти действия содержат три основные составляющие: *искусственные воздействия* (например, задание картины действительности, требующей изменений, проектирование, реализация проектов), *анализ и изучение складывающихся* процессов и структур (естественный план) и *коррекция воздействий*. Осуществляя преобразования, инициативный коллектив устанавливает баланс между своими желаниями (целями), имеющимися в его распоряжении возможностями (ресурсами, которые, отчасти, можно и создавать), желаниями заинтересованных участников социального действия и, наконец, тем, что реально получается (складывается, становится) в результате усилий коллектива. Соответственно, преобразования нужно понимать тройко: это то, что *мы делаем, стараемся развивать и перестраивать производство*, это то, что *складывается под влиянием не только наших усилий, но и других факторов*, многие из которых мы не понимаем и не можем отследить, это *новое бытие*, в которое мы вовлекаемся. То есть инициатор преобразований – не демиург, хотя он строит новое, оно (*становящееся производство*) при этом «строит» самого инициатора.

Но почему «становление», «выращивание», а не привычное для нас «совершенствование» или «модернизация»? Потому, что современное производство – это не только своего рода производящая «машина», но и *социальный организм*. Для нас путеводной нитью служит реконструкция истории менеджмента (управления), показавшая, что становление менеджмента обусловило превращение производства в социальные организмы, которые, реагируя на конкуренцию, вынуждены постоянно развиваться, причем сформировались искусственные и естественные органы, обеспечивающие подобное развитие (исследование внутренней и внешней среды предприятия, получение и анализ информации, проектирование и сценирование этих сред, внедрение построенных проектов и сценариев, общение сотрудников организации предприятия, самоопределение и самоорганизация их в качестве личностей).

Целое для управления – это *развитие предприятия* (компания, корпорации, учреждения), понимаемое, с одной стороны, как *деятельность* (исследование, проектирование, сценирование, вне-

дрение, перестройка производства, работа с людьми и прочее), с другой – как *жизнь социального организма* (общение сотрудников, самоопределение личностей, формирование общего видения ситуации и задач, естественные реакции на деятельность внутренней и внешней среды и др.). Этот организм представляет собой кентавр и сложный симбиоз: система производства, живущая на людях (сообществе и личностях), люди как сообщество и личности, живущие на системе производства, наконец, личности и сообщество, живущие друг на друге.

Производственный организм находится в среде, где, с одной стороны, идет *конкуренция за ресурсы* (власть, влияние, финансы, информацию, технологии), с другой – *складывается сотрудничество и кооперация*. Подобный симбиоз объясняет, почему цели развития предприятия в общем случае двойки: и выживание в конкуренции, и участие в реализации социальных идеалов. Первая цель – необходимое условие существования, посредством развития, социального организма, вторая – особенность жизни сообщества людей и личности. Как семиотические существа, люди могут жить и действовать, только порождая воображаемые конструктивные реальности, выбрасывая вперед» искусственные символические миры, которые организуют их жизнь¹⁶. Объясняет он и двойной план содержания управления: это и перестройка производства, и работа с персоналом.

Но разве нельзя жить, не развиваясь? Судя по всему, нет. Уже само функционирование культуры, как показывает один из авторов в своих работах, приводит к развитию¹⁷. Кроме того, внешние катаклизмы, неоднородность развития разных социальных организмов, борьба за ресурсы и многое другое обуславливают необходимость развития как органического момента социальной жизни.

Возникает вопрос, всегда ли имеет место развитие? Например, А.П.Прохоров показывает, что российская традиция управления существенно отличается от западной, в частности, именно потому, что отсутствует конкуренция и нет развития¹⁸. Из его исследований получается, что менеджер и тот, кем он управляет, – это не абстрактные субъекты и объекты управления, а живые люди, несущие на себе культурно-историческую традицию. Поэтому, кстати, люди в системе управления имеют свою траекторию, которая может как совпадать с целями управления, так и не совпадать (в последнем случае складывается почва для феномена «неуправля-

емости», который широко обсуждается в литературе по управлению). Кроме того, и сама система управления несет на себе черты той культуры и истории, в контексте которых она сложилась.

Управление – это двойной процесс *настройки* коллектива (сообщества) предприятия, включая отдельных индивидов (здесь инициаторами выступают лидеры и креативные субъекты), и *общения* на разных уровнях управления всех членов коллектива. Лидеры и креативные субъекты не только внушают коллективу необходимость развития и изменений, но и выясняют готовность членов предприятия идти на изменения или, напротив, оказывать им сопротивление. В ходе *настройки-общения* устанавливается своего рода *динамический гомеостазис*, т. е., с одной стороны, под влиянием настройки и поставленных задач все участники начинают действовать в заданном направлении, с другой – выясняются характер, границы и пределы изменений.

Если вернуться к примеру стандартизации в холдинге, то там большую роль в становлении нового производственного организма сыграли *один из топ-менеджеров и владелец предприятия*. Знания и опыт первого и власть и решимость второго позволили создать нужные условия для преобразований. Интересно, что коллектив управляющей компании холдинга (еще недавно совсем небольшой фирмы, созданной несколькими приятелями) вначале осторожно отнесся к предлагаемым изменениям и новшествам; но со временем, когда предприятие успешно прошло сертификационный аудит, почувствовал важность преобразований. Люди стали понимать, что не хлебом единым жив человек, что участие в становлении более конкурентноспособного и современного производства поднимает каждого над рутинной жизни.

Подводя итог преобразований, которые еще далеко не закончились, можно отметить ряд изменений в корпоративной культуре.

– Предпринята *управляемая* попытка ввода *новой предметной области* – «исоизации». Теперь сотрудники могут к этому *отнестись*.

– Институционализирован *бизнес-анализ* как способ решения повторяющихся проблем взаимодействия подразделений. Деятельность описана «как есть», выявлены разрывы, предложена и частично реализована регламентация. В штатное расписание введена новая должность «бизнес-аналитик».

– Улучшился внутренний *документооборот* – сотрудники меньше «договариваются»; стали фиксировать договоренности в письменном виде и использовать регламентирующие документы для организации своей работы.

– Введен в практику институт *внутренних аудитов*.

– Введены в ролевую структуру компании роли «эксперта по аудиту» и «внутреннего аудитора системы менеджмента», отличные от функциональной роли «специалиста» и властного статуса «начальника».

– У руководителей подразделений появилась *новая роль* – *владелец процесса*, не всегда совпадающая с его властным статусом и ролью начальника.

– Была организована работа по «внедрению процессного подхода» – создан *макет процессной структуры* (выделены процессы, назначены руководители процессов). ISO 9001 требует *продемонстрировать* процессный подход. Одновременно отработывался подход к освоению новой предметной области: «сначала форма, потом содержание – сначала сделаем, потом пойдем».

– Частично освоено понятие «проекта» в современном смысле. *Проект* – это не только «проектно-сметная документация», но и *определенный способ организации работы*.

Согласимся, это немало, причем без разрушения и бессодержательной показухи. Напротив, постепенно вырисовываются контуры нового сообщества, которое не только может вывести предприятие даже на мировой рынок, но и сделает жизнь каждого человека в коллективе более содержательной и осмысленной.

Примечания

¹ Russia's WTO accession, in: Russian Economic Report (March 2005): http://194.84.65/mdb/upload/RER10_eng.pdf

² Щедровицкий Г.П. Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 4 ОПУ (1). 2-е изд. М., 2003. С. 324.

³ Постановление Правительства РФ от 20.01.2012 № 2 «О внесении изменений в пункт 13 технического регламента «О требованиях к выбросам автомобильной техникой, выпускаемой в обращение на территории РФ, вредных (загрязняющих) веществ» // Рос. газ. 1 февр. 2012 г.

⁴ Международный стандарт ISO 9001:2008(R), 4-е изд. 2008-11-15. ISO, 2008. С. 7.

- ⁵ *Беляев В.А.* Технологии справедливости техногенного мира. М., 2010.
- ⁶ История экономических учений. Учебн. пособие. М., 2003. С. 45–46.
- ⁷ *Кант И.* Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 279, 286.
- ⁸ *Беляев В.А.* Технологии справедливости техногенного мира. С. 59.
- ⁹ Там же. С. 159–160.
- ¹⁰ *Розин В.М., Голубкова Л.Г.* Управление в мировом и российском трендах: Концепция. М., 2013. С. 17–25.
- ¹¹ *Голубкова Л.Г., Розин В.М.* Философия управления. Йошкар-Ола, 2010.
- ¹² См., например, сайты крупнейших американских и международных регулирующих организаций в сфере здравоохранения: U.S. Food and Drug Association www.fda.gov; World Health Organization www.who.int; European Commission for Public Health <http://ec.europa.eu/health/documents/>.
- ¹³ *Друкер П.Ф.* Задачи менеджмента в XXI веке. М.–СПб.–Киев, 2002. С. 88–90.
- ¹⁴ Там же. С. 90.
- ¹⁵ *Салмон Р.* Будущее менеджмента. СПб., 2004. С. 95, 96, 98, 100, 102, 224.
- ¹⁶ *Розин В.М.* Семиотические исследования. М., 2001.
- ¹⁷ *Розин В.М.* Теоретическая и прикладная культурология. М., 2007. С. 232–354.
- ¹⁸ *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М., 2002. С. 28, 70, 77, 83, 84, 100, 119.

Эволюция представлений об управлении в контексте научной рациональности

Базовые аспекты в эволюции представлений об управлении

При постановке проблемы исследования эволюции представлений об управлении мы сталкиваемся с разнообразием сложившихся представлений об управлении. Необходимо синтезировать в единой модели эволюции представлений об управлении наиболее существенные, но, тем не менее, «односторонние» теоретические и практические «срезы» анализируемого процесса. Для решения этой методологической задачи воспользуемся предложенной В.А.Лефевром идеей системного конфигуратора. Смысл этой идеи состоит в том, что исследователь производит обоснованный отбор некоторых, принципиально разных представлений об объекте исследования. Объект как бы проецируется на несколько экранов. Каждый экран задает свое собственное членение на элементы, порождая тем самым определенную структуру. Экраны связаны друг с другом так, что у нас имеется возможность соотносить различные картины. Подобное «устройство», синтезирующее различные системные представления было названо Лефевром «конфигуратором»¹.

Структурирование позиций конфигуратора выполним в контексте устоявшихся представлений научного анализа:

- философский уровень (философия науки – базовые типы научной рациональности);
- методологический уровень (базовые парадигмы и объекты управления, методология научного подхода);
- теоретический уровень (базовые обеспечивающие управленческие области знания);

– методический уровень (базовые виды и модели управления; механизмы и технологии управления).

Заданные базовые аспекты рассмотрения (таблица 1), на наш взгляд, позволят достаточно полно отразить эволюцию представлений об управлении в контексте научной рациональности.

Эволюция типов научной рациональности

В последние десятилетия в науке происходят принципиальные изменения, связанные, согласно В.С.Стёпину, со становлением постнеклассического этапа ее развития. Не принимая во внимание этих изменений, мы рискуем упустить из виду принципиальные изменения в науках об управлении. Смена общенаучных картин мира сопровождалась коренным изменением нормативных структур исследования, а также философских оснований науки. Эти периоды правомерно рассматривать как революции, которые могут приводить к изменению типа научной рациональности. Три этапа развития науки можно охарактеризовать как связанные с доминантой одного из трех типов научной рациональности, сменявших друг друга в истории техногенной цивилизации. Это – *классическая* (соответствующая классической науке), *неклассическая* и *постнеклассическая рациональности*².

Каждый новый тип научной рациональности характеризуется особыми, свойственными лишь ему основаниями науки, которые позволяют выделить и исследовать соответствующие типы системных объектов (простые, сложные, саморазвивающиеся системы). При этом возникновение нового типа рациональности и образа науки не следует понимать упрощенно в том смысле, что каждый этап приводит к полному исчезновению представлений и методологических установок предшествующего периода. Напротив, между ними существует преемственность и конвергенция.

Каждый этап характеризуется особым состоянием научной деятельности. Если схематично представить эту деятельность как отношения «субъект–средства–объект» (включая в понимание субъекта ценностно-целевые структуры деятельности, знания и навыки применения методов и средств), то описанные этапы эво-

Таблица 1.

Базовые аспекты анализа эволюции представлений об управлении

Философский уровень	Методологический уровень		Теоретический уровень	Методический уровень		
	Базовая парадигма	Базовые объекты управления		Базовые научные подходы	Базовые виды управления	Базовые модели
Тип научной рациональности		Базовые объекты управления	Базовые обеспечивающие области знания	Базовые виды управления	Базовые модели	Базовые механизмы и технологии
Классическая	«Субъект – Объект»	Сложные системы	Кибернетика	Классическое управление	Аналитические (математические)	Обратные связи
Неклассическая	«Субъект – Субъект»	Активные системы	Кибернетика второго порядка (биология, психология, социология и др.)	Рефлексивное управление, информационное управление, манипулятивные воздействия и др.	Имитационные (математические), деловые, ролевые, организательные игры и др.	Рефлексивные процессы
Пост-неклассическая	«Субъект – Полисубъектная среда», «Саморазвивающаяся среда».	Саморазвивающиеся среды	Философия, политология, экономическая наука, социология, социальная кибернетика, социогуманитарная эргономика и др.	Управление через проекты, средовое управление, сетевое управление.	«Человеко-размерные» (комбинированные)	Воздействия через среды, культуру, ценности, технологии «Мягкой силы», «сборки» и разрушения субструктур развития

люции науки, выступающие в качестве разных типов научной рациональности, характеризуются различной глубиной рефлексии по отношению к самой научной деятельности.

Управление в контексте классической научной рациональности

Философский уровень анализа

Классическая научная рациональность, центрируя внимание на объекте, стремится при теоретическом объяснении и описании элиминировать все, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности. Такая элиминация рассматривается как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире. Цели и ценности науки, определяющие стратегии исследования и способы фрагментации мира на этом этапе, как и на всех остальных, детерминированы доминирующими в культуре мировоззренческими установками и ценностными ориентациями. Но классическая наука не осмысливает этих детерминаций: научные исследования рассматриваются как познание законов Природы, существующих вне человека.

На начальном этапе становления научной проблематики управления (1940–1970-е гг.) наиболее существенное влияние оказывали философские взгляды, связанные с различными направлениями позитивизма, а в части формирования моделей человека бихевиоризма, базирующегося также на позитивистских представлениях.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Традиционное представление об управлении родилось в контексте классической науки, и оно ограничивалось *парадигмой «субъект–объект»*³.

Базовые объекты управления. Базовыми объектами в контексте данной научной рациональности и парадигмы «субъект–объект» выступают как простые, так и большие системы. Характерно, что суммарные свойства их частей исчерпывающе определяют свойства целого, связи между элементами подчиняются лапла-

совской причинности. Эти системы гомеостатичны. В них обязательно имеется программа функционирования, которая формирует управляющие команды и корректирует поведение системы на основе обратных связей. Автоматические станки, заводы-автоматы, системы управления космическими кораблями и т. п. – все это примеры больших систем в технике⁴.

Базовый научный подход. В исследовании проблематики управления в контексте классической научной рациональности сложился *монодисциплинарный подход*. Фактически все проблемы управления охватывались одной областью знания кибернетикой, которая трактовалась как наука об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, живых организмах и обществе⁵.

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Кибернетика является базовой областью знания обслуживающей проблематику управления в контексте классической научной рациональности. Бурное развитие этой проблематики началось примерно с 40-х гг. прошлого столетия, успешно решались разнообразные задачи управления техническими системами. Несколько позднее сформировалась автономно проблематика искусственного интеллекта, имеющая непосредственное отношение к задачам управления. Однако, на наш взгляд, проблематика искусственного интеллекта вполне вписывается в проблематику кибернетики, и ее выделение имеет не научные, а иные основания.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. *Классическое кибернетическое* управление предполагает наличие системы и объекта управления. Типичная модель объекта управления представляется в виде «черного ящика». Система управления вырабатывает управляющие воздействия для удержания объекта на заданной траектории и учитывает его отклонение от нее за счет обратных связей. Развитие этих представлений позволило ввести понятия дуального управления (используются специальные воздействия

на объект для получения о нем дополнительной информации), адаптивного управления и др. Согласно афоризму фон Фёрстера, кибернетика первого порядка – это кибернетика наблюдаемых систем, что определяет специфику видов управления в контексте классической научной рациональности на основе парадигмы «субъект–объект».

Базовые модели в управлении. В рамках этой парадигмы для моделирования процессов управления использовались разнообразные подходы: функциональный, функционально-структурный, аксиоматический, информационный, исследования операций и классическая теория игр и др.

Функциональный подход, базирующийся на декларирование общности процессов управления в технических и социальных системах, универсализма и достаточности моделей типа «черный ящик», позволяющих успешно использовать традиционный арсенал математических методов 40–70-х гг. прошлого столетия. Характерной чертой функционального подхода является то, что сама специфика структуры или системы остается как бы в стороне, основное внимание сосредотачивается на комплексе свойств, определяющих ее «поведение» при взаимодействии с окружающей средой.

Аксиоматический подход нашел широкое распространение в моделировании экономических систем для моделирования экономического поведения человека. Однако многочисленные экспериментальные исследования показали, что поведение людей не просто является каким-то отклонением от «оптимального» (соответствующего ожидаемому в рамках нормативных методов) – оно имеет принципиально иной характер. Этот вывод поставил под сомнение основы аксиоматического подхода к моделированию поведения человека в управлении экономическими системами. Официальное признание неадекватности данного подхода было зафиксировано при присуждении Д.Канеману в 2002 г. Нобелевской премии по экономике за исследование формирования суждений и принятия решений в условиях неопределённости. В контексте поддержки процессов принятия управленческих решений широко использовались модели, разработанные на основе «логической парадигмы», при этом оставалось загадкой, что можно имитировать в человеке с позиций логической парадигмы.

Информационный подход к моделированию процессов управления базировался на теории информации. В центр внимания попали информационные потоки и проблемы, связанные с их рационализацией. При этом человек рассматривался как пассивное звено переработки информации. Об ограниченных возможностях применения теории информации за пределами технических каналов связи предупреждал ее основоположник К.Шеннон⁶, но к его предупреждениям долгое время не прислушивались. Кризис этого подхода применительно к организационным системам управления был четко обозначен в статье Р.Акоффа⁷.

Исследование операций объединило под свои знамена многочисленные подходы в использовании математических методов в различных сферах управленческой практики⁸. Оперирующая сторона по определению находилась в достаточно пассивной позиции, т. к. в отрыве от нее исследователь операции (специалист по прикладной математике) формировал множество альтернатив и определял «оптимальную стратегию», а затем предлагал ее ЛПР (лицу, принимающему решения) как нечто гарантированное, – по заданным критериям, с многочисленными ограничениями, малодоступными в большинстве случаев для понимания ЛПР. То есть наблюдалась подчас явная, а иногда скрытая ситуация подмены ЛПР представителями кибернетики, искренне верящими, что можно все формализовать и найти оптимальную стратегию поведения. ЛПР фактически оказался отстраненным от процедур «становления» альтернатив, решение управленческих проблем фактически подменяется процедурой принятия решений.

Теоретико-игровой подход позволил построить одну из прекраснейших теорий двадцатого века – теорию игр, которая нашла широкое применение в различных сферах управленческой практики. Первый шаг к созданию этой теории сделал Джон фон Нейман в 1928 г., доказав теорему о существовании минимакса в играх двух лиц с нулевой суммой. Следует отметить, что теория игр обрела не только нормативный характер (т. е. давала указания, как следует играть – принимать управленческие решения), но и предсказательный (т. е. указывала на наиболее вероятное поведение игрока). Пик популярности теории приходится на 50–60-е гг. XX в. В это время она становится основной референтной теорией принятия управленческих решений в условиях конфликта. Такие по-

нения, как принцип гарантированного результата, игра с нулевой суммой, смешанная стратегия, дилемма заключенного начинают употребляться не только специалистами, но и людьми далекими от математики – военными, дипломатами, политологами и даже журналистами. Однако в 1970-е гг. в использовании теории игр наступил кризис. Оказалось, что схема, положенная в ее основу, бедна; это проявилось, в частности, в слишком упрощенном взгляде на человеческие ценности⁹.

Функционально-структурный подход. Одним из первых симптомов смены тенденций в моделировании социальных систем явился перенос центра внимания с аналитических на *имитационные модели и системы*. Интерес к имитационным моделям возник у управленцев в связи с тем, что их главная отличительная особенность состоит в обеспечении не только функциональной аналогии модели с объектом управления, но и структурно-функциональной, позволяющей использовать имитационные модели в качестве понятных заместителей реальности¹⁰.

Для *глобального моделирования и прогнозирования* наибольшее распространение получили следующие виды имитационного математического моделирования:

- дискретно-событийное моделирование;
- системная динамика как парадигма моделирования;
- агентное моделирование.

Дискретно-событийное моделирование – подход к моделированию, предлагающий абстрагироваться от непрерывной природы событий и рассматривать только основные события моделируемой системы, такие как: «ожидание», «обработка заказа», «движение с грузом», «разгрузка» и др. Дискретно-событийное моделирование наиболее развито и имеет огромную сферу приложений – от логистики и систем массового обслуживания до транспортных и производственных систем.

Системная динамика – парадигма имитационного моделирования, где для исследуемой системы строятся графические диаграммы причинных связей и глобальных влияний одних параметров на другие во времени, а затем созданная на основе этих диаграмм модель имитируется на компьютере. По сути, такой вид моделирования более всех других парадигм помогает понять суть происходящего, выявления причинно-следственных связей между

объектами и явлениями. С помощью системной динамики строят модели бизнес-процессов, развития города, модели производства, динамики популяции, экологии и развития эпидемии.

Агентное моделирование – относительно новое (1990–2000-е гг.) направление в имитационном моделировании, которое используется для исследования децентрализованных систем, динамика функционирования которых определяется не глобальными правилами и законами (как в других парадигмах моделирования), а наоборот – когда эти глобальные правила и законы являются результатом индивидуальной активности членов группы. Цель агентных моделей – получить представление об этих глобальных правилах, общем поведении системы, исходя из предположений об индивидуальном, частном поведении ее отдельных активных объектов и взаимодействии этих объектов в системе. Агент – некая сущность, обладающая активностью, автономным поведением, может принимать решения в соответствии с некоторым набором правил, взаимодействовать с окружением, а также самостоятельно изменяться. Следует отметить, что в этих моделях появились зачатки «субъект-субъектных» отношений¹¹, однако в целом доминантой прикладных работ остается «объектно-ориентированный сетевой подход»¹².

В контексте имитационного моделирования в приложениях к управлению следует также рассматривать деловые и ролевые игры.

Существенное развитие моделирование социальных систем получило в рамках становления неклассического типа научной рациональности.

Базовые механизмы и технологии управления. В рамках парадигмы «субъект–объект» основные механизмы управления: обратные связи отрицательные и положительные. На них в частности базируются гомеостатические механизмы управления, системы автоматического регулирования и др.

Управление в контексте неклассической научной рациональности

Философский уровень анализа

Неклассический тип научной рациональности учитывает связи между знаниями об объекте и характером средств и операций деятельности. Экспликация этих связей рассматривается в качестве условий объективно-истинного описания и объяснения мира. Но связи между внутринаучными и социальными ценностями и целями по-прежнему не являются предметом научной рефлексии, хотя имплицитно они определяют характер знаний: что именно и каким способом мы выделяем и осмысливаем в мире. На результаты научных исследований накладывается осмысление соотносительности объясняемых характеристик объекта с особенностью средств и операций научной деятельности¹³.

В этом контексте развитие представлений об управлении в основном связано с преодолением ряда ограничений парадигмы «субъект–объект».

В контексте философии эти исследования способствовали также переходу от доминирования позитивизма к философскому конструктивизму, который становится одним из ведущих направлений в рамках неклассической рациональности. В соответствии с философской позицией конструктивизма то, с чем имеет дело человек в процессе познания и освоения мира, – не какая-то реальность, существующая сама по себе, которую он пытается постичь, а в каком-то смысле продукт его собственной деятельности (коллективной познавательной деятельности, или деятельности трансцендентального субъекта, по И.Канту). Конструктивисты считают, что человек в своих процессах восприятия и мышления не столько отражает окружающий мир, сколько активно творит, конструирует его.

Отсюда вытекает ряд следствий: во-первых, проблема множественности реальностей их соизмеримости, а также переводимости и понимания субъектов, живущих, вообще говоря, в разных перцептивных и концептуальных мирах; во-вторых, проблема телесных и ситуационных детерминант познания, которые делают

реальности различных субъектов принципиально несоизмеримы; в-третьих, если субъект не отражает, а создает реальность, то по каким законам он ее создает?¹⁴

Дополнительные основания для развития философского конструктивизма были заложены в кибернетике второго порядка, исходные идеи которой описаны в работах Х. фон Фёрстера. Основным естественнонаучным источником философского конструктивизма является парадигма самоорганизации. В биологии она нашла свое воплощение в концепции аутопоэзиса У.Матураны и Ф.Варелы. В психологии и психотерапии философский конструктивизм имеет сторонников прежде всего в лице Г.Бейтсона и П.Ватцлавика. Бейтсон считал, что люди сами создают воспринимаемый мир, поскольку подвергают селекции воспринимаемую реальность, чтобы привести её в соответствие со своими представлениями о мире. Фактически в центре внимания конструктивистов оказываются особого рода субъективные среды множественной реальности.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Наибольший вклад в развитие методологических основ неклассической науки внесла на наш взгляд отечественная школа методологов, в центр внимания которой была поставлена проблема – «средства задают объект»¹⁵. При такой постановке противопоставление объекта и исследователя оказалось справедливым лишь для «не наделенных психикой» объектов. В случае, когда исследователю противостоит объект, «наделенный психикой», отношение между исследователем и объектом превращается в отношение между двумя исследователями, каждый из которых является объектом по отношению к другому. В таких отношениях исследователь становится всего лишь одним из персонажей в специфической системе рефлексивных отношений. Объекты становятся сравнимыми с исследователем по совершенству¹⁶.

На западе аналогичные подходы рождались в рамках общей теории систем¹⁷ и кибернетики второго порядка, в переходе от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем»¹⁸.

Эти исследования заложили фундамент для перехода в управлении от парадигмы «субъект–объект» к *парадигме «субъект–субъект»*¹⁹. Как следствие возникли новые представления о базовых видах, механизмах и моделях управления.

Базовые объекты управления. Для данного типа научной рациональности и базовой парадигмы управления «субъект–субъект» важнейшим свойством рассматриваемых объектов управления, на наш взгляд, является их активность. При этом причинность для данного типа объектов уже не может быть сведена к лапласовскому детерминизму и дополняется идеями «целевой причинности» (целевой детерминации). Данный тип объектов может быть отнесен к активным системам, а как базовые наиболее сложные объекты следует рассматривать большие активные системы²⁰. Примерами таких систем могут быть биологические организмы и их сообщества, человек и сообщества, организации и т. п.

Базовый научный подход. Базовая роль парадигмы «субъект–субъект» и становление активных систем как базового типа объектов управления определило ключевое направление развития кибернетики как кибернетики второго порядка, а также актуализацию в проблематике управления знаний из широкого спектра областей: биологии, психологии, социологии, политологии и др. Базовым научным подходом становится *междисциплинарный подход*.

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. Основатели кибернетики понимали ограниченность парадигмы «субъект–объект» для решения проблем управления выходящих за рамки технических систем, однако актуальность практических задач повлияла на перенос развития этой парадигмы на более поздний срок.

Во-первых, общая теория систем, да и сама программа системных исследований, ориентировала на сознательный выход из рамок классической методологии. «Поскольку, – утверждал Берта-ланфи, – фундаментальный признак живого – организация, традиционные способы исследования отдельных частей и процессов не могут дать полного описания живых явлений. Такие исследования не содержат информации о координации частей и процессов. Поэтому главной задачей биологии должно стать открытие законов,

действующих в живых системах на всех уровнях организации»²¹. Аналогичные идеи были высказаны, намного раньше, отечественным ученым А.А.Богдановым²².

Во-вторых, все более остро вставала проблема учета активности различного рода систем. Естественной для биологических систем и систем с участием человека, искусственной для технических систем, в разработку которых бурными темпами стали внедряться элементы искусственного интеллекта.

С актуальностью решения этих проблемы связано становление кибернетики второго порядка. Идея активного объекта (объекта-исследователя) была положена Х. фон Фёрстером в основание новой кибернетики второго порядка. Кибернетика первого порядка – это кибернетика наблюдаемых систем. Кибернетика второго порядка – кибернетика наблюдающих систем. Субъективность наблюдателя определяет его модель наблюдения, его теорию, под оправдание которой отбираются убедительные факты. Если кибернетика первого порядка делает акцент на «жесткое управление» («субъект-объектный» контекст), кибернетика второго порядка должна ориентироваться на «субъект-субъектные» формы управления, на более «мягкие» формы, в центр внимания которых попадают процессы самоорганизации.

«Кибернетика первого порядка разделяет субъект и объект, она указывает на предполагаемый независимый мир “там, вне нас”. Кибернетика второго порядка сама является циклической: человек научается понимать себя частью мира, того мира, который он намеревается наблюдать. Вся ситуация описания сдвигается в другую область, в которой человек внезапно вынужден принять на себя ответственность за свои собственные наблюдения»²³.

В центре внимания кибернетики второго порядка оказались процессы «само-объективизации», причем важно отметить, что исследование этих процессов шло независимо и разными путями в Советском Союзе и на Западе. Это показывает, что, с одной стороны, кибернетика развивается согласно собственной имманентной логике, независимо от сиюминутной моды, индивидуальных предпочтений отдельных ученых или культурных стереотипов. С другой стороны, различия в советском и западном подходах представляют интерес для сравнения. Их интеграция позволит нам увидеть более ясно общую структуру проблем, методов и схем, которые составляют кибернетику второго порядка.

Понятие «само-объективизации» носилось в воздухе на московских философских и кибернетических семинарах начала шестидесятых. Наиболее четко формализовать это понятие удалось В.А.Лефевру в книге «Конфликтующие структуры»²⁴. Он выделил особый класс объектов, которые назвал «объектами, сравнимыми с исследователем по совершенству». Исследователь должен отразить «внутренний мир» таких объектов и владеть специальными средствами, которые были названы *рефлексивными*. Различие между объектом и исследователем, столь четкое обычно, в этом случае исчезает. Сторонний наблюдатель, исследующий процесс исследования объектов и, как правило, отождествляющий себя с исследователем, попадает в затруднительное положение. Действительно, как ему быть, если объект сам является исследователем? Наблюдатель может становиться в этом случае на «патологическую» позицию: смотреть на все происходящее с точки зрения объекта (рассмотреть исследователя с точки зрения объекта!).

В биологии идеи кибернетики второго порядка нашли свое воплощение в концепции аутопоэзиса У.Матураны и Ф.Варелы, в которой в центре внимания оказались «самость» и «самопрезентация» развивающихся систем. В психологии и психотерапии идеи кибернетики второго порядка нашли своих сторонников прежде всего в лице Г.Бейтсона и П.Ватцлавика, взгляды которых согласуются с «конструктивизмом».

Появление кибернетики второго порядка есть появление нового измерения – рефлексии, но оно вводилось по-разному в Советском Союзе и на Западе. В Советском Союзе идея рефлексии была объединена с идеей структуры, в результате чего появился рефлексивный анализ, на Западе – с идеей вычислений, в результате чего в кибернетику проникло понятие само-отнесенности²⁵.

По сути дела, кибернетика второго порядка являет собой переход от позитивизма к конструктивизму²⁶. Становление кибернетики второго порядка принципиально повлияло на развитие проблематики управления, на смену механизмов моделей и появлению новых видов управления.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. Переход в управлении от парадигмы «субъект–объект» к парадигме «субъект–субъект» привел к новым представлениям о видах управления, появляются рефлексивное управление²⁷, информационное управление²⁸, управление активными системами²⁹ и др.

Приведем пример из области управления экономическими системами. Нобелевская премия по экономике за 2001 г. Лауреаты: Джордж Акерлоф (George Akerlof), Майкл Спенс (A. Michael Spence), Джозеф Юджин Стиглиц (Joseph E. Stiglitz). В пресс-релизе Королевской академии говорится: «Многие рынки характеризуются асимметричной информацией: игроки на одной стороне рынка обладают гораздо большей информацией, чем игроки на другой стороне. Заемщики знают больше, чем займодавцы, о своих платежных планах, менеджеры и руководство знают больше, чем держатели акций, о прибыльности компании, а будущие клиенты осведомлены о рисках компании лучше, чем страховщики». Фактически речь идет об управлении экономическими системами в контексте парадигмы «субъект–субъект». Во-первых, речь идет о необходимости учета наличия разных картин мира у участников (субъектов) рыночных отношений. А значит о необходимости учета механизмов формирования информационных моделей субъектов рыночных отношений. Во-вторых, четко ставится и решается проблема управления информационными моделями субъектов рыночных отношений, т. е. речь идет об учете механизмов рефлексивного управления. Ранее аналогичные идеи были сформулированы и практически использованы в экономике Д. Соросом³⁰.

Базовые модели в управлении. В рамках парадигмы «субъект–субъект» развитие моделирования процессов управления связано с многими научно-прикладными подходами: субъектно-деятельностным, рефлексивным и др.

В контексте имитационного моделирования следует рассматривать также разнообразные виды игрового моделирования с ограниченным использованием математических методов: деловые игры, ролевые игры и др. А также проблемные игры, несколько выходящие за рамки имитационных игр, например, организационно-деятельностные игры.

В контексте неклассической научной рациональности получила принципиальное развитие *классическая теория игр и в целом проблематика выбора*.

Важное направление развития моделирования в управлении связано с рефлексивными математическими моделями (основатель В.А.Лефевр в 1960-е гг.) по замыслу создателей предназначались для преодоления ограничений сформированных в рамках естественнонаучных представлений классической науки, проявившиеся при исследовании систем сравнимых с исследователем по совершенству³¹.

Во-первых, это было связано с учетом в моделях рефлексивных представлений участников взаимодействий. В контексте теоретико-игрового подхода на основе анализа поведения фантомных агентов, существующих в представлениях других реальных или фантомных агентов, удалось предложить в качестве решения рефлексивной игры информационное равновесие, которое является обобщением ряда известных концепций равновесия в некооперативных играх³². Было проведено расширение пространства моделирования выбора с учетом рефлексивных представлений до многозначных логик³³ и др.

Во-вторых, это проявилось в преодолении слишком упрощенного взгляда на человеческие ценности, которые образуют два класса. В частности, были разработаны четыре модели выбора, когда наряду с утилитарными присутствуют и высшие ценности. В основе всех этих моделей лежит представление субъекта как существа рефлексирующего, т. е. предполагается, что субъект может иметь образы себя и других субъектов вместе с их внутренними мирами. Простейшие ситуации, в которых высшие ценности играют существенную роль, связаны с восприятием людьми успеха или неуспеха других людей.

В 1969 г. была построена *первая формальная модель* генерации высших ценностей в подобных ситуациях³⁴. Мы предположили, что каждый субъект является локальным центром социального организма и что ценности других членов группы влияют на его ценности.

*Вторая модель*³⁵ была создана для выявления склонности субъекта выбрать определенное отношение к другому субъекту. В рамках этой модели таких отношений может быть только два –

союз или конфликт. Выбор одного из них предопределяется не утилитарными, а высшими ценностями. Мотивация выбора зависит от этического статуса образа себя у субъекта. Человек, рассматриваемый в своей культуре как достойный, стремится выбрать такое отношение, при котором этический статус образа себя будет выше, т. е. субъект будет лучше выглядеть в собственных глазах.

Третья модель – это модель биполярного выбора. Анализ экспериментальных данных показал, что биполярная модель позволяет объяснить наблюдаемое отклонение реальных стратегий, которыми пользуются как люди, так и животные, от стратегий, оптимальных, с точки зрения утилитарных ценностей³⁶.

Отдельные субъекты очень редко принимают решения, находясь в изоляции. Обычно на них воздействуют другие субъекты, входящие с ними в одну группу. Члены группы могут находиться друг с другом в отношении союза или конфронтации. В рамках рефлексивных моделей выбор генерируется многоэтажной рефлексивной структурой, т. е. у каждого субъекта есть система образов себя, в свою очередь содержащих системы образов себя. Поставим следующий вопрос: какова универсальная высшая ценность, объединяющая группу субъектов. В теории рефлексивных игр³⁷ (это *четвертая модель*) такой универсальной общей ценностью является *принцип запрета эгоизма*. Он формулируется так: каждый субъект, входящий в группу, преследуя свои личные цели, не должен наносить ущерб группе как целому. Таким образом, действия, выгодные для субъекта, но не выгодные для группы, являются неприемлемыми. Важно заметить, что этот принцип не запрещает действия, направленные против интересов группы или общества, если лицо, их совершающее, не получает никакой личной выгоды.

Принцип запрета эгоизма играет в теории рефлексивных игр примерно ту же роль, какую играет принцип гарантированного результата в классической теории игр. Теория рефлексивных игр позволяет предсказывать выборы субъектов, входящих в группу, если нам известен граф отношений между субъектами и их воздействия друг на друга.

Другим важным направлением в развитии моделирования в контексте неклассической научной рациональности явились *экспертные системы* как вид математических моделей процедур принятия решений, адекватен представлениям парадигмы «субъ-

ект–субъект». Они выступают как средство формализации личного опыта и передачи его другим пользователям с обеспечением возможности идентификации автора знаний и процедур их получения. Главная причина, затрудняющая широкое использование экспертных систем, связана с тем, что принятые в них механизмы представления знаний адекватны частным случаям таких представлений и не соответствуют многообразию форм представления знаний, используемых человеком.

Получили также широкое распространение модели *диалоговых процедур* в системах управления, прежде всего в связи с тем, что классическая кибернетика и исследование операций мало что дали для решения одной из важнейших управленческих проблем – целеобразования. Выход из указанного положения специалисты по компьютеризации управленческой деятельности стали связывать с передачей этих функций самому лицу, принимающему решения, обеспечивая ему «естественные» условия диалогового взаимодействия с ЭВМ³⁸.

Приведем пример развития моделирования в рамках парадигмы «субъект–субъект» в управлении экономическими системами. Нобелевская премия по экономике в 2005 г. дана «за расширение понимания проблем конфликта и кооперации с помощью анализа в рамках теории игр». На наш взгляд, работы лауреатов премии вносят существенный вклад в становление парадигмы «субъект–субъект» в управлении экономическими системами. Т.Шеллинг предложил новый тип точек равновесия, которые в описании игры формально никак не отличаются от любой другой стратегии, однако с точки зрения реальных игроков более вероятны, чем остальные. Шеллинг назвал такие точки равновесия – *фокальными точками*. Шеллинг был, вероятно, одним из первых, кто заметил, что рациональное поведение в играх может состоять не только в том, чтобы максимизировать свой собственный ожидаемый доход, но и в том, чтобы убедить оппонента какой стратегии игрок будет следовать – иначе говоря, рациональное поведение в игре должно носить *стратегический* характер (Schelling, 1985). Исходная установка Д.Ауманна состоит в том, что равновесие в экономических отношениях понимается как предельный результат сложных процессов социального взаимодействия, причем результат этот оказывается кооперативным, т. е. максимизирующим возможное благосостоя-

ние всех участников. Принципиальным вкладом Ауманна в науку является понятие «общего знания». Важно отметить, что Ауманн допускал интерпретацию «общего знания» не как нормативного (как то, что игроки должны знать о тех или иных аспектах игры), а как позитивного – описание того, что они знают в каждый конкретный момент игры. Фактически Ауманн ввел в экономический анализ рефлексивные процессы имеющие место в интерактивном взаимодействии участников экономических отношений.

В контексте неклассической научной рациональности мы ограничились рассмотрением отдельных видов моделирования адекватных парадигме «субъект–субъект», очевидно, что состав такого рода моделей намного шире рассмотренного нами.

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигмы «субъект–субъект» основные механизмы управления связаны с воздействиями на активных субъектов: психологические, экономические, организационные, правовые и др. Особое значение приобретают рефлексивные процессы и рефлексивное управление³⁹.

Управление в контексте постнеклассической научной рациональности

Философский уровень анализа

Постнеклассический тип научной рациональности расширяет поле рефлексии над научной деятельностью. В нем учитывается соотношенность получаемых знаний об объекте не только с особенностью средств и операций деятельности, но и с ценностно-целевыми структурами. При этом эксплицируется связь внутринаучных целей с вненаучными, социальными ценностями и целями, решается задача их соотносении с осмыслением ценностно-целевых ориентаций субъекта научной деятельности.

В контексте постнеклассической научной рациональности происходит трансформация философского конструктивизма, который сохраняет свое значение и в данном виде рациональности. При этом существенно «смягчается» радикализм философского конструктивизма, усиливается акцент на коммуникативных процессах

формирующих реальность субъектов, на влиянии этих процессов на ограничение их свободы⁴⁰. Она мыслится уже не как овладение и контроль, а как установление равноправно-партнерских отношений с тем, что находится вне человека: с природными процессами, с другим человеком, с ценностями иной культуры, с социальными процессами, даже с не-рефлексируемыми и «непрозрачными» процессами собственной психики.

Свобода понимается не как выражение проективно-конструктивного отношения к миру, не как создание такого предметного мира, который управляется и контролируется, а как такое отношение, когда я принимаю другого, а другой принимает меня. Важно подчеркнуть, что принятие не означает простого довольствования тем, что есть, а предполагает взаимодействие и взаимное изменение. При этом речь идет не о детерминации, а именно о свободном принятии, основанном на понимании в результате коммуникации. Такой подход предполагает нередуцируемое многообразие, плюрализм разных позиций, точек зрения, ценностных и культурных систем, вступающих друг с другом в отношения диалога и меняющихся в результате взаимодействия.

Подобной онтологии человека соответствует новое понимание отношения человека и природы, в основу которого положен не идеал антропоцентризма, а развиваемая рядом современных мыслителей, в частности известным ученым Н.Н.Моисеевым⁴¹, идея ко-эволюции. Совместная эволюция природы и человечества может быть истолкована как отношение равноправных партнеров, если угодно, собеседников в незапрограммированном диалоге, погруженных в общую среду.

Методологический уровень анализа

Базовая парадигма управления. Постнеклассическая научная рациональность предполагает введение в контекст научных исследований и проблематики управления *«полисубъектной среды»*, на фоне которой они проводятся. Среда, которая включает в себя наряду с различными типами субъектов совокупность ценностей мирового культурного развития; среды, которая сама рассматривается как саморазвивающаяся система. Ключевыми для теории управления в рамках постнеклассической науки становится *пара-*

дигма «субъект–полисубъектная среда» и парадигма «саморазвивающиеся полисубъектные среды». В рамках этих парадигм базовыми становятся субъектно-ориентированный и средовой подходы, которые определяют новые требования к видам, механизмам и моделям управления⁴².

Базовые объекты управления. В контексте данной научной рациональности базовыми объектами становятся «человекообразные саморазвивающиеся системы», которые характеризуются прежде всего открытостью. В таких системах формируются особые информационные структуры, фиксирующие важные для целостности системы особенности ее взаимодействия со средой («опыт» предшествующих взаимодействий). К таким системам относятся биологические объекты, рассматриваемые не только в аспекте их функционирования, но и в аспекте развития, сложный развивающийся комплекс: человек – технико-технологическая система, плюс экологическая система, плюс культурная среда, принимающая новую технологию, и др.⁴³

Базовый научный подход. В контексте данной рациональности базовые научные подходы к управлению «человекообразными саморазвивающимися системами», должны быть ориентированы на гармонию каузального (причинно-следственного) и телеологического (целевая детерминация) видений будущего и развития:

- парадигма саморазвивающихся систем⁴⁴;
- синергетический подход⁴⁵;
- проблематика управления сложностью⁴⁶;
- субъектно-ориентированный подход⁴⁷;
- гуманистические варианты философского конструктивизма⁴⁸;
- средовой подход (рефлексивно-активные среды)⁴⁹;
- трансдисциплинарный подход (методологическая трактовка).

Эти подходы находятся в стадии развития и поиска объединяющих парадигм способствующих их взаимной конвергенции. Высокая методологическая сложность соорганизации этих подходов дает основание утверждать, что в рамках традиционно сложившихся представлений о междисциплинарной коммуникации едва ли удастся достигнуть значимых результатов. Актуальными становятся проблемы, решение которых предполагает выход за пределы отдельных дисциплин и привлечение внешних специалистов воо-

руженных принципиально другими типами знаний и специальными социогуманитарными технологиями. Важнейшими функциями этих внешних специалистов становятся:

- коммуникативная, обеспечение эффективной коммуникации субъектов;
- репрезентативная, обеспечение рефлексии субъектов;
- **онтологическая, связь субъекта познания с реальностями бытия;**
- интегративная, интеграция пространства знания.

Реализация этих функций требует построения выходов субъектов знания из дисциплинарных в трансдисциплинарные пространства и оснащения их позиций соответствующим трансдисциплинарным инструментарием. Традиционно сложилось, что такую позицию берут на себя представители философии и методологии. Вместе с тем следует отметить, что особое значение в реализации такого рода функции приобретает культура, задающая общее пространство, в котором представлены все научные области знаний⁵⁰.

Рассмотренные соображения дают основание утверждать, что в контексте постнеклассической рациональности базовым научным подходом должен выступить трансдисциплинарный подход в его методологической трактовке. Как следствие перед философами встает ряд новых проблем, не только методологических и теоретических, но и практико-ориентированных.

Теоретический уровень анализа

Базовые обеспечивающие области знания. В настоящее время области знания, обеспечивающие проблематику управления в контексте постнеклассической рациональности, находятся в становлении.

Кибернетика третьего порядка могла бы сформироваться на основе тезиса «от наблюдающих систем к саморазвивающимся системам». При этом управление плавно трансформировалось бы в широкий спектр процессов обеспечения саморазвития систем: социального контроля, стимулирования, поддержки, модерирования, организации, «сборки и разборки» субъектов и др. В настоящее время институционализация данного направления отчетливо не проявляется.

Попытки заглянуть в будущее кибернетики XXI в. предпринимаются в США, в частности, Стюартом Амплеби (S.Umpleby)⁵¹, который предлагает направление *социальной кибернетики*. Однако в этом подходе доминируют представления кибернетики второго порядка и неклассической научной рациональности.

В России предпринимаются попытки институционализации *синергетики* как области знания ориентированной на обеспечение проблематики саморазвивающихся систем. Основоположник введения типов научной рациональности В.С.Стёпин четко определяет свою позицию по этому вопросу: «Я разделяю и отстаиваю точку зрения, согласно которой синергетика выступает научным знанием о саморазвивающихся системах»⁵². Вместе с тем он признает и онтологическую ограниченность синергетики: «Идеализация нелинейной среды является одним из ключевых теоретических конструктов синергетики. Этот конструкт используется во многих конкретных теоретических моделях самоорганизации, относящихся к самым различным областям (физики, химии, биологии, исследования социальных процессов). Но его онтологизация имеет свои границы»⁵³. Учитывая, что Стёпин под саморазвивающимися системами понимает и «человекообразные», говорить об институционализации синергетики как базовой области знания для данного класса систем в настоящее время преждевременно. Пока синергетика не интегрируется с субъектно-ориентированным подходом, она не сможет учитывать специфику «человекообразности» саморазвивающихся систем и выйти за рамки каузальной детерминации.

В целом следует признать, что сегодня в России не предпринимаются серьезные попытки институционализации базовых областей знания обеспечивающих проблематику управления в контексте постнеклассической науки. Однако активно ведутся исследования в направлениях предопределяющих их будущее. В частности, развитие субъектно-ориентированного подхода, синергетики, проблематики сложности, трансдисциплинарной методологии и др. Важно отметить сложившуюся в России взаимосвязанность этих исследований на основе инициативной координации ученых и практиков, что может способствовать стимулированию процессов конвергенции и выработки объединяющих парадигм. При смене ориентиров в стране на интенсивное развитие, Россия имела бы шанс стать мировым лидером в данной проблематике.

Тенденции доминирования в XXI в. проектной ориентации в развитии социальных систем допускают вариант институционализации области знания обеспечивающей проблематику управления не только в рамках кибернетики, но и в рамках развития *социогуманитарной эргономики*⁵⁴. В настоящее время эти идеи обсуждаются в кругах специалистов по эргономике, однако при переходе страны на путь интенсивного развития есть шанс становления этой области знания. Тем более что в XX в. накоплен богатейший опыт эргономического обеспечения в проектировании крупномасштабных конкурентоспособных на мировом уровне систем.

Учитывая, что базовым научным подходом в постнеклассической научной рациональности становится трансдисциплинарный подход, философия могла бы претендовать на роль ведущей области знания в организации и управлении саморазвивающимися человекоразмерными системами. Конечно, не в целом философия, а ее специализированное направление. Реалии управленческой практики XXI в. дают основания для формирования прикладной философии.

Методический уровень анализа

Базовые виды управления. В контексте постнеклассической рациональности под управлением понимается не жесткая детерминация систем, а «мягкие формы управления» – создание условий для их развития. Фактически доминирующими видами управления становятся разнообразные «*виды управления через среду*». В частности, к ним следует отнести управление «мягкой силы», управление посредством создания хаоса, управление сложностью, управление через «задание механизмов функционирования среды», управление «*через механизмы сборки субъектов*», управление «через социальные сети» и многие другие виды управления. Следует отметить, что новые виды управления адекватные постнеклассической рациональности рождались в основном не под влиянием кибернетики, а под влиянием других областей знаний (экономика, социология, политология и др.).

В политической сфере наряду с традиционными видами управления через силовое и экономическое воздействия все большее внимание уделяется управлению посредством «мягкой силы»⁵⁵.

Ценности и культура рассматриваются как один из компонентов мягкой силы, с помощью которой можно оказывать влияние на субъектов мировой политики, пусть даже не обладая достаточной экономической и военной мощью. К этому же виду управления относится управление посредством создания хаоса⁵⁶. В последние годы все более широко используется вид управления через социальные сети⁵⁷.

В управлении экономическими системами также начинают широко использоваться виды управления через среду⁵⁸. Приведем пример Нобелевской премии по экономике за 2007 г. – «За основополагающий вклад в теорию экономических механизмов». Лауреаты: Леонид Гурвиц (*Leonid Hurwicz*), Эрик Маскин (*Eric S. Maskin*), Роджер Брюс Майерсон (*Roger Bruce Myerson*). Речь идет о теоретическом осмыслении следующей задачи. Тот, кто придумывает механизм, знает, что хотелось бы получить при определенных обстоятельствах, однако сами обстоятельства ему неизвестны. Добросовестный создатель механизма пытается придумать единые правила игры на все случаи жизни, чтобы каждый раз получалось именно то, что он хочет. Л.Гурвиц предложил исследовать децентрализованные рыночные механизмы – и для того, чтобы понять, как и почему реальные рынки собирают и передают информацию, и для того, чтобы можно было создавать специальные механизмы для решения конкретных проблем. Эти работы четко ориентированы на парадигму «субъект–полисубъектная среда» в управлении экономическими системами.

Древние примеры мягких видов управления через среду связаны с деятельностью культовых организаций, в которых использовались комплексы видов управления, включающие виды управления соответствующие всем типам научной рациональности. В результате воздействия этих видов управления формировался совокупный субъект с заранее предопределенными свойствами. Фактически этот вид управления осуществлялся в значительной степени через механизмы сборки субъектов. Именно поэтому современная система законодательства оказалась практически бессильной в запрете культовых организаций⁵⁹. Приходится признать, что древняя культура управления порой опережает современную научную культуру управления.

Базовые модели в управлении. В рамках рассмотренных парадигм одним из основных типов управления становится *полисубъектное управление*. Исходные посылки и рефлексивные модели полисубъектного управления были впервые сформулированы В.А.Левевром⁶⁰.

В контексте постнеклассической рациональности базовым подходом при моделировании социальных систем становится использование человека для моделирования отдельных активных элементов системы. Это обуславливается необходимостью преодоления двух проблем, неразрешимых в рамках формального подхода. Во-первых, организация на основе рефлексии субъектов «распределенного наблюдателя» социальной системы. Во-вторых, решение проблемы сложности социальных систем за счет организации адекватных ситуациям рефлексивных процессов реальных людей, включенных в игровую модель как в «человекоразмерную среду».

Попытки включения человека в различные типы моделей социальных систем имеют давнюю историю: деловые, ролевые, организационно-деятельностные игры и др. Общим для всех указанных типов игр было то, что они соответствуют неклассической рациональности. Доказательством этого утверждения являются базовые основания их организации.

Деловые игры базируются на организации имитационного (игрового) моделирования конкретных условий и динамики производственной *деятельности*. Моделирование деятельности – основа деловых игр.

Ролевые игры базируются на организации взаимодействия участников, которые действуют в рамках выбранных ими *ролей*, руководствуясь характером своей роли и внутренней логикой среды действия; вместе создают или следуют уже созданному сюжету. Действия участников игры считаются успешными или нет в соответствии с принятыми правилами. Игроки могут свободно импровизировать в рамках выбранных правил, определяя направление и исход игры. Моделирование ролей – основа ролевых игр.

Организационно-деятельностные игры (связаны с именем Г.П.Щедровицкого) базируются на организации схемы сложной пространственной *соорганизации коллективного мышления и дей-*

ствия (мыследеятельности). Моделирование коллективного мышления (мыследеятельности) – основа организационно-деятельностных игр.

Варианты использования других типов игр для моделирования социальных систем с включением человека строились в той или иной степени на основе трех упомянутых выше типов игр.

Выделенные базовые основания деловых, ролевых и организационно-деятельностных игр позволяют сделать вывод, что они не вписывались в контекст постнеклассической рациональности, поскольку в них отсутствовала ведущая ориентации на исследование, моделирование и организацию субъектов, включая рефлексивные процессы и ценностные ориентации, их связь с культурой и др.

Для адекватного ответа на заполнения белого поля моделей, соответствующих требованиям постнеклассической рациональности нами предлагается введение нового типа моделей соответствующих требованиям постнеклассической рациональности – **стратегические рефлексивные игры**⁶¹. Речь идет о создании «человекоразмерных» рефлексивно-активных сред⁶² динамического моделирования социальных систем, в основу организации которых положены субъектно-ориентированные принципы, модели и субъектные онтологии организации воспроизводства и развития социальных систем⁶³.

Структура базовых принципов и онтологий организации рефлексивно-активных сред в контексте создания динамических моделей сред инновационного развития рассмотрены нами в монографии «Рефлексивно-активные среды инновационного развития»⁶⁴.

Тенденции перехода к исследованию полисубъектных сред в экономике отчетливо просматриваются и экономике через анализ Нобелевских премий. Лауреат премии 2002 г. Вернон Ломакс Смит (*Vernon Lomax Smith*) награжден за лабораторные эксперименты как средство в эмпирическом экономическом анализе, в особенности в анализе альтернативных рыночных механизмов. Фактически речь идет о моделях экспериментальной экономики. В работах В.Смита просматривается в управлении экономическими системами парадигмы «субъект–полисубъектная среда», через использование экспериментальных (игровых) моделей с участием конкретных субъектов для анализа рыночных механизмов.

Базовые механизмы и технологии управления. В контексте парадигм «субъект–полисубъектная среда» и «человекоразмерные саморазвивающиеся среды» основные механизмы управления связаны с воздействиями через среды. В центре внимания оказываются ценности, культура, механизмы сборки и разрушения совокупных субъектов (макросубъектов), механизмы целеобразования и др.

Заключение

Рассмотрение эволюции представлений об управлении в контексте научной рациональности позволило сформировать целостное видение процессов формирования представлений об управлении и выявить тренды развития.

В начале XXI века доминирующими становятся парадигмы «субъект–полисубъектная среда» и «человекоразмерные саморазвивающиеся системы».

Если в контексте классической и неклассической научной рациональности базовыми областями знаний, обеспечивающими проблематику управления, были классическая кибернетика и кибернетика второго порядка, то в контексте постнеклассической науки центры развития проблематики управления перемещаются в философию, синергетику, политические и экономические науки, социогуманитарную эргономику и социальную кибернетику.

В контексте научной рациональности четко просматривается и эволюция видов управления от классического управления к «мягким» видам управления через социальные среды. Принципиальные изменения происходят и в моделях управления, особенно яркие изменения в макромоделях социальных систем – от доминирования математических моделей к человекоразмерным моделям с широким использованием математических моделей.

Примечания

- 1 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры // *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003. С. 97–98. 1-е изд. данной работы было в 1967 г.
- 2 *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.
- 3 *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) // 4-я междунаrodn. конф. по пробл. управления (26–30 янв. 2009 г.): Сб. тр. М., 2009. С. 1302–1308.
- 4 *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопр. философии* 2003. № 8. С. 5–17.
- 5 *Wiener N.* Cybernetics or Control and Communication in the Animal and the Machine. N. Y., 1948.
- 6 *Шеннон К.* Бандвагон // *Шеннон К.* Работы по теории информации и кибернетике / Пер. с англ., под ред. Р.Л.Добрушина и О.В.Лупанова. М., 1963. С. 667–668.
- 7 *Ackoff R.J.* Management Misinformation Systems // *Management Science*. 1967. № 14. P. 147–156.
- 8 *Гермейер Ю.Б.* Введение в теорию игр и исследование операций. М., 1971.
- 9 *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // Рефлексивные процессы и управление. 2009. № 1–2. С. 51–56; *Лефевр В.А.* Высшие ценности и формальная теория выбора // *Вопр. философии*. 2012. № 4. С. 154–157.
- 10 *Березкин Б.С., Лепский В.Е., Субботин Ю.А.* Имитационное моделирование в инженерно-психологических исследованиях деятельности операторов организационных систем // *Методы и средства автоматизации психологических исследований*. М., 1982. С. 30–43.
- 11 *Тарасов В.Б.* От многоагентных систем к интеллектуальным организациям: философия, психология, информатика. М., 2002.
- 12 *Городецкий В.И.* Теория, модели, инфраструктуры и языки спецификации командного поведения автономных агентов. Обзор (Ч. 1) // Искусственный интеллект и принятие решений. 2011. № 2. С. 19–30.
- 13 *Стёпин В.С.* Теоретическое знание. М., 2003.
- 14 *Князева Е.Н.* Проблема субъекта в философском конструктивизме // Проблемы субъектов в постнеклассической науке / Под ред. В.И.Аршинова и В.Е.Лепского. М., 2007. С. 70–78 (<http://www.reflexion.ru/Library/Preprint2007.pdf>).
- 15 *Лефевр В.А., Щедровицкий Г.П., Юдин Э.Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конф: Сб. М., 1965. С. 141–149. *Лефевр В.А.* О самоорганизующихся и саморефлексивных системах и их исследовании // Там же. С. 61–68 (http://www.reflexion.ru/Library/J2005_1.pdf).
- 16 *Лефевр В.А.* Системы, сравнимые с исследователем по совершенству // Системные исследования. М., 1969.
- 17 *Берталанфи фон Л.* История и статус общей теории систем // Системные исследования: Ежегодник. М., 1973. С. 23–24.
- 18 *Foerster H. von.* Cybernetics of Cybernetics. Urbana Illinois: University of Illinois 1974.

- 19 *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века) С. 1302–1308.
- 20 В работах В.С.Стёпина этот тип систем определяется как саморегулирующиеся системы.
- 21 *Берталанфи фон Л.* История и статус общей теории систем. С. 23–24.
- 22 *Богданов А.А.* Всеобщая организационная наука (Тектология). М., 1925.
- 23 *Foerster von H., Pörksen B.* Wahrheit ist die Erfindung eines Lügners: Gespräche für Skeptiker. 2. Auf. Heidelberg, 1998. S. 114–115.
- 24 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1967. С. 9–10.
- 25 *Лефевр В.А.* Кибернетика второго порядка в Советском союзе и на Западе // Рефлексивные процессы и управление. 2002. Т. 2. № 1. С. 96–103 (http://www.reflexion.ru/Library/J_2002_1_rus.pdf).
- 26 *Foerster H. von.* On constructing the reality (originally published in 1973) // Understanding understanding: Essays on cybernetics and cognition. N. Y., 2003.
- 27 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры.
- 28 *Кононов Д.А., Кульба В.В., Шубин А.Н.* Информационное управление: принципы моделирования и области использования // Тр. ИПУ РАН. Т. XXIII. М., 2004. С. 5–29.
- 29 *Бурков В.Н., Кондратьев В.В.* Механизмы функционирования организационных систем. М., 1981.
- 30 *Soros G.* The Alchemy of Finance. Simon & Schuster, 1988.
- 31 *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры.
- 32 *Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г.* Рефлексивные игры. М., 2003.
- 33 *Таран Т.А.* Булевы модели рефлексивного управления в ситуации выбора // Автоматика и телемеханика. 2001. № 10. С. 103–117.
- 34 *Лефевр, В.А., Баранов, П.В., Лепский, В.Е.* Внутренняя валюта в рефлексивных играх // Изв. Акад. Наук СССР. Техническая кибернетика. 1969. № 4. С. 29–33. Смотри также: Рефлексивные процессы и управление. 2006. № 2. С. 96–102 (http://www.reflexion.ru/Library/J2006_2.pdf).
- 35 *Лефевр, В.А.* Алгебра совести. М., 2003.
- 36 *Lefebvre, V.A.* Research on Bipolarity and Reflexivity. Lewiston, 2006. См. также *Лефевр, В.А.* Космический субъект. М., 2005; *Lefebvre, V.A., Sanabria, F.* Matching by Fixing and Sampling: A Local Model Based on Internality // Behavioral Processes. 2008. Vol. 78. P. 204–209. Перевод на русский: *Лефевр В.А., Санабрия Ф.* Биполярный выбор в экспериментальной камере // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 4.
- 37 *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. М., 2009.
- 38 *Брябрин В.М., Поселов Д.А.* Проблемы построения диалоговых систем для общения с системами искусственного интеллекта // Человеко-машинные системы. М., 1977. С. 3–17.
- 39 *Лепский В.Е.* Научное и социокультурное значение рефлексивного движения в России // Рефлексивные процессы и управление. 2001. № 1. С. 6–33.
- 40 *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.
- 41 *Моисеев Н.Н.* Еще раз о проблеме козволюции // Вопр. философии. 1998. № 8.

- 42 *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века). С. 1302–1308; *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010.
- 43 *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопр. философии.* 2003. № 8. С. 5–17.
- 44 Там же.
- 45 *Аршинов В.И.* Синергетика как феномен постнеклассической науки. М., 1999; *Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г.* Синергетика и прогнозы будущего. Изд. 2-е. М., 2001; *Буданов В.Г.* Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. Изд. 3-е, доп. М., 2009.
- 46 *Аршинов В.И.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития в контексте синергетики сложности // *Междисциплинарные проблемы среднего подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского.* М., 2011. С. 52–73.
- 47 *Лепский В.Е.* Концепция субъектно-ориентированной компьютеризации управленческой деятельности. М., 1998; *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010.
- 48 *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. С. 46–47.
- 49 *Междисциплинарные проблемы среднего подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского.* М., 2011; *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010. С. 226–245 (http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf).
- 50 *Буров В.А., Лепский В.Е., Рабинович В.Л.* Культурные медиаторы в постнеклассической науке // *Рефлексивные процессы и управление. Сб. материалов VI Междунар. симпоз. (10–12 окт. 2007 г., Москва) / Под ред. В.Е.Лепского.* М., 2007. С. 16–17 (<http://www.reflexion.ru/Library/RPC-2007-Tezis.pdf>).
- 51 *Stuart A. Umpleby.* A history of the cybernetics movement in the united states. Research Program in Social and Organizational Learning. The George Washington University Washington, DC 20052 USA (<http://www.gwu.edu/~umpleby/cybernetics/index.html>).
- 52 *Стёпин В.С.* Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность // *Вопр. философии.* 2003. № 8. С. 5–17.
- 53 Там же.
- 54 *Лепский В.Е.* Социогуманитарная эргономика стратегического проектирования российского развития // *Актуальные проблемы психологии труда, инженерной психологии и эргономики.* Вып. 4 / Под ред. В.А.Бодрова. М., 2012. С. 351–368.
- 55 *Най Дж.* Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
- 56 *Лепский В.Е.* Технологии управляемого хаоса – оружие разрушения субъектности развития // *Информационные войны.* 2010. № 4. С. 69–78 (http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010.pdf).
- 57 *Филимонов Г.Ю., Цатурян С.А.* Социальные сети как инновационный механизм «мягкого» воздействия и управления массовым сознанием // *Политика и общество.* 2012. № 1. С. 65–75.

- ⁵⁸ *Лепский В.Е.* Рефлексивный анализ парадигм управления (интерпретация Нобелевских премий по экономике XXI века). С. 1302–1308.
- ⁵⁹ *Лепский В.Е., Степанов А.М.* Особенности рефлексивных процессов в культурных организациях // Рефлексивные процессы и управление. 2002. № 2. С. 59–72.
- ⁶⁰ *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры.
- ⁶¹ Понятия рефлексивных игр связано с именем В.А.Лефевра, которое он ввел еще в 60-е годы прошлого столетия. Он понимал под ними исключительно математические модели. Фундаментальное развитие математической теории рефлексивных игр сделано в работе: *Лефевр В.А.* Лекции по теории рефлексивных игр. Для сохранения трактовки Лефевра за понятием рефлексивные игры, мы вводим понятие стратегические рефлексивные игры.
- ⁶² *Лепский В.Е.* Рефлексивно-активные среды инновационного развития. М., 2010. С. 226–245 (http://www.reflexion.ru/Library/Lepsky_2010a.pdf).
- ⁶³ *Лепский В.Е.* Методологические основы стратегических рефлексивных игр как механизма формирования саморазвивающихся инновационных сред // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию / Под ред. В.Е.Лепского. М., 2011. С. 128–146 (<http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf>).
- ⁶⁴ Там же. С. 137–163.

Проектный аспект дисциплины «Управление крупномасштабными системами»

Преамбула

Если предыдущая работа автора в сборнике статей ИФ РАН была посвящена размышлениям «О месте, структуре и содержании управления в системе деятельности»¹, то настоящая работа касается места деятельности в системе активностей человека. Активности его порождены доставшимися в наследство от животного мира феноменами иерархии и управления; последнее снова оказывается в центре исследования, но уже в качестве причины, а не следствия. Какова же последовательность шагов, приведших к столь радикальной трансформации представлений?

Объект и предмет исследования

Объектом исследования в данной работе является управление крупномасштабными системами, **предметом** исследования – проектный аспект его изучения, построения, осуществления.

Теоретико-методологический инструментарий управления, в частности, связанный с проектированием, востребован практикой.

В заявленном объекте исследования сопрягаются две проблемные сущности: управление и крупномасштабные системы. Двухфокусность когнитивной структуры объекта исследования заставляет попеременно акцентировать внимание на каждом из его фокусов. Так осуществляются пошаговые продвижения в

осмыслении теоретико-методологических проблем управления крупномасштабными системами, в частности, касающихся проектного подхода.

Феномен управления – исходные замечания

Феномен **управления** давно находится в фокусе внимания практиков, философов, а также ученых, представляющих разнообразные дисциплины (экономику, менеджмент, социологию, психологию, биологию и др.). Между тем до сих пор не выработана единая система представлений об управлении, которая позволила бы корректно соотносить между собой результаты, получаемые различными предметниками и управленцами.

В связи с этим методологические наработки, направленные на создание инструментов исследования управления, формирование методик и рекомендаций, носят, как правило, локальный характер. Управленцы вынуждены на протяжении длительного времени эклектически накапливать опыт «лучших практик» подобно тому, как люди накапливали опыт обращения с огнем.

Поскольку проявления феномена управления вездесущи (что само по себе требует осмысления) на повестке дня стоит ряд подходов к его исследованию:

- трансдисциплинарные (идушие сквозь дисциплинарные границы),
- междисциплинарные (предполагающие кооперацию научных областей),
- полидисциплинарные (предполагающие изучение феномена одновременно и с разных сторон несколькими научными дисциплинами)².

Крупномасштабные системы – исходные замечания

В отличие от управления, феномен **крупномасштабных систем** появился в поле внимания научного сообщества сравнительно недавно.

Идея крупномасштабной системы возникла, по-видимому, в конце XX в. из обобщения феноменологического материала практики управления все более крупными предприятиями, организациями или их объединениями, когда выяснилось, что, начиная с некоторого масштаба, становится трудно пренебрегать некоторыми ранее не замечавшимися свойствами управляемых объектов. Это могли быть, например:

- эмерджентное поведение трансконтинентальных электрических сетей и трубопроводов при резких перепадах нагрузки,
- инерционность экономики региона, страны по отношению к управляющим сигналам из центра и/или реформаторским устремлениям руководства,
- запаздывание в логистических схемах, связанное с протяженностью траекторий транспортировки грузов и непредсказуемыми изменениями условий транспортировки,
- проявление социальной природы крупных человеческих общностей, отличной от предписываемой парадигмой Адама Смита,
- невосприимчивость рекреационно-демографических³ процессов в социуме к административным «управляющим сигналам» и т. д.

Неудивительно, что граница между объектами класса крупномасштабных систем и рядовыми предприятиями (и их объединениями) оказывается расплывчатой.

Практика показала, что управление ими имеет специфику в сравнении с управлением системами, не являющимися крупномасштабными. Это и послужило причиной выделения вопросов управления последними в отдельную дисциплину.

В настоящий момент она находится в процессе становления. Так, само определение крупномасштабной системы содержит ряд неопределенностей («сложный», «большой», «значительный», «существенный», «заблаговременность», «размытость» – см. ниже), в силу чего вынужденно опирается на перечислительный нарратив.

Это не значит, что сами крупномасштабные системы возникли недавно. Уже племена и первые государства были крупномасштабными системами; строительство пирамид и завоевательные походы древности являлись, без сомнения, крупномасштабными проектами. Просто раньше участие рядового человека в их функционировании и изменениях не было осознанным в степени, позволяющей осуществлять эффективное управление ими.

Научная дисциплина «Управление развитием крупномасштабных систем» разворачивается в нашей стране во многом благодаря усилиям ИПУ РАН, официально фиксируемым с 1979 г. За это время состоялся ряд конференций, семинаров и школ по данному вопросу. Ему посвящены также многочисленные исследования и конференции вне ИПУ с вариациями терминологии, формировавшейся в процессе развития представлений об объекте. В 2007 г. после шестнадцатилетнего перерыва проведение конференций по управлению развитием крупномасштабных систем в ИПУ возобновлено уже в международном масштабе. Эти конференции стали ежегодными.

В научной школе ИПУ РАН под крупномасштабными системами сегодня понимается «...класс сложных (больших) систем, характеризующихся комплексным (межотраслевым, межрегиональным) взаимодействием элементов, распределенных на значительной территории, требующих для развития существенных затрат ресурсов и времени.

Типичные примеры крупномасштабных систем: топливно-энергетический комплекс и отдельные его отрасли, транспортные, аграрно-промышленные, территориально-промышленные, региональные и отраслевые системы, холдинги, концерны, финансово-промышленные группы, распределенные системы передачи и обработки информации и другие комплексы»⁴.

Согласно сложившимся представлениям, основные особенности крупномасштабных систем состоят в следующем:

– «Значительные затраты ресурсов и времени на развитие систем, заблаговременность инвестиционных мероприятий может составлять несколько лет.

– Размытость границ (в процессе развития состав элементов системы и характер их взаимосвязи между собой и с внешней средой существенно изменяются; территория, охватываемая системой, может расширяться от региональных до глобальных масштабов).

– Тесная взаимосвязь с другими крупномасштабными системами и с окружающей средой.

– Комплексный характер управления (в частности, требуется согласование отраслевых, корпоративных и региональных интересов).

– Грубость и устойчивость, небольшие отклонения в параметрах развития отдельных элементов и их взаимосвязей мало влияют на развитие системы в целом.

– Другие характеристики сложных (больших) систем»⁵.

Не все из указанных особенностей крупномасштабных систем имеют абсолютный характер – например, грубость и устойчивость. Так, вряд ли можно категорически утверждать, что любая крупномасштабная система заведомо является устойчивой, т. е. в пространстве ее развития заведомо отсутствуют точки бифуркации, в которых малые изменения параметров могли бы привести к качественному изменению характера движения. Конечно, системные архитекторы стремятся выбирать рабочие области параметров крупномасштабных систем вдали от упомянутых точек бифуркации. Однако длительность существования крупномасштабных систем несет в себе опасность дрейфа параметров – как окружающей среды, так и самих систем в непредсказуемых пределах. При этом управленческая команда (многokrатно сменяемая за время жизненного цикла системы) далеко не всегда осуществляет мониторинг топологии фазового пространства существования крупномасштабной системы и ее текущего положения в этом пространстве с достаточной для безопасной системной навигации точностью.

Некоторые авторы полагают характерными для крупномасштабных систем следующие особенности:

«– не всегда факторы, влияющие на выбор управленческого решения, могут быть выражены в виде количественных соотношений;

– формализованное описание объекта управления отсутствует либо неприемлемо сложно;

– значительная часть информации, необходимой для принятия решения, представлена в виде мнений специалистов-экспертов».

К основным характеристикам систем управления крупномасштабными системами они относят:

«– главную цель управления;

– качество достижения этой цели или качество управления;

– сложность системы и технологии управления;

– сложность описания технологии управления»⁶.

Крупномасштабные системы. Шаг 1: актуализация номотетического аспекта управления крупномасштабными системами

Развитие науки об управлении крупномасштабными системами проходит свою точку бифуркации сегодня, когда практика настойчиво напоминает, что существенным является не только идиографический⁷, но и номотетический⁸ аспект развития научного знания. В самом деле, если существуют крупномасштабные системы, то не могут не существовать и некоторые другие системы, не являющиеся крупномасштабными. Таким образом, наличествуют по крайней мере два класса управляемых систем.

Исходя из практики хозяйственной и социальной деятельности, нами предложена идея классификации управляемых систем по фактору масштаба и разработан соответствующий классификатор⁹.

Он послужил основанием для следующего определения: **крупномасштабная система представляет собой совокупность двух и более «нарисованных друг на друге» (термин В.А.Левефра¹⁰) подсистем, принадлежащих различным классам предложенного классификатора.**

Оказалось, что различные классы управляемых систем характеризуются различными наборами параметров порядка. Так, параметрами порядка системы масштаба региона, страны, группы стран являются прокреация (рождаемость коренного населения) и миграция. Именно они являются решающими в осмыслении, формулировании и последующем достижении «главной цели управления»¹¹, адекватной объекту. Характерные времена изменения параметров порядка становятся определяющими при разработке и осуществлении стратегий. Так, стратегический горизонт развития страны не может быть меньше продолжительности прохождения женщинами периода фертильности (15–49 лет). Таков минимальный промежуток времени, применительно к которому возможна осмысленная разработка и реализация стратегии государства; ориентация на меньшие временные горизонты в принципе не позволяет накапливать и развивать опыт стратегического управления страной. Прочие параметры (например, хозяйственно-экономические,

занимающие центральное место в мейнстриме современной европейской мысли) являются с точки зрения обсуждаемой целостности – страны европейской культуры – вспомогательными.

«Книга крупномасштабных систем» пишется на языке не только и не столько экономики (в ее сегодняшнем понимании).

Управление. Шаг 1: постановка проблемы осмысления сущности управления применительно к крупномасштабным системам

Практика показывает, что применение неадекватной по составу параметров порядка методики управления дает отрицательные результаты. Таковой оказалась, например, распределенная на протяжении сотен лет последовательность актов концептуального и организационного управления, инициированная французскими энциклопедистами XVIII в. Она привела, в конце концов, институт семьи в структуре социума в подчиненное положение по отношению к большинству социокультурных институтов современности. Вызванное этим перераспределение и обобществление широко понимаемых ресурсов, находившихся ранее в безраздельном распоряжении семьи, привело два века спустя – в 1980-х гг. – к наступлению **нового этапа европейского, а вместе с ним и мирового развития**¹². Этот этап характеризуется фатальной депопуляцией¹³ развитых стран европейской культуры. Примкнувший к ним по фактической реализации семейного уклада славянско-православный культурный кластер, включающий Россию, имеет ту же судьбу. На аналогию прокреационно-демографических процессов европейского мира и современной России указывают результаты сопоставительного анализа кодов их культурной идентичности. Структуры мотивационных полей¹⁴ России и европейского мира совпадают в отношении детерминации места семьи в социуме. Вследствие прогрессирующей депопуляции европейский (в широком смысле) мир вышел за границы эволюционного коридора и продолжает удаляться от зоны, где он в предыдущие века обладал статусом субъекта истории¹⁵.

На основании сказанного мы формулируем **условие прокреационно-демографической состоятельности крупномасштабной социальной общности**: эта состоятельность обеспечивается, если

центр прокреационной ответственности коллективного субъекта и социально-экономические средства, необходимые для исполнения прокреационной функции (фундирующие прокреационный потенциал), в его структуре находятся на уровне семьи¹⁶.

Экономическая и экологическая ситуации в европейском мире и отдельных его регионах – так же, как и демографическая, – не является удовлетворительной.

Причина кроется в том, что сегодня управление крупномасштабными системами фактически осуществляется в соответствии с алгоритмом модельной игры «двусторонние пятнашки» (В.А.Лефевр). Суть модели состоит в следующем. Представим себе прозрачную и пронцаемую для игровых действий плоскость, на которой выстроено игровое поле 4 x 4 гнезда. На этом поле в произвольном порядке расположены 15 плоских фишек, пронумерованных от «1» до «15». Одно гнездо остается свободным. Задача игрока – перемещая ту или иную фишку в свободное (освободившееся) гнездо, возможно быстрее упорядочить их расположение. С «изнанки» фишки также пронумерованы, но – несовпадающим с «лицевой» нумерацией образом. Находящийся с другой стороны плоскости второй игрок имеет аналогичную задачу. Поэтому происходящие в промежутке между ходами каждого игрока изменения игровой ситуации представляются каждому игроку неожиданными и необъяснимыми. Они значительно усложняют задачу управления процессом упорядочивания положения фишек. Глобальная целостность, описываемая приведенным выше классификатором, содержит четыре относительно независимых слоя. По факту они населены управленцами различных уровней, следующими различными системам ценностей и контролирующими различные объемы ресурсов. Таким образом, реализуется модель четырехслойных пятнашек, что значительно увеличивает неопределенность ситуации. Относительно каждого слоя соответствующие управленцы разрабатывают и реализуют не связанные между собой и поэтому создающие взаимные помехи управленческие действия. Некоторые из них можно назвать управленческими проектами.

Демографическая статистика, череда финансово-экономических кризисов, рост протестных настроений в социуме, усугубление экологической ситуации показывают, что «пятнашечное» устройство конструктора управления-самоуправления (control-

management-governance) глобальной целостности не является удовлетворительным с точки зрения цели удержания ее в пределах эволюционного коридора.

Таким образом, актуальна **проблема формирования концепции управления крупномасштабными системами, позволяющей удерживать управляемую систему (в том числе – глобальную) в пределах эволюционного коридора, а также проблема построения на основе этой концепции инструментария управления, адекватного крупномасштабному объекту.**

Управление. Шаг 2: расширение временного горизонта рассмотрения проблемы управления в связи с природой объекта управления

Обычно – во избежание упреков в отрыве от практики – исследование феномена управления начинают с недавнего прошлого. Так, изложение менеджмента принято начинать с плеяды классиков – А.Файоля, Г.Эмерсона, Ф.Тейлора, Г.Форда¹⁷, имплицитно опиравшихся на общеизвестный программный труд экономиста А.Смита¹⁸. Однако при таком подходе существует риск: образцы управленческой практики, взятые в качестве исходной точки исследования и развития (а нередко и образца для подражания), уже могут содержать методологическую некорректность, приводящую к ныне наблюдаемым неудовлетворительным результатам.

А.Смит был не только ведущим теоретиком и идеологом буржуазно-промышленной революции. Силой своего научного авторитета он распространил зародившуюся еще в античности¹⁹ новоевропейскую концепцию человеческой личности до уровня европейской рабочей онтологии²⁰.

Для нашего рассмотрения важно, что авторитетом А.Смита удовлетворение интересов индивида оказалось легитимизировано в качестве естественной и, собственно говоря, единственной движущей силы происходящих в социуме (совокупности множества индивидов) процессов. Этот ход А.Смита представился научному сообществу столь убедительным, что сформировал мейнстрим общественной мысли на века. Ему в свое время последовал даже К.Маркс.

Итак, согласно концепции А.Смита первичной в хозяйственно-экономической действительности считалась разрозненная производственная деятельность множества индивидов. Что касается управления, то это – «исторически давний (древнейший) феномен», осознанный в качестве деятельности в конце XIX²¹. В русле отечественной методологической традиции его конституируют (иногда вместе с организацией и руководством) как «деятельность над деятельностью»²², либо как «мыследеятельность над деятельностью», либо «как вид мышления»²³. Однако это конституирование представляет собой не более чем постулат. Конечно, постулаты играют в науке роль опорных точек. Однако срок их жизни и пределы использования определяются возможностью конструктивного употребления выводимых следствий.

Д.А.Новиков снабдил названия мери книг, выпускаемых под эгидой ИПУ РАН, подзаголовком «умное управление»²⁴. Мы полагаем введение этого термина весьма плодотворным и остановимся на нем позже. Данный автор опирается на представление о том, что управление является «...одним из видов практической деятельности», возникшим в процессе ее специализации²⁵. Иными словами, «управление является деятельностью по организации деятельности»²⁶, которая рассматривается на концептуальной основе, представляющей собой мозаику свободно избранных положений произвольно взятых современных дисциплин. «Задача управляющего органа заключается в том, чтобы осуществить такие управляющие воздействия..., чтобы с учетом информации о внешних воздействиях... обеспечить требуемое с его точки зрения состояние управляемой системы»²⁷.

Вопрос о компетентности управленца в целеполагании в упомянутой книге не ставится. Цели полагаются свободными от ограничений, налагаемых, в числе прочего, самосохранением системы. Если система является крупномасштабной и составляет среду обитания управленца, то последствия близоручного целеполагания могут оказаться для него катастрофическими.

Поэтому наряду с методологическими и технократическими концепциями интересной представляется концепция эргатического организма и системы управления, обеспечивающей его существование. Этот организм определяется как «...многоцелевая эргатическая система, обладающая при изменяющихся условиях

среды, в которой она функционирует, свойствами функциональной активности и функционального гомеостаза по отношению ко всему множеству функциональных поведений, направленных на достижение целей данной системы, среди которых могут быть и цели технологического самосохранения»²⁸. Такая модель в настоящее время используется для описания систем управления блоком электростанции, самолетом, диспетчерской службы аэропорта, вокзала и т. п. Эргатическая система включает систему управления, одним из элементов которой является человек или группа людей. Мы будем предполагать эту систему управления существующей в совокупности со всеми управляемыми подсистемами, входящими в рассматриваемый эргатический организм.

Какой ход позволил бы увидеть новые возможности в развитии данной модели? В философской литературе в качестве одного из важных направлений работ, по исследованию управления, формирующих ее философию, обозначен «...анализ более широкой реальности, обуславливающей разные типы управления, а также их эволюцию»²⁹.

Действительно, естественно ожидать, что большая пространственная протяженность объекта исследования влечет за собой значительную длительность характеризующих объект процессов. Исследование крупномасштабных систем требует обращения к значительно более длительным временным интервалам, чем исследование технических либо коммерческих систем. Видимо, вследствие этого поведение крупномасштабных систем долго оказывалось вне сферы внимания исследователей.

Когда масштаб управляемой системы достигает высокого (например, глобального) уровня, управление крупномасштабной системой превращается в «управление будущим»³⁰ (вспомним бурно развивающуюся дисциплину форсайта³¹ и другие методы прогнозирования³²).

«Некоторые теоретики менеджмента прямо выходят на утверждение, что производство и организация представляют собой формы жизни, мало чем отличающиеся от биологических»³³. В еще большей степени это утверждение можно отнести к крупномасштабным системам, совокупность процессов функционирования которых труднообозрима и трудно осознаваема в силу несоизмеримости характерных времен управленца и системы рассма-

триваемого типа. Процессы жизнедеятельности биологических систем также осуществляются неосознанно, поскольку, как принято считать, сознание присуще исключительно человеку. Здесь мы оставляем за границами рассмотрения интересные, но трудные для анализа переходные формы. Таким образом, процессы управления в биологических и крупномасштабных системах обладают общими чертами: то и другое осуществляется за пределами осознания. Первое – по определению («дообщественные формы социальности»³⁴), второе – по факту (введем термин: **постобщественные формы социальности**). Это побуждает нас в поисках общих «начал» управления обратиться к данным социобиологии. Ведь социальное поведение сформировалось в процессе эволюции животного мира динамическими стереотипами, а они в значительной степени задаются управлением.

Управление. Шаг 3: управление, предшествовавшее осознанию – социобиологический экскурс

Заметим, что сами по себе категории «организм», «человек» отсылают нас к миру не только социального, но и просто живого. Ряд авторов признает наличие управления в животном мире, трактуя его как «...процесс воздействия живого организма на самого себя на основе использования разнообразных элементов внешней среды в целях самовоспроизводства... Управление на уровне живых организмов, биологических систем характеризуется рядом особенностей. Главная из них состоит в том, что любая жизнь производит воздействие на окружающую среду во имя воссоздания, воспроизводства себя в другом существе, в потомстве»³⁵.

Уже из признания до-человеческого аспекта управления можно заключить, что теоретический аппарат эргатического управления (не говоря уже об аппарате технократической и методологической школ) применительно к крупномасштабным системам требует развития. Ведь в число рассматриваемых там функций не включено воспроизводство «биологического субстрата». А он необходим для существования крупномасштабных систем в «длинном» (эволюционном) времени. Подчеркнем еще раз: истоки феномена управления принадлежат не миру людей, но – животному миру.

Этот феномен, несомненно, трансформировался в ходе биосоциальной эволюции. «Впервые идея биосоциальной эволюции, оформившаяся в качестве научной проблемы, возникла во второй половине XIX в. Она родилась на стыке сразу трех научных направлений: эволюционного учения Дарвина, социологии Конта и Спенсера и сравнительной психологии... Социология, в особенности эволюционная социология Спенсера, с первых шагов своего развития выступила теоретическим основанием для представлений о естественных корнях социальности человека, корнях столь глубоких, что законы органического мира признавались действующими и в обществе»³⁶.

Управление в животном мире есть инструмент как внутривидовой, так и межвидовой борьбы за выживание. Последняя предполагает разнообразные формы внутривидовой и внутригрупповой кооперации, при которой управляющей может оказываться как более сильная особь (например, вожак стаи, контролирующий ее движение и раздел добытой пищи), так и более слабая особь (например, птенец, требующий корма от родителей). Управление возникло и оформилось как феномен, связанный с освоением животными знаковых функций. Наблюдается развитое управление в брачном поведении животных, выведении потомства, охране территории, групповом поведении – при объединении в «сверхорганизмы» (брачующаяся пара, рой, стая, муравейник), в играх животных.

Что есть управление в животном мире? Феномен, породивший и в дальнейшем обеспечивающий социальность поведения животных. Много внимания изучению этого явления уделил лауреат Нобелевской премии Н. Тинберген³⁷.

Введем определение. **Управление в животном мире есть аспект взаимодействия, позволяющий управляющему животному использовать ресурсы ситуации управления для получения неосознаваемой им (ввиду отсутствия развитого сознания у животного), но объективно выявляемой в процессе эволюции пользы – для себя, группы и/или вида.** Понятие пользы включает в качестве главного компонента репродуктивный успех особи, группы, вида.

Как происходит управление в животном мире? Экземпляры, привлекающие своим поведением (перерастающим в реализацию знаковых функций) полезных сородичей (родителей, брачных партнеров) или отпугивающие врагов (соперников, конкурентов, хищ-

ников), получают сиюминутные или отсроченные преимущества в жизнедеятельности (своей, группы и/или вида). Многие птицы используют звуковое привлечение партнеров и зрительные демонстрации. Самец трехглазой колюшки принимает вертикальное угрожающее положение, отпугивая соперников от охраняемой территории³⁸. Примеры могут быть продолжены.

Мы утверждаем, что управление (и инструментализирующее его знаковое поведение) в животном мире предшествовало мышлению, закрепилось и усовершенствовалось посредством естественного отбора в эволюционном временном горизонте (в «длинном» времени). Вслед за управлением и под его влиянием на пути эволюционного отбора в процессе становления человека возникли такие производные жизнедеятельности как мышление, деятельность, мыследеятельность (как осмысленное единство мышления и деятельности), жизнемыследеятельность (как осмысленное единство мышления, деятельности и жизнедеятельности³⁹), межпредметная дисциплина «общая методология» и другие организованности эманаций субстрата жизнедеятельности и их производных.

С возникновением мышления становящийся человек получил возможность модифицировать и закреплять «полезные» формы поведения⁴⁰ в социальном временном горизонте (в «коротком» времени). Оценка «полезные» заключена в кавычки потому, что целеполагание есть всего лишь этап проектирования, причем целесообразность инициации проектной деятельности, ее направленность и успешность в социуме сегодня поверяется экономическими либо идеологическими⁴¹ критериями и субъективно установленными заказчиком формальными признаками. Объективно же целесообразность осуществления текущей совокупности проектов поверяется естественным отбором типов стейкхолдеров и типов социального устройства в эволюционном временном горизонте (в «длинном» времени). Так, социальный эксперимент французских энциклопедистов XVIII в. обернулся двести лет спустя демографическим коллапсом Европы.

Ситуация управления в животном мире является этологической, она не осознается ее участниками. Управленческие ходы, используемые в ней особями каждого вида, закрепляются в «длинном» времени естественным отбором – как по временной структуре, привязанной к циклу жизни и природным циклам, так и по

содержанию. С развитием мышления и деятельности «поверх» этологического слоя в становящемся социуме возник новый феномен – деятельностная ситуация. Необходимым условием ее формирования послужило осознание возможности получения сиюминутной или отсроченной «пользы» хотя бы одним из участников. Управление в мире людей закрепляется в подвижных формах соответствующих технологий в культуре, они возникают, совершенствуются и исчерпывают себя в «коротком» времени. Текущая ситуация есть «срез» деятельностных и/или экзистенциальных процессов, происходящих «здесь и сейчас».

Европейская идеология прогресса породила концепт управления развитием, который, как показывает демографическая статистика, в настоящее время оказывается симулякром.

«Любая биологическая система является автоколебательной (существуют определенный ритм жизнедеятельности всей системы и ритмы активности ее биохимических и физиологических подсистем) и обладает поэтому релаксационным поведением (период активности сменяется периодом расслабления, релаксации)»⁴². В связи с этим объективная польза для системы может заключаться как в развитии, так и в его отсутствии на тех или иных этапах исторического процесса.

С какой целью мы предпринимаем данный экскурс в социобиологию? В мире людей и создаваемых ими организованностей, включая крупномасштабные, сегодня осознанно используется лишь небольшая часть способов управления, осуществляемых в мире живого. **А те, которые используются в европейской (в широком смысле) культуре, не удерживают ее в эволюционном коридоре.** Возможно, парирование вызовов нового века (тысячелетия) потребует расширения управленческого арсенала. С другой стороны, множество направлений эволюции животного мира оказалось тупиковыми. Так, «у перепончатокрылых общественный образ жизни возникал по меньшей мере одиннадцать раз, но закрепился лишь у термитов, муравьев, пчел и ос»⁴³. Не поможет ли осмысление перипетий биологической эволюции живых организмов в конструировании эргатических организмов будущего? Ведь по раздвигающему горизонты определению Э.Уилсона, общество есть «группа индивидов, принадлежащих к одному и тому же виду и организованных на основе кооперации»⁴⁴.

В недалеком прошлом сам термин «социобиология» был ругательным. «...Ричард Левонтин и другие оппоненты социобиологов решительно заявляли, что теории, подобные социобиологическим, ставят своей целью дать «генетическое оправдание *status quo* – сохранить существующие привилегии определенных групп в соответствии с классовыми, расовыми или половыми различиями»⁴⁵. Эта теория согласуется с тем, что сказал в свое время Д.Рокфеллер о дарвиновской борьбе за существование: развитие бизнеса и есть выживание наиболее приспособленных. Это закон природы и божественный закон. Теории такого рода послужили основой для введения законов о стерилизации представителей неимущих слоев, ограничения иммиграции в США между 1910–1930 гг., а также для осуществления евгенических мероприятий в нацистской Германии»⁴⁶. Все эти довольно поверхностные аналогии обобщались представителями группы «Наука для народа» таким образом, что якобы в социобиологии за «объективным научным подходом скрыты политические цели»⁴⁷. Конкретно же об этих целях ничего не говорилось, но высказывалось общее суждение о том, что генетическое объяснение сущности человека может быть использовано правящими классами для оправдания существующего порядка: если генетика человека обещает его процветание, борьба за социальную справедливость оказывается излишней; если же человечество обречено на деградацию, то классовые конфликты бессмысленны. «Социобиология, делается вывод, – вредное исследование, которое стремится отвратить науку от помощи угнетенным»⁴⁸.

Сегодня целый ряд из приведенных «аргументов» уже не требует опровержения, а про другие можно сказать, что весь мир европейской культуры, в котором они имеют некоторый смысл, находится под угрозой уничтожения на новом (отмеченном выше) этапе мирового развития, и неразумно пренебрегать исследованием любых возможных путей его спасения.

«Социобиология человека имеет такое же право на существование, как и социобиология гиппопотама или широколобых вомбатов»⁴⁹.

Э.Уилсон в книге «Социобиология: новый синтез» (в 2000 г. она была выпущена юбилейным – двадцать пятым – изданием) отмечает: «Большинство стереотипных форм человеческого поведения свойственно млекопитающим. А более специфические по сво-

ему характеру формы – поведению приматов, как это предсказано на основе общей теории эволюции»⁵⁰. Вот почему странно полагать, считает Уилсон, что поведение людей является продуктом только человеческой истории». Главные черты природы человека, сформировавшиеся в эволюционном прошлом: «1) взаимный альтруизм; 2) территориальность – приверженность определенному местообитанию и готовность защищать его; 3) агрессивность; 4) следование отработанным в эволюции формам сексуального поведения; 5) nepoтизм (семейственность) – в смысле приверженности не только своей собственной семье, но и другим внутрипопуляционным социальным образованиям; 6) социализация с помощью отработанных в эволюции способов и посредством эволюционных механизмов (прежде всего – отбора); 7) взаимно дополнительный характер культурной и биологической эволюции; 8) зависимость форм человеческого социального поведения от генетических основ...»⁵¹.

Подчеркнем, что взаимный альтруизм (а не агрессивность!) стоит в перечне Уилсона на первом месте.

Мы полагаем, что во всех этих пунктах заметную роль играет феномен управления как аспект взаимодействия, позволяющий управляющему использовать ресурсы ситуации управления для получения объективной пользы (для себя, своего потомства, группы, вида). Важно отметить, что в животном мире отношения доминирования–подчинения реализуются, как правило, не в насилии, а в гораздо более мягком виде – в проявлении влияния⁵².

Главным и непременным аспектом результирующей пользы является прокреационная экспансия либо прокреационный гомеостаз.

Управление. Шаг 4: следствия из социобиологического экскурса

В противоположность распространенной ныне точке зрения мы полагаем, что **управление как форма активности живой материи первично по отношению не только к предметной деятельности, но и породившему эту деятельность мышлению**, не говоря уже о более поздних категориях организованностей человеческой активности.

Непосредственной предпосылкой деятельности послужило, как показал В.М.Розин, «семиотическое производство»⁵³. Из вышеприведенных социобиологических материалов следует, что возникло оно еще до появления человека. Возникшие в ходе эволюции языки есть в первую очередь инструменты управления.

Возникновение мышления отделяет эру **управления как естественного процесса** от эры, когда **поверх него** возникло, развилось и породило сегодняшние трудноразрешимые проблемы **управление как искусственный феномен**. Поэтому странно было бы начинать философию, науку и методологию управления в человеческом обществе и, тем более, в капиталистическом обществе «с чистого листа».

Не столько управление представляет собой «деятельность над деятельностью», сколько деятельность является продуктом мышления, которое, в свою очередь, является порождением управления в изменяющихся условиях существования человеческой популяции. Подчеркнем еще раз: управление является сущностью породившей мышление и деятельность в ходе эволюционного процесса. Этим и объясняется подмеченная исследователем структурная аналогия управления с предметной деятельностью⁵⁴.

Таким образом, при выстраивании методологии управления (в частности, методологии управления крупномасштабными системами) надо отдавать себе отчет в том, что речь идет об отражении исходной формы активности живой материи (управления) в формах активности человека, возникших в гораздо более поздние времена (наука об управлении, философия управления, общая методология).

Управление крупномасштабными системами имеет дело с общественными формами социальности, не осознаваемыми в полной мере участниками процесса непосредственно. В этом заключается его аналогия с управлением в животном мире, имеющем дело с дообщественными формами социальности (осуществляющимися без участия мыслящих существ, поскольку в то время они еще не сформировались).

Возвращаясь к упомянутому термину «умное управление»⁵⁵, заметим, что его с полным правом можно отнести к среднему этапу развития науки и практики управления из трех, доступных сегодня нашему рассмотрению.

– Первый этап – предшествующий появлению мыслящих существ – являет собой **неосознанное или этологическое управление**.

– Второй, сегодня наиболее разработанный – предшествующий попыткам подойти к управлению крупномасштабными системами с учетом налагаемых структурой управляемых объектов ограничений – вполне соответствует заявленному членом-корреспондентом РАН Д.А.Новиковым термину «**умное** (т. е. осознаваемое) **управление**».

– Третий этап, на пороге которого мы находимся, относится к крупномасштабным системам и представляет собой **изономическое**⁵⁶ **управление**. Его «главная цель» – удержать глобальную целостность в пределах эволюционного коридора. Структурно стратегия изономического управления глобальной системой представляет собой совокупность стратегий для всех уровней управляемой системы (управление-1, ...управление-4) и, возможно, охватывающую их стратегию мета-управления. Для его реализации мы предлагаем ряд специальных мыслительных инструментов: новую онтологию человека, принцип субъектно-парциального дуализма, концепцию прокреационного капитала, концепцию сервисной подсистемы контроллинга.

Посредством их распространения и совершенствования мы предлагаем расширить область эффективного управления вверх по шкале типов управляемых систем по фактору масштаба. Предпосылки к разворачиванию третьего этапа науки об управлении мы находим в трудах Алкмеона из Кротона (VI–V вв. до н. э.)⁵⁷, физиократов⁵⁸, А.А.Богданова⁵⁹, А.И.Орлова⁶⁰.

Управление. Шаг 5: выстраивание онтологических оснований науки об управлении крупномасштабными системами

Демографическая статистика и ее социокультурный анализ показывают, что онтология европейского прогресса – *онтология развития* – исчерпала свой потенциал. Европейский прогресс не является вечным, естественным само собой разумеющимся процессом. «Пределы роста», о которых предупреждал Римский клуб, все-таки существуют, хотя и в других смыслах. Строить стратегию

развития, если принципиально не обеспечивается воспроизводство и функционирование – значит, согласно известной поговорке, «носить воду в решете». Пересмотр онтологических оснований построения теоретико-методологических разработок в области управления неизбежен. До сих пор предельной онтологической рамкой европейского мира была *онтология развития*, веками победоносно реализуемая в европейском прогрессе. Европейская философия последовательно признала несостоятельными онтологии Бога, человека, мышления. В том, что прогресс является единственно возможным способом существования человечества, до сих пор уверены евроатлантические управленцы всех уровней. В этом солидарно с ними население Европы, США, России. Но сегодня мировым лидерам придется умерить амбиции и научиться видеть более скромный горизонт – онтологию, обеспечивающую хотя бы простое воспроизводство.

Онтология является текущим срезом непрерывного процесса онтологизации. Этот процесс в его антропологическом повороте означает:

- непрерывное достраивание и перестраивание себя субъектом онтологической работы,
- непрерывное формирование пространства, инструментов, процедур этого постоянного достраивания и перестраивания,
- следование ограничению – «**не дать миру уничтожить себя**» (Альбер Камю). Ограничения, как правило, уменьшают множество допустимых стратегий. Примером может служить известная игра «крестики-нолики» на ограниченном либо неограниченном поле.

Мы полагаем, что очевидным выражением естественной структуры мира является **феномен человека**. Тогда роль предельной онтологии должна занять **онтология человека**. Человек является одновременно и целью, и средством, и субъектом непрерывной онтологической работы. Однако идея онтологии человека дискредитирована в современной философской мысли во многом непростым для прочтения творчеством Ф.Ницше⁶¹ с его идеей «сверхчеловека». Как известно, творчество этого философа оказалось одним из теоретических источников национал-социализма (в первую очередь, благодаря фальсификации наследниками автора его работы «Воля к власти» в угоду немецкой политической

конъюнктуре первой трети XX в.). «Карантин ницшевской философии – плачевнейший факт европейской культуры – частично длится и по сей день, во всяком случае, у нас, где до сих пор еще не сделано ни одной сколько-нибудь серьезной попытки пересмотреть этот вопиющий стереотип, в то время как на Западе, после ставших классическими изданий Шлехты и Колли – Монинари, а также потока публикаций, посвященных “казусу Ницше”, просто неприличной выглядит уже столь однозначная и одиозная оценка этой мысли»⁶². Мы не будем углубляться здесь в анализ творчества Ф.Ницше, отметим только, что несправедливое культурное табу на его обсуждение породило «эффект ореола», дискредитирующий феномен человека как направление онтологической работы. Почва для преодоления этого эффекта подготавливается, в частности, антропологическим поворотом, совершающимся сегодня в гуманитарных науках.

Для проникновения в естественную структуру мира мы предлагаем рассматривать не ущербного человека современной европейской культуры в его постмодернистской разорванности, но – человека как принцип, как систему, которая выстраивается с использованием построений современного французского философа Э.Морена⁶³. При формировании **новой онтологии человека** мы предлагаем использовать категорию многофокусной (двухфокусной) системы. Отметим: Э.Морен полагает системой не любую часть мира с произвольно назначенными границами, а только такую, в которой удастся выделять два или большее число противостоящих друг другу в некоторых смыслах фокусов. При этом существенно, что фокусы охвачены взаимно обуславливающими рекурсивными связями, обеспечивающими как само их существование, так и поддержание общей конфигурации системы.

Предлагаемая онтологическая схема-принцип категории «человек» включает фокус единичной ипостаси человека и фокус множественной его ипостаси (рис. 1). Петля рекурсивной связи обеспечивает их существование (воспроизводство, функционирование и, возможно, развитие), а также определяет способы их взаимного конституирования, непрерывного воспроизводства и взаимного употребления.

Существование единичной ипостаси человека невозможно вне общества, а множественная ипостась человека существует как сложная совокупность его единичных реализаций. Количественная мера точности балансировки единичного и множественного (изономия) включает в качестве неперменной подосновы коэффициент рождаемости коренного населения. Он является базовым (но не единственным) критерием прокреационно-демографической успешности и важнейшим условием реализации любых стратегий отдельно взятой страны и европейского мира в целом⁶⁴. Гармония единичного и множественного фокусов становится камертоном текущего состояния социальной структуры.

В системе, изображаемой схемой рис. 1, подавленной сегодня оказывается именно единичная ипостась человека в отношении своей прокреационной функции, причем настолько, что нарушенным оказывается воспроизводство человеческого материала европейской цивилизационно-культурной общности. И это происходит под шумный аккомпанемент рассуждений о «правах человека». Гармонизация глобальной управляемой системы требует разнонаправленных институциональных корректирующих трансформаций в разных ее слоях, обеспечиваемых трансформацией всей совокупности европейских социокультурных институтов.

Покажем, каким образом эти построения могут быть соотнесены с известной онтологической концепцией Н.Гартмана. Философ указывает: «Строение реального мира имеет форму наслоения. Каждый слой является целым порядком сущего. Главных слоев четыре: физически-материальный, органический-живой, душевный, исторически-духовный. Каждый из этих слоев имеет свои собственные законы и принципы. Более высокий слой бытия целиком строится на более низком, но определяется им лишь частично»⁶⁵. В предлагаемой схеме-принципе (рис. 1) названным слоям соответствуют следующие взаимообуславливающие категориальные пары:

- 1) тело человека – совокупность окружающих его природных условий и факторов;
- 2) индивид – коллектив;
- 3) субъект – совокупность социокультурных институтов;
- 4) личность – социум.

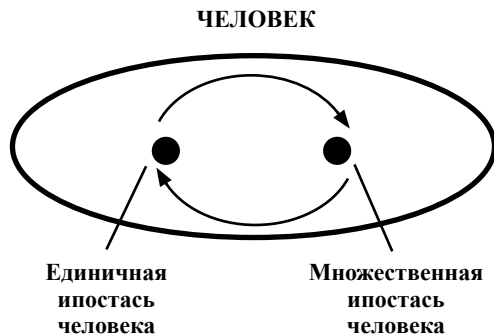

Рис. 1. Структура человека как двухфокусной категории

При этом важны не только сами перерастающие друг в друга «матрешечные» структуры фокусов, но и петли взаимно обуславливающих их рекурсивных связей. Вспомним, какое внимание уделяет Ф.Ницше взаимодействию, взаимопониманию (или их отсутствию) своего героя Заратустры и окружающих.

В структуре этих связей может быть указано место феномена управления, в том числе, управления крупномасштабными системами⁶⁶. Возврат сообщества стран европейской культуры в эволюционный коридор требует пересмотра системы социокультурных институтов, который предлагается осуществить на основе заявленной онтологии. Предложенная онтологическая модель человека есть, в частности, и схема-принцип управления крупномасштабной системой взамен идущей «вразнос» модели «многослойных пятнашек».

Крупномасштабные системы. Шаг 2: принцип субъектно-парциального дуализма

В качестве одного из инструментов организации управленческих ситуаций в крупномасштабных системах нами предложен принцип субъектно-парциального дуализма. Он состоит в том, что управляемые и/или управляющие *субъекты* одновременно могут быть трактованы и как *элементы* (парциальные подсистемы, то есть, уровни или фрагменты уровней) единой иерархической, по-

лиархической или существующей на иных основаниях целостной гиперсистемы, представляющей некоторое сообщество или даже общество в целом.

Без нарушения строгости рассуждений гиперсистема может быть расчленена на фрагменты – стационарные и нестационарные управленческие ситуации – но только в том случае, если влияние отбрасываемых частей учитывается при задании внешних условий частных ситуаций, на которых концентрируется внимание исследователя.

Абсолютно строго в принципе может быть осуществлена и обратная процедура – агрегирование управленческих ситуаций, включающее в себя, в частности, «сборку» коллективных субъектов из субъектов индивидуальных.

Важен не только результат процедуры перевода одной монистической картины в другую, но сама возможность установления отношения эквивалентности между совокупностью субъектов, состоящих между собой в «организационно-техническом отношении»⁶⁷ (т. е. в отношении управления-подчинения) и единой многоуровневой структурой. Заключение, сделанные для одного из представлений, могут оказаться как эвристическими подсказками, так и рамочными принципами (выражениями интегральных характеристик) при работе с другим. Такой находкой оказывается, например, критерий реконструируемости системы, не имеющий до сих пор четкого выражения в субъектно-ориентированной концепции управления⁶⁸.

Субъектный и парциальный взгляды на управленческую действительность равноправны с позиций научной строгости, это – всего лишь два разных взгляда на одну и ту же действительность. Существует даже цикличность движения «мейнстрима общественного сознания» между этими двумя взглядами («...непреодолимая дилемма “индивидуального” и “общественного”, сменяющих друг друга на всем протяжении развития социальной мысли, в целом соответствует и цикличности развития общества...»⁶⁹).

Предлагаемое направление исследований может опираться на математический аппарат теории активных систем⁷⁰.

Управление. Шаг 6: Прокреационный капитал как инструмент управления крупномасштабными системами

В настоящее время наиболее распространенными инструментами управления крупномасштабными системами являются экономические. Однако они не решают большинства возникающих проблем. Правомерен вопрос: «...можно ли построить социальную технологию, преобразующую личные интересы во взаимную выгоду, на основе чего-то более высокого, чем экономические интересы? ...Человека надо закрепить на таком уровне потребностей, отсутствие реализации которых приводило бы к прекращению его земного существования»⁷¹. Напомним: на до-человеческом этапе эволюции эта проблема решалась успешно.

Экономическая теория и, как мы полагаем, идеология А.Смита пришла на смену концепции физиократов, основоположником которой являлся Ф.Кенэ. Он исследовал экономику государства, а его преемник – экономику частного предпринимательства. Ф.Кенэ полагал население основным богатством страны и в первую очередь учитывал потоки средств, направленные на его воспроизводство. При смене экономических парадигм имплицитно произошла смена субъекта рассматриваемой деятельности. Если раньше это было государство (крупномасштабная система!) то теперь – частный предприниматель. При этом воспроизводство населения перестало учитываться не только как первоочередная общественная потребность, оно выпало из рассмотрения экономистов и политиков вообще – тем более что механизация производства породила массовую безработицу, и широкое распространение получила демографическая концепция Т.Мальтуса. Результатом оказалась современная прогрессирующая депопуляция передовых в экономическом отношении стран Европы.

В качестве концептуального инструмента борьбы с депопуляцией сообщества стран европейской культуры предлагается концепция **прокреационного капитала**. Заметим: он имеет принципиально иной способ существования, чем финансовый капитал по К.Марксу.

Итак, воспроизводство социума требует поддержания базового процесса хозяйственно-экономической деятельности – процесса прокреации. Тогда базовым инструментом новой экономики

становится **прокреационный капитал**⁷². Это понятие является обобщением «человеческого капитала», широко обсуждаемого в экономике сегодняшнего дня.

Прокреационный капитал представляет собой интегральную характеристику коренного населения, обеспечивающую в перспективе всю производственную деятельность общества (в роли рабочей силы, предпринимательского начала и потребителей производимой продукции). Эта характеристика включает не только численность населения (его физических, интеллектуальных особенностей, компетенций и вкусовых предпочтений), но и качество прокреационной среды, обеспечивающее в идеале хотя бы прокреационный гомеостаз, т. е. простое воспроизводство коренного населения.

Результатов инвестиций в прокреацию чиновник, принимающий решение о таких инвестициях, не дожидается в силу краткости срока своей профессиональной деятельности. Прокреационный капитал имеет сверхдлинный срок обращения. Условным его владельцем может оказаться только достаточно крупный и долгоживущий коллективный субъект – субъект масштаба региона, страны, сообщества стран. Условность владения прокреационным капиталом выражается в том, что в демократическом государстве с присутствующим ему институтом прав человека этот коллективный субъект не является абсолютным собственником результата прокреационных инвестиций.

Управление. Шаг 7: Сервисная подсистема контроллинга как инструмент управления крупномасштабными системами

На новом этапе мирового развития даже такая мощная крупномасштабная система, как сообщество стран европейской культуры, оказывается под угрозой. Мы полагаем, что для ее преодоления необходимы изменения в составе существующего института управления.

Управление полагается нами системой также с использованием представлений Э.Морена. При этом подтверждается несовершенство сформировавшейся в общественной практике системы

управления. Петля связи между управляющим и управляемым фокусом реализована несимметрично. Если «прямая» ветвь связи от управляющего полюса к управляемому развита избыточно, вплоть до «зарегулированности», обеспечена на структурном, юридическом, силовом и т. д. уровне («вертикаль власти»), то «обратная» связь во многом лишь номинально декларирована. Для устранения асимметрии мы предлагаем в систему управления ввести **сервисную подсистему контроллинга**, обеспечивающую внедрение, мониторинг средств принятия и реализации стратегических управленческих решений.

Возникновение и развитие контроллинга с одной стороны продолжает тренд всеобщей специализации, породившей европейскую буржуазно-промышленную революцию XVIII в. и весь последующий европейский прогресс, а с другой стороны – открывает перспективы преодоления ее негативных последствий. Важность введения контроллинга объясняется тем, что любая неточность в управлении крупномасштабной системой приводит к потерям, пропорциональным масштабу системы. В настоящее время контроллинг не востребован в практике управления крупномасштабными системами, поскольку они (в лице своих руководителей) чувствуют себя монополистами соответствующих рынков и не видят надобности в совершенствовании. Однако локальный монополизм не отменяет глобальной конкуренции («естественного отбора»). Начиная с некоторого исторического момента, возникает объективная потребность в расщеплении пакета управленческих функций и обособлении его составляющих в виде специализированных сервисных институтов.

Из полутора тысяч работ, составивших содержание сборников тезисов и трудов последних международных конференций по управлению развитием крупномасштабных систем, контроллингу оказались посвящены буквально единицы⁷³. Если принять гипотезу, что ежегодные международные конференции MLSD достаточно полно отражают состояние разработки методов управления крупномасштабными системами в мире, то приходится заключить, что контроллинг крупномасштабных систем развивается медленно. Это – заслуживающий внимания парадокс.

Резюме

– Управление является порождающей сущностью по отношению к мышлению и деятельности. **Управление в животном мире** есть аспект взаимодействия, позволяющий управляющему животному использовать ресурсы ситуации управления для получения неосознаваемой им (ввиду отсутствия развитого сознания у животного), но выявляемой в процессе эволюции пользы – для себя, группы и/или вида. Понятие пользы включает в качестве главного компонента репродуктивный успех особи, группы, вида. Возникновение мышления отделяет эру управления как естественного процесса от эры, когда поверх него возникло, развилось и породило сегодняшние трудноразрешимые проблемы управление как искусственный феномен. **Управление в человеческом обществе** есть аспект взаимодействия, позволяющий субъекту управления использовать ресурсы ситуации управления для достижения поставленных им целей. Управление в человеческом обществе есть естественно-искусственный феномен институционально-стратегического глобального ландшафта.

– Процессы управления в биологических и крупномасштабных системах обладают общими чертами: то и другое осуществляется за пределами осознания. Первое – по определению (дообщественные формы социальности), второе – по факту (вновь вводимый термин: **постобщественные формы социальности**).

– Проектный аспект управления крупномасштабными системами является его уязвимым пунктом, поскольку проект замышляется и реализуется в социальном («коротком») времени, а вся совокупность осуществляемых в рамках цивилизации проектов активно верифицируется в эволюционном («длинном») времени.

– Происходящая смена цивилизаций объясняется во многом их неспособностью трансформировать свои институты управления, обеспечивающие воспроизводство (в разных смыслах), со скоростью, позволяющей парировать глобальные изменения окружающей среды.

– В качестве метафизического основания разворачивания теоретико-методологических разработок в области управления предлагается новая онтология человека. Онтологическая схема-принцип категории «человек» является многофокусной (двухфокус-

ной), она включает фокус единичной ипостаси человека и фокус множественной его ипостаси. Эти фокусы охвачены петлей взаимно обуславливающей рекурсивной связи, обеспечивающими как само их существование (воспроизводство, функционирование и, возможно, развитие), так и поддержание общей конфигурации системы, а также определяющей способы их взаимного конституирования, непрерывного воспроизводства и взаимного употребления.

Автор выражает благодарность д. т. н., д. э. н. профессору А.И.Орлову за обсуждение работы и ценные замечания, значительно улучшившие ее содержание.

Примечания

- ¹ *Реут Д.В.* О месте, структуре и содержании управления в системе деятельности // *Философия управления: проблемы и стратегии* / Отв. ред. В.М.Розин. М., 2010. С. 112–133.
- ² *Морен Э.* Метод. Природа природы. М., 2005. С. 22.
- ³ Прокреация – воспроизводство жизни, воспроизводство коренного населения.
- ⁴ *Васильев С.Н., Цвиркун А.Д.* Предисловие // *Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2010): Материалы 4-й международн. конф.* (4–6 окт. 2010 г., Москва, Россия). Т. 1. М., 2010. С. 4.
- ⁵ Там же.
- ⁶ *Титов А.В., Титов И.А.* Ситуационный подход к управлению развитием крупномасштабных систем // *Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2008). Материалы 2-й международн. конф.* (1–3 окт. 2008 г. Москва, Россия). Т. 1. М., 2008. С. 119.
- ⁷ Работа с индивидуальными особенностями единиц исследования внутри границ класса [Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 201].
- ⁸ Обобщение и установление законов, в т. ч. границ классов, на которые подразделяются единицы исследования [Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 441]. Заметим, что, в отличие от номотетических исследований, структурно-классификационные методы анализа (см. Разд. I) разделяют на классы (часто – динамически изменяющиеся) не сами объекты исследования, а замеры параметров исследуемого объекта.
- ⁹ *Реут Д.В.* О месте, структуре и содержании управления в системе деятельности. С. 126; *Реут Д.В.* Номотетический аспект методологии управления // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.* 2011. № 1. С. 68–76.

- ¹⁰ *Лефевр В.А.* Конфликтующие структуры. М., 1973.
- ¹¹ *Титов А.В., Титов И.А.* Ситуационный подход к управлению развитием крупномасштабных систем. С. 119.
- ¹² *Реут Д.В.* Двухфакторная модель здравоохранения: инструментарий системного подхода на новом этапе мирового развития // Научное, экспертно-аналитическое и информационное обеспечение национального стратегического проектирования, инновационного и технологического развития России. Тр. 6-й Всерос. научно-практ. конф. (27–28 мая 2010 г.). Ч. 1. М., 2010. С. 506–512.
- Реут Д.В.* Здоровье в аспектах управления, контроллинга, экономики, прокреации. Saarbrucken, 2012 (www.morebooks.de).
- ¹³ *Ливи Баччи М.* Демографическая история Европы. СПб., 2010.
- ¹⁴ *Шохов А.С., Реут Д.В.* Сознание: инструкция пользователя. Одесса, 2009.
- ¹⁵ *Реут Д.В.* Несовпадение границ областей существования единичной и множественной ипостасей человека и некоторые демографические следствия // Мир психологии. 2008. № 3. С. 169–177.
- ¹⁶ *Реут Д.В.* Воспроизводство населения – междисциплинарная научная проблема // Экономическая наука современной России. 2011. № 4. С. 68–78.
- ¹⁷ Управление – это наука и искусство: А.Файоль, Г.Эмерсон, Ф.Тейлор, Г.Форд. М., 1992.
- ¹⁸ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2007.
- ¹⁹ *Розин В.М.* Культурология. М., 1999.
- ²⁰ О выделении в структуре онтологии уровней предельной, объемлющей и рабочей онтологий см, например, работу *Марача В.Г.* «Онтологическое мышление с методологической точки зрения» (Наука: от методологии к онтологии / Отв. ред. А.А.Огурцов, В.М.Розин. М., 2009. С. 234–245).
- ²¹ *Флямер М.Г.* Тезисы к программе работы семинара «Методологические и управленческие практики» // Диспозиции: Сб. ст. участников семинар «Управление и методологические практики» 2010–2011. М., 2011. С. 7.
- ²² *Щедровицкий Г.П.* Организация. Руководство. Управление. (Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология. Курс лекций // Из архива Г.П.Щедровицкого. Т. 4). М., 2000. С. 47.
- ²³ *Розин В.М.* Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // Философия управления: проблемы и стратегии / Отв. ред. В.М.Розин. М., 2010. С. 10.
- ²⁴ Механизмы управления / Под ред. Д.А.Новикова. М., 2011.
- ²⁵ *Новиков Д.А.* Методология управления. М., 2012. С. 5.
- ²⁶ *Губко М.В., Новиков Д.А.* Теория игр в управлении организационными системами. М., 2002.
- ²⁷ *Новиков Д.А.* Методология управления. С. 17.
- ²⁸ Энциклопедический словарь: Психология труда, управления, инженерная психология и эргономика / Под ред. Б.А.Душкова. Екатеринбург, 2000.
- ²⁹ *Розин В.М.* Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // Философия управления: проблемы и стратегии / Отв. ред. В.М.Розин. М., 2010. С. 9.

- 30 *Реут Д.В.* Граница между дисциплинами «управление крупномасштабными системами» и «управление будущим». Демографический аспект // *Materialy VIII mezinarodni vedecko – prakticka conference “Veda a technologie: krok do budoucnosti – 2012”*. Dil 26. Politicke vedy. Hudba a zivot: Praha. Publishing House “Education and Science” s.r.o. 64 stran. С. 39–40.
- 31 *Гапоненко Н.В.* Форсайт. Теория. Методология. Опыт. М., 2008.
- 32 www.maib.ru.
- 33 *Розин В.М.* Философия управления: основные направления, предмет, сущность управления // *Философия управления: проблемы и стратегии* / Отв. ред. В.М.Розин. М., 2010. С. 17.
- 34 *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990. С. 5.
- 35 *Елина И.Е., Елин А.В.* Управление: философские аспекты. М, 2009. С. 19.
- 36 *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. С. 4.
- 37 *Тинберген Н.* Социальное поведение животных. М., 1993.
- 38 Там же. С. 17–41.
- 39 *Реут Д.В.* Перспективы жизнемыследеятельностного подхода в методологии // *Формирование новой парадигмы обществоведения. Материалы IV Кондратьевских чтений 10.05.96 г.* «Краеугольные камни новой парадигмы обществоведения. Традиции и перспективы российской научной мысли». Международный фонд Н.Д.Кондратьева. М., 1996. С. 105–109.
- 40 Инварианты социальной организации на примере животного мира исследованы, например, в монографии: *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. С. 240.
- 41 «Идеология – в совр. наиб. распространенной трактовке совокупность (система) теорий, идей и представлений, к-рая выражает интересы соц. гр, кл. или всего об-ва, объясняет и оценивает сквозь призму этих интересов соц.. реальность и содержит директивы (программы) практического действия...» (*Москвичев Л.Н.* Идеология // *Социол. словарь*. М., 2010. С. 138–141).
- 42 *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. С. 172.
- 43 Цит. по: *Никольский С.А.* Социобиология – биосоциология человека? (<http://1sci.ru/a/53?print>).
- 44 Ibid.
- 45 *Allen E.* Against sociobiology // *The Sociobiology Debate*. P. 260.
- 46 Ibidem.
- 47 Ibidem.
- 48 *Карпинская Р.С., Никольский С.А.* Социобиология. Критический анализ. М., 1988. С. 56.
- 49 *Barash D.P.* Human reproductive strategies: A sociobiological overview // *The evolution of human social behavior*. N. Y., 1980. P. 146.
- 50 *Wilson E.O.* Sociobiology: The New Synthesis. Twenty-Fifth Anniversary Edition. Harvard Univ. Press, 2000.
- 51 Цит. по: *Карпинская Р.С., Никольский С.А.* Социобиология. Критический анализ. С. 161–162.
- 52 *Плюснин Ю.М.* Проблема биосоциальной эволюции. С. 176.
- 53 *Розин В.М.* Культурология. М., 1999. С. 136.

- 54 *Новиков Д.А.* Методология управления. М., 2012. С. 19.
- 55 Там же.
- 56 Изономия – буквальный перевод с греческого: равенство всех перед законом.
- 57 Антология мировой философии: В 4 т. Т. 1. Ч. 1. М., 1969. С. 288.
- 58 *Кенэ Ф., Тюрго А.Р.Ж., Дюпон де Немур П.С.* Физиократы. Избр. эконом. произведений. М., 2008.
- 59 *Богданов А.А.* Тектология (Всеобщая организационная наука). В 2 кн. М., 1989.
- 60 *Орлов А.И.* Неформальная информационная экономика будущего // Неформальные институты в современной экономике России: Материалы III Дружеских чтений / Под ред. Р.М.Нижегородцева. М., 2007. С. 72–87; *Орлов А.И.* Основные идеи неформальной информационной экономики будущего – новой организационно-экономической теории. – Четвертая международная конференция по проблемам управления (26–30 янв. 2009 г.): Сб. тр. М., 2009. С. 672–686; *Орлов А.И.* Основные идеи неформальной информационной экономики будущего // ЭТАП: Экономическая теория, Анализ, Практика. 2010. № 1. С. 89–105; *Орлов А.И.* Теория принятия решений и экспертные оценки в неформальной информационной экономике будущего // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2011): Материалы 5-й междунар. конф. Т. 1. М., 2011. С. 151–154.
- 61 *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1–2. М. 1990.
- 62 *Свасьян К.А.* Фридрих Ницше: мученик познания // *Ницше Ф.* Соч.: В 2 т. Т. 1. С. 42.
- 63 *Морен Э.* Метод. Природа природы. М., 2005.
- 64 *Реут Д.В.* Онтологический тупик европейской цивилизации и возможности выхода из него // Материалы за 7-а международна научна практична конф. «Найновите постижения на европейската наука» – 2011. Т. 27: Философия. София, С. 66–68.
- 65 *Гартман Н.* Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. 1988. М., 1988. С. 321.
- 66 *Реут Д.В.* Человек как принцип самоорганизации социальной структуры // Мир психологии. 2011. № 2. С. 84–91.
- 67 *Щедровицкий Г.П.* Категории сложности изыскательских работ // Программирование научных исследований и разработок. М., 1999. С. 147–168.
- 68 *«Задача реконструкции может быть сформулирована следующим образом: дана система с поведением, рассматриваемая как обобщенная система; требуется определить, какие наборы ее подсистем, а каждый такой набор рассматривается как гипотетическая реконструкция, подходит для реконструкции заданной системы с заданной точностью, причем реконструкция должна производиться только по той информации, что содержится в этих подсистемах»* (*Клир Дж.* Системология. Автоматизация решения системных задач. М., 1990. С. 246). *«Анализ реконструируемости – это пакет методологических инструментов, входящий в УРСЗ <экспертную систему, называемую Универсальным Решателем Системных Задач> и используемый при решении целого класса задач, имеющих следующее общее свойство: в них изучается взаимосвязь между обобщенными системами и различными их подсистемами»* (Там же. С. 280).

- ⁶⁹ Сарансков В.Е., Грузина Е.С. Качество жизни: к вопросу о сущности и содержании понятия // Сб. научн. ст. ко II Международн. форуму «Качество жизни: содружество науки, власти, бизнеса и общества». Ч. II. М., 2005. С. 130–142.
- ⁷⁰ Бурков В.Н. Основы математической теории активных систем. М., 1977; Новиков Д.А., Петраков С.Н. Курс теории активных систем. М., 1999.
- ⁷¹ Беляев В.А. Философия управления между теорией менеджмента и философией культуры. М., 2012. С. 138–139.
- ⁷² Реут Д.В. Прокреационный капитал // Рос. эконом. конгр. Сб. докл. участников. М., 2009. 1 CD-ROM (<http://econorus.org/consp/files/14ts.doc>); Реут Д.В. Базовая форма человеческого капитала // Управление инновациями-2009: Материалы международн. научно-практ. конф. 30 нояб. – 2 дек. 2009 г. / Под ред. Р.М.Нижегородцева. М., 2009. С. 373–378; Реут Д.В. Об особенностях воспроизводства человеческого капитала / Информационная экономика: институциональные проблемы: Материалы 9-х Друкеровских чтений / Под ред. Р.М.Нижегородцева. М., 2009. С. 377–387; Реут Д.В. Прокреационный капитал как инструмент интегративной экономики // Управление инновациями-2010: Материалы международн. научно-практ. конф. 15–17 нояб. 2010 / Под ред. Р.М.Нижегородцева. М., 2010. С. 88–93.
- ⁷³ Орлов А.И. Роль контроллинга в неформальной информационной экономике будущего // Управление развитием крупномасштабных систем (MLSD'2012): Материалы VI международн. конф. (окт. 2012, г. Москва, Россия). М., 2012.

Формы управления и генезис языка их самоописания

Задача данной статьи состоит в том, чтобы описать генезис языка самоописания управления, показать, как осуществляется переход от метафорического языка к объективному языку, найти корреляции между формами политической жизни и способами самоописания, которые выражены как в приоритете тех или иных метафор, так и в объективно-идеальном языке политических концепций, которые так или иначе предполагают определенные метафоры. Это означает, что сам язык объективного самоописания включается в формы политической жизни в качестве необходимого момента, что он неотрывен от форм политики и в свою очередь оказывается одним из важнейших идейных векторов политики.

О каких же формах политической жизни может идти речь? Прежде всего, о греческой *politheia*, т. е. о греческом государстве-полисе, об имперской власти, созданной Александром Македонским и наиболее четко представленной в Римской империи, обращение к ценностям и идеалам римских империй в эпоху Возрождения, поворот к правовому языку судебных инстанций с антиномическими речами обвинителя и защитника и судьи, принимающего решение, в соответствии с которым стала мыслиться и само существо философии как критики суждения и, наконец, варианты конструктивно-инженерного языка, нашедшего свое яркое воплощение в кибернетике и автоматической системе управления, которые уже предполагали и основывались не только на приоритете технических моделей управления (обратная связь и др.), но и на

примате «социальной инженерии», на превращении управляемой общности – в массу, а самого общества – в массовое общество. Иными словами, эволюция политических теорий может быть рассмотрена как формирование и развитие объективирующего и интерсубъективного языка самоописания, за которыми, конечно, скрыты метафоры, но эти метафоры относятся уже не к механизмам и актам управления, а к тем структурам, которые объясняют само управление, лежат в его основе и определяют его. Эта глобальная задача – трудно выполнимая в рамках одной статьи, но важно подчеркнуть, что язык метафор переплетается с объективирующим языком, что эти два языка неразрывны друг от друга, что как бы мы не стремились очистить язык политической теории от метафор, это сделать невозможно и само стремление к деантропоморфизации политического дискурса является выражением отрицания прежних метафор и поиск новых.

Поворот к анализу метафор в языке теорий обычно истолковывается как поворот к риторике, как включение риторики в логический анализ рассуждений¹. В этом повороте логики к риторике принципиально иное место занимают те метафоры, которые используются в рассуждениях: из свидетельства неточности, некорректности и бессмысленности они становятся индикаторами определенных инвариантных структур, сохраняющихся как в рассуждениях разного рода, так и в общественном сознании той или иной культуры и эпохи. Они оказываются теми идиомами или (если говорить языком Аристотеля) «общими топосами», которые присущи различным рассуждениям и считаются чем-то само собой разумеющимся. Иными словами, метафоры, к которым прибегают в той или иной культуре, являются инвариантными символическими формами, позволяющими судить о *differentia specifica* этой культуры, о ее фундаментальных ценностных смыслах, принимаемыми зачастую совершенно бессознательно.

Надо сказать, что одной из особенностей социогуманитарного знания является гиперболизация определенных аспектов и тенденций социальной реальности. Возникают такие «концепты-кентавры», в которых есть что-то от реальности, и что-то от фикций. Назову такие концепты, как «социетальное сообщество» (Т.Парсонс), «индустриальное общество» (Дж.Гэлбрейт), «информационное общество» (М.Кастельс), «потребительское

общество» и т. д. Одна из тенденций современных социальных систем – повышение объема и функций информации, усиление информационных технологий в различных подсистемах, но на этом вполне очевидном факте строится конструкция возникновения нового типа общества – информационного. То обстоятельство, что ведущей ценностной ориентацией современного человека является установка на потребление, становится истоком для построения фикции – концепта «потребительского общества». Все эти виды «обществ» представляют собой не просто «воображаемые сообщества», если вспомнить термин Б.Андерсона², а неоправданную натурализацию тех конструктов, которые создаются политической мыслью и превращаются в наличную эмпирическую реальность (это в буквальном смысле следование гегелевскому афоризму: «Что разумно, то действительно; что действительно, то разумно»). Тем самым конструктивная роль и когнитивные функции этих концептов остаются вне поля зрения и анализа. Противоборство концепций предстает как выяснение неоправданности отождествлений и как критика превращения концепции в идеологии тех или иных социальных страт.

Само собой разумеется, что за этими метафорами неявно или явно скрывалась и оценка самого объекта управления: метафора кормчего – тех гребцов, которым давались команды, метафора пастыря (пастуха) – паству или стадо, владыка – власть князя или государя, отец народов – семейно-патримониальные отношения между властью и «семьей народов», Левиафан – оценку государственной власти как сатанинской, институция суда – одна из попыток выйти за границы языка метафор и найти нейтральный и наиболее значимый язык самоописания в новоевропейской политической ментальности.

Метафоры античной политической мысли. В древней Греции для описания правителя использовалась метафора «кормчий», т. е. человек, который управляет кораблем, а не моряками³. Впервые обратил мое внимание на морские метафоры в античной культуре М.К.Петров, для которого «морская государственность» была матрицей формирования личности, в том числе и правителя, хотя он и не обратил внимание на существование иных метафор, на то, что метафора пастыря народа ποιμήν λαών (поймен лаон) встречается 44 раза в «Илиаде» и 12 раз в «Одиссее». (Например, «Илиада» II:

253; Одиссей III: 156; XIV: 497). **Кормчими** именуются боги у Эсхила, а их воля называется отцовской (Прикованный Прометей 10, 80, 150), у Софокла в «Эдипе-царе» (689–694).

М.Фуко противопоставляет две культуры по использованным ими метафорам – античную и ближневосточную. По его интерпретации, греки не использовали метафору пастуха, пастыря для описания правителя в противоположность иудаистской и христианской культурам, которые называли Бога пастырем народа Израиля, а Давида – царем народа Израиля, который назван «стадом» (2 Цар. 5: 2; 24: 17; Пс. 77: 70–72; Иез. 34: 23; 37: 24; Исх. 56: 11; Иер. 2: 8; 10: 21; 12: 10; и др.)⁴. Среди функций пастыря здесь названы врачевание больных овец, перевязка раненых, поиск потерянных, возвращение угнанных, пастьба овец без насилия и жестокости. Фуко все же не прав. Очевидно, поэтому он в другой лекции отмечает, что и в античной культуре обозначение правителя пастырем народа встречается не только в «Илиаде» и в «Одиссее», но и у пифагорейцев, ссылаясь на апокрифическое сочинение Архита Тарентского⁵. В нем речь идет о том, что слово «закон» (номиус) происходит от слова «пастух», т. е. от именованного того, кто распределяет пищу, управляет стадом, исполнен заботы о своем стаде. Ссылаясь на полемику А.Делатта (A. Delatte) с работой О.Ф.Группе (O.F. Gruppe), для которого метафора пастыря у пифагорейцев – признак восточного влияния, Фуко проводит мысль о том, что в «классическом политическом словаре Греции метафора пастуха практически отсутствует»⁶.

Конечно, никто не будет отрицать восточных влияний на учение пифагорейцев⁷, но вряд ли можно считать, что метафора пастуха (пастыря) отсутствует в греческом политическом словаре⁸. Дело не только в том, что по свидетельству Диогена Лаэртского, Пифагор написал трактат «О государстве», но и в том, что он видел силу бога в господстве, а не в подчинении. Боги призваны к тому, чтобы надзирать над людьми. У пифагорейцев слово «номос» происходит от слова «номеус» (пастух), тот, кто управляет стадом. Имя Зевса «Номиус» (νόμειος) – Бог-пастырь (пастух). Поэтому «всегда должно иметься некоторое руководство и законная и благообразная власть, которой будет подчиняться каждый гражданин»⁹.

Дело не в восточных влияниях на пифагорейское учение, а в смене символических структур мысли, в том числе и относительно управления. Эта смена происходит во времена Платона и изме-

нения лексической семантики касаются именно метафор пастыря. Свободнорожденные (а именно они составляли граждан полиса) не могли воспринимать себя как стадо, кем-то ведомое и управляемое. Эту смену наиболее значимых метафор можно зафиксировать, если обратиться к диалогам Платона, который весьма нередко использует метафору пастуха как главного правителя¹⁰. В частности, в «Законах» он, говоря о пастухах, упоминает не только сторожевых псов и стражей, но и самых высоких владык. Это же сопоставление государственного мужа с пастухом представлено в «Критии» (109 b-c), в «Государстве» (I. 343a–345c; III. 416a-b, I E. 440d), в «Законах» (V, 735b–e, X, 906b–c) в «Политике» (281d–e). Правда, в «Политике» (266e–277d) главный правитель – бог как пастырь отличается от царя. Метафора пастуха умаляет бога. В это время начинается осознание недостаточности тех метафор, которые использовались для символизации власти богов и царей. Это относится и к образу пастыря, и к образу кормчего: «кормчий Вселенной, словно бы отпустив кормило, отошел на свой наблюдательный пост» и «космос отделился от Кормчего» («Политик» 272e–273d). В «Тимее» Платон возвращается к мифу о Хроносе, который поставил над людьми, не способными к управлению своими делами, правителей – демонов как пастухов людей, подобно тому, как люди – пастухи своих стад. Законы, управляющие полисом, зависят от судьбы и от случая. Закон, основывающийся на справедливости, носит безличный характер.

Античный полис и платонистский язык его самоописания. Сам Платон заметил, что «у каждого политического строя, как и у разных живых существ, свой особый язык; один – у демократии, другой – у олигархии, а еще иной – у монархии... Тот государственный строй, который обращается к богам и к людям на своем собственном языке и совершает соответствующие поступки, всегда процветает и сохраняется невредимым, тот же, который подражает чужому языку, погибает» (Платон. Письма // Платон. Соч. Т. 4. М., 1994. С. 473). Итак, язык самоописания политического строя должен быть адекватным политическому строю и специфические политические приоритеты, которым отдает предпочтение на том или ином этапе Платон, должны быть репрезентированы в специфическом языке описания. В «Законах» Платон отдает предпочтение персидской империи Кира, которую он называет серединой

между рабством и свободой, наиболее справедливым и разумным (Платон. Законы 694a–b // Платон. Соч. Т. 4.С. 145–146). «Законы» Платона начинаются с выявления принципов законодательства. Он заключен в добродетели и в справедливости, направленных не на войну, а на мир и безопасность полиса, на расширение богатства (628c–e), причем особое внимание уделяется воспитанию граждан (643 и 644c). Властитель обладает абсолютной властью, а его добродетелями являются разумность и рассудительность. «Надо начальствовать над другими и самому быть у них в подчинении. А безначалие должно быть изъято из жизни всех людей...» (942a–d).

Институты управления, их функции и должностные статусы. В «Законах» Платона (а именно на этой работе я и остановлюсь) не предлагается никакой утопии нового устройства государства (да и вообще утопия не характерна для античного способа мысли, коль скоро она была сосредоточена на настоящем, а не на будущем¹¹), а описывается политическая реальность полисов его времени, прежде всего Афин и Спарты. Граждан полиса, согласно Платону, должно быть 5040 человек. Надо сказать, что численность жителей городов Греции уже превзошла этот размер. В.П.Бузескул приводит данные, согласно которым число граждан Афин было 20 000 (с женами и детьми ок. 100 000, причем рабов было 350 000)¹².

Основатели города – их 10 человек (номотеты) – законодатели, а по мере смерти основателей города управление переходит к выбранной коллегии. Она – во главе полиса. Ее численность 37 человек (номофилаки), функция которых следить за поддержанием законоустройства полиса (Законы 752e–753a). «При жизни законодателя... изменения (в законах. – А.О.) производятся сообща с ним. После его смерти каждое должностное лицо само доводит до сведения стражей законов об упущениях в его области, нуждающихся в исправлении. Так продолжается, пока все не достигнет окончательной завершенности. После же этого все устанавливается уже неизбежно и применяется наряду с остальными законами, изначально установленными законодателем» (Законы. 772c. Т. 4. С. 248). Детально описываются функции номофилаков – охрана законоуложения, проведением хороводов и свадебных пиров, за ввозом и вывозом товаров, за выборами стратегов и военных магистратур, за выборами и деятельностью должностных лиц. Законоохранители занимают ряд должностей – попечителя воспитания,

опекунства сирот, обладают судебными полномочиями, надзора на судебными органами и др. Выборы номофилаков осуществляются трехступенчато – на первой ступени отбирают 300 человек, получивших наибольшее число голосов, на второй – из 300 выбирают 100, а из них 37. Система выбранной коллегии и ее функции, предложенная Платоном, как отметил Р.Б.Евдокимов, вобрала в себя особенности как архонтов Афин, афоров Спарты и космов Крита¹³.

Управление внутри города осуществляют астиномы (смотрители за порядком в городе – их 3 и они выбираются из 6 кандидатов) и агораномы (смотрители рынков – их 5 человек, которые выбираются из имущественных классов). Функции первых – надзор за чистотой в городе, за тем, чтобы никто не занимался больше, чем одним ремеслом, за правонарушениями, функции вторых – надзор за рынком, за правонарушениями в торговле, за наказаниями и поощрениями граждан и т. д. Агораномов на страну 60 (по 5 от фил, а фил 12). Р.Б.Евдокимов отмечает близость функций надзора этого института с функциями корпуса «всадников» Спарты.

На общем собрании граждан полиса выбираются евфины – спасители государства (их 12 человек и они исполняют свою должность до 75 лет). Они могут налагать наказания (вплоть до смертной казни), штрафовать военачальников. Первый из них – первосвященник на год, а каждый из них – правитель над правителями (Законы 945b–c). Совет города состоит из выбранных по определенным классам 360 человек. Совет назначает суд по государственным делам и по гражданским делам. Наконец, в городе Платон предлагает Ночное собрание, состоящее из жрецов, законоохранителей и попечителей воспитания. На этом собрании обсуждаются законы своего и чужих городов для отбора наиболее желательного. Ночное собрание напоминает афинский Ареопаг и по своим функциям, и по составу.

Платон выделяет ряд признаков такого справедливого политического устройства. Среди этих признаков – умение правителя и его приближенных прислушиваться к умным советам и полная свобода в предоставлении такого рода советов: «Если кто из них (военачальников. – *А.О.*) был разумен и мог подать совет, царь не завидовал, но позволял быть откровенным и ценил тех, кто мог быть советчиком; он давал им возможность публично проявлять свою разумность, и потому в ту пору персам все удавалось – благо-

даря свободе, дружбе и обмену мнениями» (Там же). Говоря о своих размышлениях о наилучшем государственном устройстве, Платон в «Законах» замечает, что «необычен законодатель, не обладающий тиранической властью» (Законы 739b; Т. 4. С. 213). Иными словами, тиран – единоличный правитель является, согласно Платону, номотетом, законодателем государственного устройства. Более того, он рисует даже портрет такого тирана-законодателя (Там же. 710a; С. 181): он должен быть «молодой, рассудительный, способный к учению, памятный, мужественный, великодушный». Отождествляет ли Платон совершенное государство с тиранией? Совершенно явно – нет. По его словам, совершенное государство возникает тиранией, поскольку существует «истинный по природе законодатель и когда мощь его будет действовать сообща с самыми сильными в государстве лицами» (Законы 711a, С. 182). Государство может изменять свои законы только под руководством властителей. У Платона не было идеализации тирании. Наоборот, он нередко выявляет недостатки тиранического государственного устройства, отдавая предпочтение аристократии и ставя демократию на последнее место в типологии форм правления.

Идеализация персидской империи и правления Кира была присуща не только Платону, но и Ксенофону в его «Киропедии». И для Платона, и для Ксенофонта было характерно убеждение в управленческие возможности сильной личности – полководца и политика, его ума и воли и одновременно мнение о том, что полисная республика не является справедливым и разумным государственным устройством. Аристократические политические убеждения и Платона, и Ксенофонта выразились не только в апологии военной власти царя, являющегося одновременно и верховного жреца, его харизмы, решений и его разумности. Правда, они полагали, что империя Кира представляет собой сочетание принципов монархии и полиса. Так, согласно Ксенофону, «у персов же считается справедливым, когда все имеют равные права» (*Ксенофонт*. Киропедия. М., 1977. С. 15). Причем он проводит различие между царем и тираном, между законом царей и законом тиранов, «согласно которому иметь больше власти, чем все остальные, считается необходимым условием государственного правопорядка» (Там же). Если в «Государстве» речь идет о совокупности граждан, о толпе (*plethos*), то в V «Письме» (правда, существуют сомнения

в том, принадлежит ли оно Платону) о различном политическом устройстве (*politeia*), о политических режимах, о формах государственного управления – демократия, аристократия, олигархия или монархия. Голос философа-советника должен соответствовать *politheia*, т. е. истинному государству. Политические советы философа в демократической *politheia* звучат в собраниях, в обсуждениях, в разноречьи спорящих сторон и в принимаемых решениях. Причем Платон полагает, что состояние Афинского политического устройства не адекватно самой возможности давать советы афинскому народу. Политические советы философа монарху обсуждаются в VII Письме Платона, где он рассказывает перипетии своих поездок в Сиракузы к тогдашнему тирану Дионисию Старшему и Дионисию Младшему. Если в «Государстве» (V 473d) Платон предполагал, что философы должны прийти к власти и занять высшие государственные должности, то в VII Письме он допускает, чтобы «философы и правители великих государств оказались одними и теми же лицами» (*Платон. Письма // Платон. VII Письмо. Соч. Т. 4. 328b*). Функция философа состоит в том, чтобы стать политическим советником правителя, стать участником не только его вразумления, но и его решений и дел, а властители государств должны стать подлинными философами (Там же. 326a–b. С. 477). Платон уподобляет роль философа-советника роли врача – диагностировать болезнь и находить средства излечения от нее.

Очевидно, первым, кто попытался найти объективный язык самоописания государственной жизни и управления в античном полисе, был Платон. Никто не сомневается в том, что в его произведениях сохраняется мифологический язык, полный метафор и далекий от беспристрастности. Так, в «Государстве» (493a и далее) он уподобляет граждан огромному и сильному зверю и отмечает, что тот, кто хочет управлять гражданами, должен научиться обходиться с ним. Я уже обращал внимание на те метафоры, которые он неоднократно использует – метафоры кормчего, пастуха и др.

Хочу подчеркнуть, что язык самоописания форм политического устройства у Платона – это не язык права, не язык политической теории, а скорее язык воспитания правителя – научения его свободным советам философа и воплощения их в политических решениях и делах. Этот же подход характерен и для Ксенофонта в его «Киропедии». Более того, к функциям философа не относит-

ся функция номотета – законодателя того или иного государства. Философ должен практиковать иной путь – должен показать тот путь, по которому должен пойти правитель, сделать «его в высшей степени восприимчивым, памятьливым и способным мыслить и рассуждать» (*Платон. Письма. С. 492*). Иными словами, отказывая философу в законодательных инициативах и действиях, Платон ревизует тот ход мысли, который представлен в «Государстве» и в «Законах», где философ предстает как номотет, как законодатель. Чем объяснить такого рода сдвиг? Для М. Фуко деятельность номотета, утверждаемая в «Государстве» и в «Законах», – это несерьезная игра, номотетическая игра, игра мифа (*Фуко М. Управление собой и другими. СПб., 2011. С. 264*). Думается, что подобное объяснение слишком просто и не учитывает ту драму Платона, которая связана с его попытками стать советником Дионисия Старшего и Дионисия Младшего – правителей Сиракуз, чуть не закончившихся рабством Платона, отзвуки которой можно найти и в «Законах» (Законы 710с; 722с–724; 739а). Как известно, с одной стороны, советы философа (о восстановлении эллинских городов Сицилии, по их государственному устройству (Письма 3,315d; 319а–b; 7,332в–333а, 337с–d) **тирану Дионисию Старшему не были им восприняты**, с другой – и политическая жизнь Сиракуз не пришлась по душе Платону. Диоген Лаэртский отмечает, что после истории с Дионом «он более государственными делами не занимался, хоть из сочинений его и видно, что он был государственный человек. Дело в том, что народ уже свыкся с совсем иными государственными установлениями» (*Диоген Лаэртский. 3, 23*).

Греция вступала в другую историческую эпоху, и те законы, которые были приняты ранее, становились уязвимыми, изменяемыми, модифицированными, но их уже не мог признать Платон, поскольку они были неадекватны тому, что он предлагал в «Государстве» и особенно в «Законах». Так, аркадяне и фиванцы приглашали его в качестве законодателя основываемого ими городом Мегалополь (371 г.). Платон отказался, поскольку «блюсти равенство они не согласны» (Там же. 3, 23). Призывали Платона стать законодателем и киреняне и правители Фасоса. В 11 письме Платона философу Лаодаманту (Письма. 11, 358d–359с), отказываясь от поездки из-за своего возраста и слабости физических сил, ограничивается весьма многозначительным советом: «Ведь если думают,

что с изданием законов, как бы хороши они ни были, уже устроено государство, то это совсем неверно в том случае, если во главе государства не стоит влиятельный человек, заботящийся о нем, о его повседневном образе жизни, чтобы он был разумным и мужественным у рабов и свободных. Это удастся, если есть люди, достойные такой власти» (*Платон. Соч. Т. 4. 359b. С. 562*). Во главе государства должен стоять «достойный муж, обладатель великой силы» (Там же) – полководец, военачальник, государственный муж. Наставления философа, его советы об умеренности, справедливости и несправедливости, о способах правления побежденными народами, которыми ограничивается Платон в «Законах», положили начало той традиции в истории политической мысли, которая нашла свое продолжение в концепциях воспитания правителя – от Фомы Аквинского до Макиавелли.

Если в «Государстве» Платон отдает предпочтение системе правления в Персии, то в «Письмах» он наставляет Дионисия на то, чтобы давать сицилийским полисам собственную *politheia*, т. е. сохранять их политический режим и структуру политической власти, чтобы связать Сиракузы и побежденные города едиными законами, которые регулировали бы отношения между метрополией и колониями. Созданное таким образом единство страны-метрополии (Сиракузами) и полисов успешно противостояло бы врагам, прежде всего карфагенянам. Важную роль в создании такого единства играют священные традиции и религия (См.: Там же. С. 486). Средствами хорошего правления, согласно Платону, являются, во-первых, страх и, во-вторых, скромность и уважение к тем, кто правит, к городу, которым правят, и к его законам (Там же. С. 488).

Платон жил в эпоху кризиса демократического политического устройства Афин и демократических идеалов и норм. Эти десятилетия оказались десятилетиями не только войн между греческими полисами, но и начала складывания эллинистического мира с его громадными монархиями, объединившими вокруг метрополии множество городов с громадным числом населения. Проблема политического единства в такого рода ситуации возникает вновь и возникает по-новому. Жизненные перипетии Платона с тираном Сиракуз – Дионисием Старшим выявили неадекватность локальных греческих полисов новой политической реалии. Может быть, советы-наставления Платона Дионисию Старшему и Дио-

нисию Младшему не могли быть восприняты ими не потому, что они были тиранами, а потому, что политическая реальность кардинально изменилась и отныне речь шла о создании протоформ имперской государственности, далеких от локальных греческих полисов. Идеал Платона – слияние воедино государственной власти и философии, т. е. достижение такого состояния, когда в государствах будут царствовать философы или когда нынешние цари будут благородно и основательно философствовать, оказался недостижимым, и начинается тот разрыв между философией и политикой, который преодолевался в крайне редких случаях. Осознание жизненной и интеллектуальной драмы Платона, о которой хорошо писал В.С.Соловьев, приводило его к разочарованиям (например, в значимости письменности) и к уходу от политики.

Итак, если резюмировать наши рассуждения, то следует признать, что первым языком самоописания политического управления жизни полиса является язык платонистской философии, эйдетический язык, предлагающий некую идеальную норму и полиса, и его управления, и функций правителя. Эти эйдетически-идеальные нормы государственного устройства, политического режима и институций полиса сопряжены с реальной жизнью полиса и не являются некими утопическими конструкциями. Те советы-указания, которые Платон предлагает сиракузскому тирану Дионисию и Диону младшему, представляют собой моральные наставления философа прежде всего о справедливости в делах правления. Речь идет не о совпадении дискурса философа об управлении с практикой субъекта, осуществляющего власть, а о том, чтобы говорить правду правителю о жизни полиса и о государственном управлении. Но философский дискурс и практика правителя никогда не совпадают: философ призван давать советы правителю, быть моральным педагогом правителей до тех пор, пока они «не станут благородно и основательно философствовать» (*Платон. Государство // Платон. Соч. Т. 3(2). С. 252–253*). Язык самоописания, который использует Платон, не является вычурно риторическим. Это искренний, простой, без прикрас язык, говорящий правду (во всяком случае правду так, как ее понимает дающий наставления философ). Но как быть с тем, что Платон в тексте VII письма отказывается от записи языка и анализирует пять элементов познания (имя – *онома*; определение – *логос*; изо-

бражение – eidolon; знание – episteme; «то, что познается само по себе и есть подлинное бытие» – to on)? Знание не может быть выражено в словах, «записанное – будь то законы законодателя или другие какие-то письмена» приносят Платону сильнейшее огорчение (Там же. С. 546, 542), словесное выражение недостаточно (Там же. С. 544). Это эйдетическое, сущностное познание, которое не редуцируется ни к каким чувственным представлениям, в том числе и к выражению в языке.

Осознавая то, что полисная жизнь обладает спецификой и собственным бытием, Платон в противовес метафоре кормчего и пастыря предлагает иную метафору – метафору ткача. Он обращает внимание на иные функции правителя, чем в прежних диалогах, прежде всего на функцию объединения людей с разными добродетелями для того, чтобы возникла ткань жизни государства как целого¹⁴. Сократ в «Государстве» (345с–е) полемизирует с Фрасимахом относительно метафоры пастуха применительно к тем, кто правит государством, подчеркивая, что государство основано на справедливости, а справедливость – на единодушии (точнее, единомыслии – homonoia) и дружбе (philia). Идея единомыслия как одного из основ государства отстаивалась Ксенофонтом (Mem. IV 4, 16), Аристотелем (Eth. Nic. IX 6, 1167a22–b15), Демосфеном (1 5; IX 38; XVIII 246 и др.).

Аристотель и смена дискурса. Начиная с Аристотеля, речь идет не просто о смене риторических фигур и стилистических структур в оценке правителей, а о стремлении осмыслить то, на чем строится государство как целое, понять, на чем основывается жизнь полиса, определить фундаментальные ценности полиса. Смена лексических значений свидетельствует о том, что произошли сдвиги не только в общественном сознании, принимавшем как нечто само собой разумеющееся уподобления властителя с кормчим и с пастухом, но и в самой жизни государства – возникли законы полиса, сформированы его основные страги и ведущим вектором политической философии этого времени (а именно в это время она и возникает) становится определение тех ценностных инвариантных структур, которые скрепляют это государство. Среди этих скреп политические мыслители этого времени особо выделяли единомыслие и дружбу. Само собой разумеется, что они выдавали желаемое за действительное, строив политические утопии разно-

го рода. Правда, это в меньшей степени относится к Аристотелю, который описал политическое устройство афинского полиса, его историю и государственный строй в «Афинской политике».

Этот жанр политико-философской литературы был весьма распространен в античной Греции (Аристотель был инициатором написания 158 политий – истории и современного состояния строя разных государств). Помимо этических мотивов (а это относится к провозглашаемым ценностям единомыслия и дружбы различных страт полиса) его философские трактаты свидетельствуют о том, что возник новый способ полисного бытия – полис как некое целое и стремление понять его как организованное и организуемое целое. Это, конечно, обусловлено интенсификацией внешних связей афинской политики, выходящими за узкие рамки внутрполисных отношений. Необходимо было осмыслить *differentia specifica* политической жизни Афин, понять ее как сплетение различных функций и страт, место каждой из страт в целостной организации государственного устройства как Афин, так и других полисов античной Греции (Спарты, Лакедемона, Карфагена, Крита и др.).

Уже Платон отмечал различие между неписаными обычаями и позитивным законодательством гражданского и уголовного права, причем в обычаях усматривал всеобщую систему связей всех элементов государственного строя, в том числе и письменно установленных законов: «Обычаи эти связуют любой государственный строй; они занимают середину между письменно установленными законами и теми, что будут еще установлены» (*Платон. Законы* 793b). Иными словами, Платон обратил внимание на самостоятельное существование писаных и неписаных законов, вместе с тем фиксируя их различия в способе существования и статусе: обычаи – спасительный покров для современных писаных законов, судебных решений, решений полисных собраний.

Эта линия анализа проблем управления государством стала решающей в «Политике» Аристотеля, который исходит из того, что государство – своего рода общение, организуемое приверженностью «общему благу»¹⁵. Общение он связывает с семьей и с общением нескольких семей в том или ином локальном поселении. Именно в семье и в домохозяйстве возникают элементы власти – относительно рабов, детей и жены. Человеческое общение происходит внутри государства (полиса), регулирующей нормой которо-

го является справедливость¹⁶. Государство имеет самодовлеющее существование¹⁷. Юридические законы являются результатом соглашения между людьми и предполагают участие граждан в суде и власти. При этом идея божественного Перводвигателя, созерцающего самого себя, не предполагает заботы о создании законов, регулирующих поведение людей. Законы человеческого общежития, согласно Аристотелю, коренятся в согласии людей между собой.

В отличие от Платона Аристотель исходит из позиций номинализма: «Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную, вообще говоря, для самодовлеющего существования»¹⁸. Как допустить самодовлеющее существование государства с определением государства как совокупности граждан? Очевидно, надо допустить самодовлеющее существование правовых законов и власти, но тем не менее укоренить их в политическом общении граждан.

Аристотель не приемлет те метафоры, которые использует Платон при описании власти, вернее, он их трансформирует в соответствии со своей общей посылкой, что государство – это общение граждан. Так, обращаясь к метафоре «кормчий», он показывает, что без общения моряков на судне, когда один из них гребет, другой – правит рулем, третий стоит помощником рулевого, плавание не может быть благополучным¹⁹. Существенно и то, что, рассматривая государственное устройство (politheia), т. е. организацию государственных должностей, особенно верховной власти, он выделяет в государственном устройстве систему государственного управления (politeuma) – **царская, вырождающаяся в тиранию; аристократическая, нередко принимающая форму олигархической власти; полития, принимающая неправильную форму демократии.** Но при любой форме государственного управления гражданин государства причастен и к власти и к подчинению власти. Конечно, мера властвования и подчинения в разных системах управления различна. Аристотель, подробно описывая достоинства и изъяны каждой из форм управления, отдает предпочтение политии, где властвует закон, а не какой-нибудь властитель, где граждане осуществляют выбор должностных лиц в судах и народных собраниях.

Как известно, «Афинская полития» Аристотеля посвящена государственному устройству афинян, которое существовало около 325 г. до н.э.

В первой ее части он описывает историю различных реформ – от Драконта до Солона, от Писистрата до Клизфена. В этом отношении показательны его оценки реформ Солона, который разделил население Афин на четыре группы, определил Совет Афин в 400 человек, функция которого – охрана законов. По словам Аристотеля, эти реформы привели к тому, что «народ владычествует в голосовании, он становится властелином государства», а Солон соединил силу с правом²⁰. Во время греко-персидских войн афиняне вынуждены были отказаться от демократии и установить олигархию четырехсот – Совета Афин, а затем и правление тридцати. В начале 400-х гг. афиняне достигают согласия и восстанавливают демократию: народ делается владыкой государства, государственное устройство афинян – это «власть народных масс» (С. 55). «Народ сам сделал себя владыкой всего, и всё управляется его постановлениями и судами, в которых он является властелином» (С. 55).

Во второй части Аристотель подробно анализирует современное ему государственное устройство Афин, включавшей 10 фил. Он обращает внимание на процедуры выборов на все должности управления (по голосованию, по жребию, поднятием руки и др.). Руководство Афин принадлежит Совету из 500 членов (по 50 от каждой филы). Были выделены 10 казначеев, 9 человек, заключавших контракты и собиравшие подати, 10 аподиктов – приемщиков платежей, 10 логистов, проверяющих отчетности должностных лиц и выбирающих эвфинов по одному от каждой филы и 10 советников (синегоров). По жребию выбиралась учетная комиссия (10 человек), составлявшая списки всадников, лиц, проверявших инвалидов, 10 человек, отвечавших за ремонт храмов, 10 антиномов, надзиравших за порядком в городе, 10 надзирателей за порядком на рынке, 10 надзирателей за мерами, 10 портовых надзирателей, 11 надзирателей за тюрьмами, 5 докладчиков о судебных тяжбах. В комиссии из 40 граждан (по 4 от каждой филы) рассматривались гражданские тяжбы, Аристотель подробно описывает обязанности и полномочия 10 архонтов: базилевса, ведавшего мистериями, рассматривавшего жалобы и отправлявшего их в суд, полемарха, совершавшего жертвоприношения Артемиде, фесмофетов, назначавших судебные комиссии и назначавших судебные комиссии. По жребию афиняне выбирают и 10 афлофетов – лиц, ответственных за процессии, музыкальные и гимнастические состязания.

В отличие от жребия ряд должностей избирают голосованием с помощью поднятия рук. Это относится прежде всего к военным должностям – к 10 стратегам, к 10 начальникам пехоты, к 2 начальникам конницы, к 10 филархам (начальникам филы). Завершает «Афинскую политику» подробное описание процедур судебного производства, обязанностей обвинителя, защитника, судьи. Надо сказать, что Аристотель обратил внимание на целый ряд действий правителей, которые привели к усилению коррупции и власти демагогов: «государственный строй стал все более терять свой строгий порядок по вине людей, задававшихся демагогическими целями» (С. 37). Среди них изменение процедур избрания архонтов, введение платы за военную службу, в судах и др. Аристотель считает виновником нравственного разложения афинян Перикла.

Аристотель по сути дела дал изложение системы государственного управления Афин, судебного устройства, круга обязанностей должностных лиц и порядка их избрания. С.И.Радциг – автор послесловия к русскому переводу «Афинской политики» отметил простоту и ясность языка Аристотеля. Он связал их с тем, что этот трактат был предназначен для широких кругов и принадлежал к экзотерическим сочинениям греческого мыслителя. Мне хотелось бы отметить и другую особенность этой работы – отсутствие метафорических фигур в речи Аристотеля и преобладание ясного прозаического стиля в описании системы административного управления и государственного устройства Афин. Правда, в описании правления Никия и Фукидида он использует метафору «отеческого отношения ко всему государству» (С. 41), но это, пожалуй, единственный эпитет, которым он награждает правителей Афин и который у него означает скорее управление по заветам отцов, а не по самовластным законам. Иными словами, именно в эпоху Аристотеля произошел поворот от метафорического языка самоописания управления в Афинах к нейтральному и объективирующему языку описания функций должностных лиц, их обязанностей и ответственности, способов их избрания и роли согласия и соглашений между различными филлами в формировании и развитии системы управления афинским полисом²¹.

Тем более показательно сопоставление языка Исократ и языка Аристотеля. Хотя их антидемократические позиции близки, поскольку демократия перерождается в тиранию, однако их язык

кардинально отличен друг от друга. Исследователи Исократы отметили, что его речи «были рассчитаны на произнесение вслух перед аудиторией опытными чтецами, и чтение этих сочинений было близко к мелодекламации. Об этом говорит и общее риторическое членение авторской речи, особой благозвучности которой способствовало старательное недопущение зияния, и стройные, хотя и несколько, с нашей точки зрения, затянутые периоды, и антитегическое построение фразы, и богатство синтаксических оборотов, и изощренность в использовании метафор и эпитетов, и сама изысканность изложения. Художественный стиль Исократы стал до известной степени нормой, и в этом следует искать одну из причин последующего не совсем здорового увлечения риторикой, которое мы наблюдаем у большинства писателей поздней античности»²². Конечно, можно объяснить различие в языке этих мыслителей античности тем, что Исократ начинал как софист, хотя позднее написал сочинение «Против софистов», а Аристотель был чужд софистике. Или тем, что Исократ был оратором и автором публицистических сочинений, а Аристотель – автором философско-политических сочинений. Однако и Исократ, и Аристотель обсуждали проблемы управления в античном городе, направленном на всеобщее благо²³, но обсуждали их по-разному. И различие в их стилистике показывает изменения как в актуальной для жизни Афин социальной и политической проблематике, так и сдвиг в самом языке самоописания – переход к нейтральному, отстраненному и объективирующему языку (должностных функций, способов избрания должностных лиц, их обязанностей и их ответственности, в том числе и судебной), что и характерно для Аристотеля.

Метафора пастыря в христианстве. В христианстве продолжается традиция отождествления Бога и Иисуса с пастырем (Ио, 10. 1–16; Ефес. 4, 11 и др.)²⁴. Образ пастыря и метафора пастуха были широко распространены в сочинениях отцов церкви (Иоанн Златоуст «О священстве», св. Киприан «Письма», Амвросий Медиоланский «Об обязанностях священнослужителей», Григорий Великий «Правило пастырское» и др.). Пастырь предстает как учитель для своей паствы, причем наставником и воспитателем совести паствы, что и осуществляется на исповеди и в наставничестве, направленном на спасение паствы. Для христианства исходным являются вечные и неизменные законы Бога, кото-

рый и является законодателем, а его воля – законами природными, моральными и социальными. Разум человека причастен к разуму Бога и поэтому законодательен. В «Сумме теологии» Фомы Аквинского есть специальный «Трактат о сохранении и управлении творением», где проводится мысль о том, что Бог направляет природу к благу как к цели, что Бог ведет вещи к бытию и тем самым осуществляет управление ими: «Поэтому каждый действитель как природный или свободный, достигает божественно предназначенной ему цели как бы по своему собственному пожеланию...»²⁵.

Метафора Отца как правителя. Одной из наиболее распространенной метафорой относительно Бога как правителя мира была метафора Отца, которая переносилась и на правителей земных. Эта метафора из Библии: «у нас один Бог – Отец... и один Господь» (1 Кор. 8, 6). Сопоставление власти Бога с властью Отца и правления земных царей, королей и императоров с отеческой властью, заботящейся о своих подданных, пронизывает всю христианскую теологию от Августина и Фомы Аквинского (См.: «Сумма теологии» Вопр. 103, 3) до английского политического деятеля и роялиста XVII в. Роберта Филмера, опубликовавшего в 1680 г. книгу «Patriarcha: a Defence of the Natural Power of Kings against the Unnatural Liberty of the People» («Патриарх: защита естественной власти королей против неестественной свободы народа»). Именно эту книгу подверг критике Дж.Локк в своем первом трактате о правлении. Как мы видим, аналогия управления Богом миром с управлением королем народом ради общего блага составляет важнейшую черту теологической легитимации власти: отправление суверенитета сувереном – властителем осуществляется благодаря механизмам управления.

22 октября 1722 г. Российский Сенат принимает «Акт поднесения государю царю Петру I титула императора Всероссийского и наименования: Великого и Отца Отечества»: «Во знак малого нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний, титул Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского принятии... Имя же Отца Отечества мы, хотя и недостойны такого Великого Отца, но по милости Божией нам дарованного, дерзаем Вам приложить по прикладу древних Греческих и Римских Сигклитов, которые своим, славными делами и милостию прославившимся, Монархам, оное прилагали»²⁶. Эти

патримониальные метафоры, апеллирующие к традициям императорского Рима, конечно, не соответствовали тем заимствованиям европейских институтов управления, которые осуществил Петр I (формирование различного рода коллегий как потестарных институтов, табеля о рангах как установления иерархии должностей и должностных статусов и т. д.). Однако эти два языка уживались друг с другом.

Споры о двух властях – мирской и духовной. Фома Аквинский в трактате «О правлении государей», сохраняя для описания царя (Rex) метафоры кормчего и одновременно пастуха²⁷, разделил земную и божественную власти: первая принадлежит царю, вторая – «Господу нашему Иисусу Христу». Это разделение земной и духовной жизни влечет за собой подчинение земных властителей духовным: «...обязанностью царя является как подчинение тому, что относится к обязанностям священнослужителей, так и главенство над всем тем, что относится к мирским делам, направляя их властью своего правления»²⁸. Многовековые споры внутри христианских церквей относительно приоритета властей – земных либо духовных – Фома разрешает тем, что разделяет сферы их действия: управление душами людей есть компетенция церкви, а управление земными заботами и внешними действиями людей – цель царской власти.

В разные годы предлагались различные ответы на вопрос, какая власть предпочтительнее? Для одних – царская, для других – папская. Теократическое обоснование царской власти выводило ее из того суверенитета, который предоставлялся Папой царю. Как мы видим, к эпохе Фомы Аквинского в католической церкви не без противоборства с разных сторон уже складывается разделение двух властей, светского государственного и церковного законодательств, государственного и канонического права. Дихотомия правового мира весьма осложнила взаимоотношения между папской властью и властью светской. Каждая из них притязала на всю полноту санкционирования власти. Существовали две формы взаимоотношения земной и церковной власти: 1) теократическая легитимация власти царей, королей, императоров (напомню слова Иннокентия III: «Господь дал в управление святому Петру (т. е. Папе. – А.О.) не только всю Церковь, но и весь мир»); 2) разделение двух властей: хотя власть царей исходила от Бога, но она не

получала легитимацию от власти Папы. Целый ряд Пап (например, Урбан VI, XIV в.) стремились к неограниченной земной и церковной власти. Были различные периоды во взаимоотношении церковной и императорской власти – периоды гонений на церковь, периоды главенства императорской власти над церковью (например, при Карле Великом в империи Каролингов), доминирования церкви над императорской властью. Но основная линия в их взаимоотношениях состояла в разделении двух властей и освобождения процессов легитимации императорской власти от санкции Церкви. Так, У.Оккам в ряде своих работ (в частности, «Краткая беседа о могуществе папы» и «О могуществе императоров и епископов») проводил мысль о том, что император не нуждается в санкционировании папской властью, которая должна быть ограничена общиной верующих. Этот же подход был представлен и позднее, например, Дж.Уиклифом: «О власти папы» и «О долге государя»²⁹.

С XVII в. начинается длительный процесс элиминации из политических концепций языка метафор и их построения на основе объективирующего, нейтрального языка описания. В этот период начали широко использоваться физикалистские понятия – баланс сил, нарушение равновесия и т. д., причем приоритет отдавался понятиям динамики, а не статики. Система правления освобождается от отождествления с абсолютной монархией и стала анализироваться у Д.Локка сама по себе, как нечто самостоятельное и не связанное с персонализацией власти в лице монарха.

Вместо заключения. Развитие научного языка и связанной с ним деантропоморфизацией форм научного рассуждения приводят к тому, что язык лишается метафор, он стремится стать объективирующим и нейтральным. На такого рода объективирующий язык претендует язык структурно-функционального подхода. Для него характерны обособление социальных функций и превращение их в некие замкнутые и самостоятельные подсистемы общественно-политического устройства. Эти подсистемы взаимодействуют между собою, но ни одна из них не является тем базисом, над которым зиждется некая надстройка. Поэтому трансфер методов и процедур управления, характерных для корпораций, на всё общество не является адекватным. Дело не только в том, что корпоративное управление основано на иерархии исполнительских функций, на внутрифирменном планировании как материальных, так и

людских ресурсов, а социальная система далека от этого, но и в том, что социальная система предполагает ряд функций, которые чужды корпоративному управлению (например, защиты населения, пенсионного обеспечения и пр.). Дело прежде всего в том, что структурно-функциональный анализ основывается на определенных метафорах, которые неявно присущи этому подходу. Это организмические метафоры, которыми в рамках социальной системы выявляются различные подсистемы (кровеносная, пищеварительная и др.), метафоры общества как тела с присущими ему подсистемами функционирования.

Сам этот перенос корпоративного управления на все общество опять-таки не может не обращаться к метафорам, к выдвиганию новых метафор. Так, исследование поведения и убеждений сторонников современных партий апеллирует к метафоре «отвердения», изучение электорального поведения граждан – к метафоре «воронки причинности», анализ международных отношений – к метафоре «падающего домино»³⁰. На первый взгляд ход политической мысли состоит в том, чтобы элиминировать метафоры и перейти от персональных концептов к нейтральному, объективному языку понятий, однако дело обстоит гораздо сложнее: мы до сих пор нерелексивно используем язык авторов, принадлежащих к разным культурам и эпохам и отстаивающих альтернативные политические позиции, смешиваем экономические понятия с политическими, юридические – с управленческими, и не отдаем себе отчет в том, каковы последствия такого рода смешений.

Итак, если резюмировать основную линию в развитии дискурсов об управлении, то следует отметить, что переход от языка метафор к нейтральному концептуальному языку присущ не только современности, но и политической философии Аристотеля, концепциям «естественного права», фиксировавшим неотчуждаемые права личности (Гоббс, Локк и др.). Этот переход, правда, сопровождался и дополнялся апологией то справедливости, то суверена, то абсолютного духа, то права – вне и помимо практики их применения.

Деантропологизация управления – основной тренд в развитии процедур и процессов управления. Этот процесс освобождения управления от связности с теми или иными кругами (менеджеров, руководителей корпораций, спецов – управленцев) заметен, в част-

ности, в развитых странах, где смена партий, стоящих у власти, оставляет без каких-либо серьезных изменений тот чиновничий аппарат, который реально осуществляет управление государством и социальной системой. XX век прошел под знаком борьбы с автократиями разного рода. Нынешняя Россия, избавившаяся от тоталитаризма, не смогла избавиться себя от автократического управления с вертикалью власти во главе с верховным правителем.

Думаю, что язык структурного функционализма и является тем нейтральным языком, который позволит найти концептуальные средства для постижения социальной действительности. Именно в этом языке общество и государство предстают как разные и по своей функциям, и по своему способу существования системы: общество – это социальная система труда, потребления и отношения к собственности ее членов, а государство – система законодательной и исполнительной власти, при этом управление все более и более приобретает инструментальный характер, превращаясь в безличный механизм администрирования со стороны должностных лиц. Исходным пунктом для понимания современной социальной системы является понятие «*социальное действие*», которое предполагает не только направленность на другого человека, но и взаимное признание направленности меня на другого и на меня действий другого человека. Моделью взаимного признания является экономическая модель – акт обмена. Именно в такого рода действиях – исток социальных изменений и преобразований.

Социальная система (общество) – это те инвариантные структуры, функции которых оказываются устойчивыми во всех изменениях и преобразованиях, во всех ее реформах и революциях социальных систем. *Государство* – это система институций, обеспечивающих осуществление ряда функций социальной системы – от защиты населения до выборности его представителей, от обеспечения порядка до соблюдения правовых законов. Передача полномочий происходит не только на выборах исполнительной власти, но ежедневно и обеспечивается институциями разного уровня – от муниципального до федерального. Важнейшая функция механизма управления – контроль за исполнением права, которая также осуществляется на разных уровнях. Чиновник же предстает как функционер институций, профессия и призвание которого – в точном и корректном исполнении предписаний и норм этих институций.

Взаимоотношения государства и гражданского общества – это симбиоз двух разных подсистем общества, а их эволюция является коэволюцией.

Гражданское общество – это формы самоорганизации локальных сообществ, которые основаны на солидарности (но не на единомыслии), на общем интересе и «общем деле». Способы их существования иные, чем способы существования государственных институций, – сетевая организация, в которой представлены и горизонтальные, и вертикальные связи, отношения между ячейками гражданского общества носят непосредственный характер и главенствуют межличностные отношения «лицом к лицу». Без такого рода самоорганизующегося и саморегулируемого основания современная социальная система вырождается в автократию или в тоталитаризм.

Если резюмировать наши рассуждения, то следует признать, что нейтральный язык самоописания управления обществами формируется в лоне языка метафор, одни из которых отмирают и уже не используются, другие же, наоборот, приобретают важный вес и широко используются. Язык метафор является тем коконом, в котором рождается новый язык – язык объективирующий и нейтральный, явно или неявно коренящийся в новых метафорах и в их натурализации. Натурализация политического дискурса и является движущей силой поиска нейтрального языка самоописания. Задача критики суждений политологов состоит как раз в том, чтобы выявить процедуры натурализации фундаментальных метафор, в которых рождается авторская инновация, приобретающая затем интересубъективный характер и лишь в ходе своей натурализации становящейся квазиобъективной. От авторской метафоры – к ее натурализации таково движение политологической мысли, которая не может избавиться ни от своей метафоричности, ни от своей квазиобъективности.

Примечания

- ¹ Я уже писал об этом: *Огурцов А.П.* Философия науки: Двадцатый век. Концепции и проблемы. Ч. 2: Философия науки: Наука в социокультурной системе. СПб., 2011. С. 370–398.
- ² *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.

- ³ Сошлюсь на богатейший историко-культурный материал, который я здесь использую, представленный в книгах: *Peil D. Untersuchungen zur Staats- und Her-schaftsmetaphorik in literarischen Zeugnissen von der Antike bis zur Gegenwart.* München, 1983; *Петров М.К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М., 1995; *Петров М.К.* Античная культура. М., 1997; *Фуко М.* Без-опасность, территория, население. СПб., 2011. С. 172–221.
- ⁴ *Jost W. Poimen. Das Bild vom Hirten in der biblischen Überlieferung und seine christologische Bedeutung.* Giessen, 1939.
- ⁵ *Фуко М.* Цит. сочинение. С. 197. Примеч. 4 на с. 218.
- ⁶ Там же. С. 198.
- ⁷ В «Киропедии» Ксенофонт приводит изречение персидского царя Кира, что «дела хорошего пастыря и хорошего царя весьма схожи, потому что пастырю надлежит извлекать из стада пользу, доставляя скотине тот вид счастья, который ей доступен, и царю точно так же подобает извлекать пользу из городов и людей, делая их счастливыми» (*Ксенофонт.* Киропедия. М., 1977. С. 189). См.: *Pohlenz M. Staatsgedanke und Staatslehre der Griechen.* Leipzig, 1923. S. 139 и далее.
- ⁸ Приведу несколько фрагментов, свидетельствующих о пифагорейских метафорах управления, чуждых метафоре пастыря: «Поскольку бог есть и по-скольку он господин (κῆρυς) над всеми...» (Фрагменты ранних греческих фи-лософов. Ч. 1. М., 1989. С. 493). «Ни семья, ни государство никогда не будут управляться хорошо, если не будет истинного начальника, властвующего и руководящего по доброй волей» (Там же. С. 495). Называя свое учение «исти-нным добротолубием» (Там же. С. 501), Пифагор наставляет властителей к любви и заботе, выступая против любого насилия даже над животными (Там же. С. 148), хотя животные наделены преступными желаниями и страстями, а «человек не может спастись, если им никто не руководит... После богов и демонов с наибольшим уважением надо относиться к родителям и закону, и подчиняться им не притворно, но с убеждением» (Там же. С. 494).
- ⁹ Фрагменты ранних греческих философов. С. 498.
- ¹⁰ См.: *Платон.* Критий 109b-c; Государство. 1.343a–345e, I.416a–b, 1Y.440d; Политик. 267c–277d, 281d–e; Законы Y. 735b–e, X. 906b–c.
- ¹¹ Поэтому бесосновательно то истолкование политической теории Платона как утопии, взявшей в качестве образца египетский кастовый строй, как и любые размышления об утопиях античности. Платон размышляет о наилучшем госу-дарственном устройстве (Законы 739e), но его размышления не тождественны утопии, а служат руководством для тех колонистов, которые создавали новые города за пределами городов-метрополий.
- ¹² *Бузескул В.П.* История афинской демократии. СПб., 2003. С. 218.
- ¹³ *Евдокимов Р.Б.* Должностные лица в идеальном государстве платоновых «За-конов» // Платон и его эпоха. М., 1979. С. 194.
- ¹⁴ «Царское искусство прямым плетением соединяет нравы мужественных и благоразумных людей, объединяет их жизнь единомыслием и дружбой и соз-давая таким образом великолепнейшую и пышнейшую из тканей. Ткань эта обвивает всех остальных людей в государствах – свободных и рабов, держит их в своих узах и правит и распоряжается государством...» (*Платон.* Поли-тик. 311e // Платон. Соч. Т. 3. Ч. 2. М., 1972. С. 82).

- 15 *Аристотель*. Политика. 1252a // *Аристотель*. Соч. Т. 4. М., 1984. С. 376.
- 16 Там же. 1252a 25 // Там же. С. 380.
- 17 Там же. 1281a // Там же. С. 462.
- 18 Там же. 1275b20 // Там же. С. 446.
- 19 Там же. 1276b20–25; 1279a5; Там же. С. 449, 456.
- 20 *Аристотель*. Афинская политика. М., 1973 (далее цитаты по этому изданию в тексте в скобках).
- 21 В этом отношении показательны различия между «Афинской политией» Аристотеля и псевдоксенофоновой «Афинской политией», написанной, очевидно, около 425 г. до н.э. За сто лет до сочинения Аристотеля, неизвестный автор, описывая Афины как мощное морское государство, использует метафору корабля, приводимого в движение кормчими, начальниками гребцов, пятидесятниками – начальника 50 гребцами в пентаконтере, командирами носа, корабельными мастерами – «вот эти-то люди и сообщают государству силу в гораздо большей степени, чем гоплиты и знатные, и благородные» (*Ксенофонт*. Афинская политика // *Аристотель*. Афинская политика. Приложение XXII. М., 1937. С. 224). Ксенофонт особо отмечает значение владения навыками в морском деле афинян – кормчих транспортных, грузовых, военных кораблей.
- 22 *Борухович В.Г., Фролов Э.Д.* Публицистическая деятельность Исократ // *Исократ*. Речи. Письма / Под общ. ред. Э.Д.Фролова. М., 2013. С. 849.
- 23 *Исократ*. Ареопагитик // *Исократ*. Речи. Письма. С. 135–136.
- 24 О распространении этого образа и метафоры во всемирном фольклоре см.: *Топоров В.Н.* Пастух // *Мифы народов мира*. Т. 2. М., 1982. С. 291–292.
- 25 *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. 1. Вопр. 103. Киев, 2005. С. 374.
- 26 Законодательные акты Петра / Под ред. К.А.Софроненко. М., 1961. С. 167–168.
- 27 «Ведь всем, кто направляется к какой-либо цели, всем, кому выпадает на долю так или иначе к ней продвигаться, необходимо какое-либо направляющее начало, с помощью которого он прямо дойдет до необходимой цели. Ведь корабль, которому выпадает на долю двигаться то в ту, то в другую сторону, под напором разных ветров, не пришел бы к намеченной цели, если бы не направлялся к гавани трудами кормчего...» (*Фома Аквинский*. О правлении государей. // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. Л., 1990. С. 233). И в конце этой же главы: «царем следует считать того, кто главенствует один, причем это пастырь, пекущийся об общем благе множества, а не о своей выгоде» (Там же. С. 235).
- 28 *Фома Аквинский*. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. С. 242–243.
- 29 См.: *Андреева Л.А.* Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., 2007.
- 30 Теория и методы в современной политической науке. Первая попытка теоретического анализа. М., 2009. С. 55, 165, 213. Одна из авторов этого сборника прямо заявляет: «Авторы пользуются выражением “воронка причинности” как аналогии или метафорой для объяснения этих факторов, воздействующих на индивида» (*Листхауз У.* Воронка причинности // Теория и методы в современной политической науке. С. 166).

Организационное развитие: от инженерного подхода к гуманитарной парадигме

Современная область организационного развития сложилась во второй половине прошлого века, в эпоху «больших проектов», когда доминировал взгляд на организацию как «мегамашину», требующую методов искусственного воздействия (ср. проектирование, процессы, функционирование, реинжиниринг)¹. Следствием этой точки зрения стал преимущественно технический, инженерный подход к решению проблем оргразвития. Западные консультационные фирмы уже некоторое время разрабатывают и применяют гуманитарный подход, но к трансляции в литературе и «лучших практиках» допускают только низкоуровневые технологии; остальное является *мастерством* и массовому распространению не подлежит. В нашей стране, где большинство руководителей предприятий и консультантов получили естественнонаучное и техническое образование, инженерный подход к организации был в последние двадцать лет некритически заимствован без необходимой социокультурной адаптации и вследствие этого не принес ожидаемой пользы для клиентов.

В то же время потребность в гуманитаризации области оргразвития в нашей стране огромна. Это связано с возникновением в исторически короткое время новых типов коммерческих организаций. Новые экономические субъекты росли быстрее их хозяев: структуры и отношения стали суперсложными, а руководители не успели так же быстро поменять свои способы управления. До сих пор у нас продолжают сосуществовать остатки

советского периода и ростки новой экономики. На внутренние изменения накладывает свой отпечаток мировой процесс. Российским управленцам и консультантам приходится отвечать на совершенно новые вызовы времени.

Ниже дан краткий анализ современной ситуации и связанных с ней организационных проблем.

Анализ ситуации

Современная социально-экономическая ситуация предъявляет новые требования ко всем типам организаций, включенным экономическую деятельность на глобальном и местном уровнях, независимо от их формы собственности и размера. Развитие за счет количественного роста рынков и географической экспансии исчерпаны, денежная масса в целом и соответствующий ей потребительский спрос сжимаются. В развитых странах, прежде всего в США, фактически прекращены долгосрочные межгосударственные программы освоения космоса и Мирового океана, постепенно сокращается выделение средств на фундаментальные исследования в пользу прикладных разработок, дающих эффект в краткосрочной перспективе. Уменьшается горизонт планирования. Стратегия проектирования и программирования, свойственная эпохе «больших проектов» второй половины XX века, уступает место стратегии реагирования на постоянно меняющиеся условия.

В этой ситуации ключевым фактором успеха становится внутренняя готовность организаций к изменениям. Если рассматривать организацию как сложную систему, ее главными характеристиками становятся гибкость и устойчивость. Развитие как рост (увеличение ресурсов, запасов, масштабов деятельности, капитализации и других количественных факторов) перестает быть ценностью; на первый план выходит **обеспечение целостности и равновесия**. Далее в тексте «организационное развитие» будет употребляться именно в этом смысле.

Подвергаются пересмотру представления о том, как должна работать организация. На смену организации-машине с ее набором «функционирующих подсистем» приходит понятие организации как организма, у которого есть предзаданные свойства, соб-

ственный жизненный цикл и законы его разворачивания. Люди, входящие в рабочие коллективы, перестают быть «человеческими ресурсами» и становятся соучастниками процесса поддержания организационного равновесия. В этих условиях существенно повышаются требования к управленческой деятельности и к ее субъектам – управленцам. **Качество управления становится решающим фактором жизнеспособности организации.**

Выдвижение на первый план «человеческого» (в смысле традиционных представлений о Человеке) требует от управленца как осознания этого факта и изменения картины мира, так и формирования умений, отличных от тех, которые были свойственны уходящей эпохе. Приходится констатировать, что на Западе отсутствует понимание, каким образом организовать подготовку «новых управленцев» в столь сжатые сроки.

Если в западном деловом сообществе необходимость радикального изменения подхода к управлению постепенно становятся предметом публичного обсуждения, в российской практике управленческого консультирования и управления сохраняется тенденция к некритическому заимствованию зарубежных представлений и технологий. Зачастую эти знания и приемы не адаптированы к российским условиям, не укоренены в культуре; они насаждаются поверх существующих до сих пор ментальных и социальных структур советского периода и поэтому либо искажаются, либо отторгаются. Причиной такого положения является то, что к моменту перестройки русско-советская управленческая школа не имела такого детально разработанного научно-методического аппарата, как в западной теории менеджмента. В то же время наши молодые управленцы 1990-х гг. не могли перенять опыт старших товарищей из-за резкого слома всей системы управления и объявления всего советского «устаревшим» и даже «вредным для новой экономики».

В последние двадцать лет мы стали свидетелями возникновения следующих **системных проблем в сфере управления.**

1. Распад советского государства и сложной иерархической системы управления привели к тому, что общество стало более однородным, плоским. Практически исчезли социальные страты, общественная структура и система социальных, в том числе производственных, отношений упростилась. Организации, образованные вместо советских предприятий или выросшие из предпри-

нимательской инициативы, решали проблему выживания и строились на древних принципах **общины** или **клана**, в основу которых положены дружеские, родственные, семейные связи. В этих структурных формах доминирует самоорганизация, члены коллектива, включая управляющих, в таких организациях не только работают, но и живут. Общинные и клановые структуры помогли их создателям пережить трудные времена, однако представляют серьезное препятствие для перехода на следующий управленческий уровень или выхода собственников из бизнеса. Основной проблемой здесь является **отсутствие понятия о будущем** как о реализуемом замысле, проекте. С этим связано скептическое отношение руководителей наших средних компаний к проектам разработки стратегии, а в случае, когда ее все-таки удастся создать, – к последовательному программированию ее реализации.

2. Бессистемная скупка активов, часто случайных, исключительно ради их консолидации, привела к тому, что многие российские холдинги и банки стали обладателями **«склада» неработающих или плохо работающих предприятий**, вырванных из производственных цепочек. Отсутствие социального обременения на первом этапе казалась новым владельцам благом; на самом деле оно привело к депрофессионализации в целом ряде отраслей и регионов и затем к быстрой деиндустриализации. Приведение активов в минимально работоспособное состояние не решается методами антикризисного менеджмента; это сильное «лекарство» короткого действия, направленное на сохранение собственности, а не на обеспечение устойчивого развития. Для выстраивания новых производственных цепочек требуются организационные шаги, для осуществления которых в управляющих компаниях нет ни понимания, ни соответствующей экспертизы.

3. Имеется и другая проблема, связанная с управлением активами, особенно производственными: **различие культур в управляющих компаниях и на производстве**. Часто речь идет о целом комплексе несоответствий в картинах мира, прежде всего в горизонте планирования (в управляющих компаниях этот горизонт, в силу ориентации только на финансовый результат, существенно короче, чем на заводе), разных циклах деятельности и представлениях о целях работы. У менеджеров УК целью является, как правило, достижение количественных показателей через продажи.

Целью производителей является выпуск продукта. Первые встроены в мировую систему soft-технологий (нематериальных: коммуникационных, финансовых, оторванных от конкретной территории); вторые живут в мире hard-технологий (материальных, привязанных к территории). Есть и другие существенные различия, что зачастую ведет к непониманию, конфликтам и судорожным кадровым решениям, нарушающим и без того хрупкое организационное равновесие.

4. Такая же проблема возникает в российских подразделениях крупных западных операторов, но по другой причине. Иностранные компании тиражируют свои управленческие решения, в том числе оргструктурные, не особенно заботясь о страновой и культурной специфике (риторику по поводу «учета местных условий» оставим специалистам по пиару). Для головного офиса любой мультинациональной корпорации русские – странные «белые негры»: люди с белой кожей, живущие в нецивилизованных условиях. Российской особенностью является **аномально высокий уровень естественнонаучного и технического образования** наших специалистов для той роли, которую им уготовили западные корпорации. В ряде случаев, особенно в области приложения точных наук и инженерной смекалки, это создает для иностранных менеджеров и их российских подчиненных ряд проблем, не решаемых психологическими способами (коучинг, командообразование и пр.).

5. Практически полная деиндустриализация и примитивизация экономики проходила при сохранении очень высокого уровня инженерно-технической подготовки и отсутствии полноценного гуманитарного (в том числе управленческого) образования. Такая ситуация в профессиональном образовании привела к парадоксу: **наши руководители** (в основном выпускники технических вузов) **решают сложные управленческие задачи средствами традиционной инженерии**. Даже если им удастся добиться результатов, они не могут перевести их в транслируемый опыт, в отчуждаемую «методику». Такой способ управления усугубляется еще и тем, что вся современная российская управленческая культура бессловесна или использует заемный, очень ограниченный «менеджерский новояз»; для нее не существует адекватных способов выражения. Задачи современного управления требуют от руководителей умения

работать с картинами мира сотрудников и партнеров, а это при отсутствии соответствующих навыков и разработанного языка практически невозможно.

6. В исторически короткий период в сферу управления было втянуто много **непрофессиональных руководителей**, которые попали на управленческие должности в силу обстоятельств, ведения, повышенного уровня активности и других социальных, психологических и даже соматических факторов (ср. крепкое здоровье). Особый отпечаток на наших руководителей первой волны наложил очень специфический способ естественного выдвижения людей в 1990-х гг., когда ценились предпринимательский склад ума, агрессия, интуиция, скорость, импульсивность, склонность к риску, умение манипулировать. Те, кто сумел уцелеть, сохранить и приумножить «добытое», остепенились и окружили себя доверенными людьми. Последние составили поколение руководителей 2000-х. Так как «двух вожаков в стае не бывает», эти люди зачастую являются полной противоположностью первых предпринимателей: осторожные, избегающие решений и склонные к счету и учету. Сейчас идет третья волна: это дети первых руководителей и т. н. «поколение X» – дети 1970-х гг. рождения. У этого поколения есть возможность получить хорошее западное образование и ознакомиться на собственном опыте, как устроен зарубежный деловой мир; однако без поправки на российские реалии этот опыт не дает ожидаемого результата.

7. Российское бизнес-образование заимствовало массовые технологии подготовки менеджеров, т. е. обучение базовым умениям оперативного руководства; **деятельности управления и организационным навыкам в наших бизнес-школах и вузах не обучают**. Управленческая деятельность в общественном сознании не имеет самостоятельной ценности и склеивается с бизнесом. «Управляющий», «менеджер», «бизнесмен», «собственник» и «предприниматель» часто употребляются как синонимы: считается, что если человек сумел заработать, то он сможет и эффективно управлять. Стоит вспомнить, что в советское время будущие «капитаны промышленности» и «командиры науки» проходили жесткий отбор на умение руководить людьми, начиная с октябрьской звездочки и пионерской дружины и заканчивая комсомольскими и партийными органами. Им ставились посильные для их возрас-

та и опыта задачи по организации коллективной работы. Социальный лифт поднимал на управленческие должности «правильных» людей, а дальше уже они сами решали, нужна ли им дальнейшая профессионализация, например, в Высшей партийной школе или Академии народного хозяйства. На Западе за внешне политкорректной демократической витриной «равных возможностей» до сих пор существует такая система отбора управленческих кадров всех уровней.

Задачи в области оргразвития

Указанные особенности российской ситуации в управлении определяют **характер задач** исследований и разработок в области организационного развития:

- постоянная работа по компенсации внутренней «организационной недостаточности» на всех уровнях управления;

- привнесение в работу консультантов и руководителей предприятий взгляда на организацию как на сложный организм, в котором нет ничего случайного и где невозможны произвольные изменения;

- организация «работы с будущим» собственников и топ-менеджеров; сопряжение их целей в отношении управляемой организации с ее предзаданными свойствами;

- надстройка над общинными и клановыми системами отношений интерфейсов к более современным организационным формам (через ввод процессной структуры, проектного управления, освоение промышленных информационных систем и пр.);

- институционализация функции организационного развития (через создание специальных коммуникационных механизмов поверх функциональных, процессных и технологических структур);

- добавление «человеческой» компоненты в набор методов работы с оргструктурами и учет группой динамики (через использование методов работы в малых группах, соционики и т. п.);

- работа по сопряжению различных картин мира в разных частях организации и способствование возникновению общей корпоративной идентичности поверх разных организационных культур (без их разрушения);

– объективация опыта организационных изменений и разработка отчуждаемых методик решения организационных проблем у клиентов;

– обучение управленческого персонала клиентов гуманитарным технологиям воздействия на организацию посредством коллективно организуемой деятельности.

Следует отметить, что указанные выше задачи становятся предметом проведения организационных преобразований только в случае, когда собственники и/или управляющие сталкиваются с личной проблемой и ощущают дискомфорт. Эти проблемные зоны проявляются в определенных условиях: (1) смены целей в отношении организации, например, желания собственника продать бизнес или (2) изменения внешней среды, например, ввода/снятия экономических барьеров, появления/закрытия рыночных ниш и пр. В крупных структурах изменения наверху имеют для нижележащих подразделений статус обстоятельств непреодолимой силы и создают значительные личные трудности для управляющих. Именно эти трудности могут послужить здесь катализаторами организационных изменений.

Поиск (и в дальнейшем разработка поисковой методологии) таких проблемных зон на уровне лиц, принимающих решения, и перевод их в план организационных действий является сегодня одним из важных направлений исследований в области оргразвития.

Направления гуманитаризации области оргразвития

Основными направлениями движения в сторону увеличения «человеческой» компоненты оргразвития должны стать исследования и разработки, направленные на **обеспечение равновесия между процессами развития и функционирования организации**.

Исследования показывают, что организационное равновесие может быть достижимо через эволюционное развитие – естественную самоорганизацию. В компаниях малого и среднего бизнеса, в холдингах, получающих излишки ресурсов извне, самоорганизация является главным механизмом обеспечения организационной целостности. Однако в нынешней ситуации резких социально-экономических изменений самоорганизация приводит к изоляции,

«окукливанию» структур, и переход на новый уровень организационной сложности становится принципиально невозможен. Это может приводить к двум негативным результатам: (1) количественному, а затем и качественному сжатию организации и замедлению организационных реакций на изменения и (2) росту внутри организации неуправляемых, непрозрачных структур («черных дыр»), которые оттягивают на себя и без того ограниченные внутренние ресурсы развития (людей, финансы, партнерские связи и пр.), часто активно препятствуя развитию организации в целом ради сохранения своей автономии.

Альтернативой естественной самоорганизации является поддержание нормального функционирования. Заметим, что обеспечение повседневной работы любой организации не происходит само собой и требует от управляющих постоянного внимания. Если механизмы самоорганизации складываются в силу действия законов социальности, поддержание функционирования всегда требует искусственного воздействия, постоянного «подкручивания» и отслеживания. Аналогом здесь являются занятия фитнесом: чтобы поддерживать организм в форме, необходимо все время следить за собой.

Развитие как осуществление замысла, как осознанное преобразование возможно только на основе нормального функционирования. В противном случае борьба с организационными дисбалансами будет пожирать творческую инициативу, энергию, финансовые и материальные ресурсы и не оставит шансов для осуществления шага развития.

В этой перспективе основными направлениями управленческих и консультационных практик в области оргразвития представляются следующие.

1. Разработка методов снятия проблем, относящихся к области оргразвития. Результатом этой работы может стать: восстановление нормального функционирования организации и ее отдельных участков, налаживание взаимодействия подразделений, устранение конфликтов, закрытие висящих вакансий, введение недостающих областей, процессов, подразделений.

2. Фасилитация процесса целеполагания в организации («работа с будущим») и выстраивание коммуникаций относительно целей, результатов и проблем. Здесь нужна не столько

работа оргпроектирования, сколько «умное размышление», *как сделать лучше*. Это может быть дальнейшая разработка и адаптация метода «непрерывных улучшений», существовавшего в традиционных культурах Востока и введенного в западную практику менеджмента Э.Демингом². В отличие от жестких оргпроектировочных практик (типа разработки стратегии и методов контроля ее выполнения на основе показателей: BSC, KPI и др.), данная работа предполагает работу в искусственно-естественном залоге, «выращивание» нужных изменений внутри организации³. Результатом такой работы становится, как очень верно заметил методолог С.В.Попов, «самоорганизация, позволяющая сформировать, “вырастить” новую культуру и новую организацию жизни»⁴.

3. Институционализация функции развития. Создание в организациях Центров развития / управления знаниями / изменений (название условное), куда могут обращаться руководители и сотрудники организации с любыми вопросами, касающимися изменения способов их деятельности⁵.

Примечания

- ¹ *Розин В.М., Голубкова Л.Г.* Управление в мировом и российском трендах. М., 2013. С. 6–12.
- ² *Деминг Э.* Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М., 2011.
- ³ В последние годы в западной литературе стало популярным сочетание «to foster innovations». Его можно было бы перевести как «способствование инновациям», «проращивание инноваций».
- ⁴ *Попов С.В.* Методология организации общественных изменений // Этюды по социальной инженерии: От утопии к организации / Под ред. В.М.Розина. М., 2002. С. 60.
- ⁵ Типологическими аналогами являются проектный офис, который институционализирует деятельность по управлению проектами, и корпоративный центр обучения, куда стянуты все цели и задачи, связанные с обучением персонала всех уровней. Это может быть отдельное структурное подразделение или виртуальная структура.

В.М. Розин, С.А. Малявина, Ю.Б. Грязнова

Социальный проект как один из инструментов управления социальными процессами (на материале проекта «Донор»)

Наряду с представлением об управлении предприятиями и учреждениями вполне можно говорить об управлении социальными процессами, например, поведением избирателей, изменением установок массового сознания, перемещением мигрантов и др. Не исключение и поведение доноров, а также граждан, которые могут стать таковыми при определенных условиях. Правда, говоря об управлении социальными процессами, стоит пояснить, что авторы понимают под этим. С одной стороны, под управлением социальными процессами нужно иметь в виду *социальные практики и воздействия*, т. е. сознательную деятельность, предполагающую преобразования. С другой – *изменения*, происходящие в результате этих воздействий и деятельности, причем *идущие в задуманном направлении*. Общеизвестной особенностью социальных процессов выступает та, что составляющие их события связаны с человеком, он же – одна из причин социальных трансформаций. Не должны ли мы тогда сделать вывод, что управление социальными процессами предполагает воздействие на сознание людей, изменение их представлений и видения, происходящие под влиянием таких воздействий.

Как правило, изменять представления и видение людей нужно в связи с проблемами, безотлагательно требующими своего решения. Если говорить конкретно о данном проекте, то в этом случае такой проблемой выступила острая потребность в реформировании службы крови, осознаваемая всеми заинтересованными

ми субъектами (врачами, министерством здравоохранения, правительством, НКО, общественностью). В России с 90-х годов начало падать число доноров, дойдя к 2007 г. до 11 человек на 1000 донороспособного населения, в то время как в Европе – 40 чел., а в США – 60 чел. на 1000. Причин этому много, в том числе следующие: давно не переоборудовались станции переливания крови (СПК), они не отвечали современным требованиям; донорство утеряло свой высокий социальный статус и т. п.

Следующий естественный вопрос: какие представления и видение нужно менять для решения возникшей проблемы? Достаточно очевидно, чтобы ответить на этот вопрос, необходимо **знать особенности явления**, по поводу которого эта проблема стоит, причем конкретно в ситуации «здесь и сейчас». Отсюда задача – проанализировать явление (в данном случае феномен донорства) и ситуацию, в которой указанная здесь проблема возникла. Однако дано ли нам явление не вообще, а таким образом, которое позволяет разрешить проблему? Мало ли какие характеристики и ситуации можно выделить в сложном социальном явлении.

Это первое затруднение. Одно из направлений его разрешения – *анализ явления с точки зрения возможных его изменений и трансформаций*, которые должны произойти в результате продуманных воздействий. Например, нетрудно предположить, что поведение доноров может измениться в желательном направлении в случае замены устаревших станций переливания крови современными (снимется страх заразиться чем-нибудь), а также кардинального изменения смысла самого донорства как индивидуальной ценности и важного момента образа жизни. Дальше мысль выходит на другие связанные с данными явления и процессы: чтобы заменить устаревшее оборудование, нужны большие финансовые вложения, позволяющие купить за рубежом современные технические станции переливания крови; чтобы изменить смысл и понимание донорства, необходимо, с одной стороны, преодолеть уже существующее отрицательное отношение к донорству, с другой – представить его для населения в привлекательном и желательном виде. Но чтобы решить перечисленные задачи, нужен еще ряд действий и т. д. Получается, что для решения исходной проблемы, необходимо выделить и проанализировать целый ряд социальных явлений и процессов, которые затем

нужно организовать и реализовать в социальной действительности. Спрашивается, как это сделать? Можно считать это вторым затруднением.

В общем случае его разрешение предполагает проведение *социогуманитарных исследований* и *социальное проектирование*, причем они должны быть не просто скоординированы между собой, а работать друг на друга. В чем особенность социогуманитарных исследований? Они имеют дело с изучением поведения людей (индивидуальным, групповым, массовым), необходимостью разрешить определенные экзистенциальные проблемы, особым взаимодействием исследователя с исследуемым явлением¹. В данном случае исследователь заинтересован в таком изменении поведения граждан, которое должно привести к резкому увеличению числа доноров, он должен склонить их к такому изменению – это и есть экзистенциальная проблема исследователя. При этом исследование поведения актуальных и потенциальных доноров должно строиться так, чтобы они не становились простыми объектами изучения, а вступали во взаимоотношения с исследователем (например, если следовать М.Бахтину, то им нужно предоставить голос, который должен услышать и учесть исследователь).

Социальный проект строится с опорой на знания, полученные в социогуманитарном исследовании. Но не только. Используются и другие знания и семиотические конструкции: *опытные, гипотетические, прототипы, сценарии* и прочее. В отличие от «традиционного проектирования» (технического и архитектурного) социальное относится к «нетрадиционному проектированию»². Здесь нет знаний, позволяющих, не обращаясь к социальному явлению, промоделировать и сконструировать его в проекте, а затем реализовать этот проект в существующем производстве. Что тогда собой представляет социальное проектирование?

Во-первых, социальный проектировщик замышляет новый объект, новое качество социальной жизни. Во-вторых, происходит разработка (конструктивизация) замысленного объекта: учет и согласование требований, предъявляемых к объекту заказчиком, проектировщиком, согласующими инстанциями, потребителями и т. д., конструктивное задание основных элементов и связей объекта, продумывание условий реализации социального

проекта и т. д. По сути, именно двумя указанными процедурами и ограничивается проектная культура современного социального проектировщика.

Как показывают исследования, у социальных проектов всегда были два крупных недостатка. Один – *низкая проектосообразность*: социальные проекты или утопичны, нереализуемы, или подменяются общественно узнаваемыми лозунгами, концепциями, программами. Другой – *искажение или выпадение социальных требований, предъявляемых к проектируемому объекту*³. Например, социальное проектирование 20–30-х гг. XX в., ставившее своей целью создание новой культуры и человека, реально позволило создать не новые социальные отношения или человека, а новые заводы, дома-коммуны, клубы, дворцы культуры; проекты микрорайонов или экспериментальных жилых районов 1960–1970-х гг. привели не к новым формам общения и социализации (как планировалось), а всего лишь к новым планировкам и благоустройству; проекты региональных социокультурных преобразований на селе оказались утопичными и т. д. Чтобы структурировать проекты социального развития Минздравсоцразвития России, уйти от утопичности и перейти к правдоподобности их реализации, было введено технологическое понятие построения проектов социального развития. Здесь, правда, возникает принципиальный вопрос: разве социальные науки не обеспечивают знаниями социальные проекты?

Может показаться странным, но социальный проектировщик опирается на знания социальных наук в минимальной степени, он именно конструирует новые связи и отношения, приписывает их действительности без достаточного основания, принимает желаемое за действительное. Здесь действует своеобразный «проектный фетишизм»: то, что задумано, описано или нарисовано (начерчено) на бумаге, например, в виде картины действий, занятий, отношений между людьми и т. д., приобретает статус реальности, мыслится как существующее или могущее существовать. Кажется, что если объект представлен в сознании и подробно описан, то он уже может быть укоренен и в социальной жизни. Никто не спорит, что указанная здесь проектная конструктивная процедура необходима как момент проектной работы и мышления, но она явно недостаточна для того, чтобы социальный проект был реалистичен и реализуем.

Одна из причин, по которой проектировщики почти не обращаются к социальным наукам, – неудовлетворительность социальных знаний. Известно, что знания социологии, социальной психологии, политэкономии, культурологии, политологии и других описывают главным образом существующее, сложившееся состояние дел, в то время как проектировщику нужно знать, как будут вести себя социальные феномены (люди, группы, сообщества, социальные институты и т. д.) в изменившихся условиях в ближайшем или более отдаленном будущем. Социальное прогнозирование сегодня крайне неэффективно, не секрет, что качество социальных прогнозов значительно ниже качества социальных теорий, которые сами несовершенны. Важно также, чтобы в число факторов подобного изменения входили и те, которые создает сам социальный проектировщик, запустивший, инициировавший своим проектом определенное социально-культурное действие и процесс изменения.

Другой недостаток основного массива существующих социальных знаний – они не учитывают аксиологическую природу социальных феноменов, т. е. присущих людям и поведению не совпадающих ценностных ориентаций и целей. Не учитывают они и такой важный фактор, как структуры обыденного сознания людей: средовые карты и хронотопы, жизненные «скрипты» (программы), архетипы сознания и т. п. Не зная подобных закономерностей, социальный проектировщик оказывается не в состоянии определять в проекте реальное сложное поведение людей.

Социальные знания неудовлетворительны и в том отношении, что они не отвечают на важный для проектировщиков вопрос, как влияют материальные и другие условия (социальные инфраструктуры, типы учреждений, виды нормирования или поощрения) на течение или изменение социальных процессов, на характер функционирования социальных явлений.

Наконец, социальные знания описывают прежде всего процессы взаимодействия или массовые, объективно наблюдаемые явления типа миграции населения, социокультурной динамики, социально-демографического состава населения и т. д., в то время как социальных проектировщиков все больше интересуют такие явления, как культурные инициативы отдельных людей или групп, ценностные выборы и предпочтения, сопротивление людей процессам изменения и т. п.

По другой причине социальные проектировщики не учитывают при разработке проектов «технологию изготовления новых объектов». Здесь дело не в отсутствии знаний, а в том, что сегодня вообще неясно, что такое внедрение социального проекта, в чем оно состоит, какие стадии проходит. Не осознавая этого, социальные проектировщики мыслят внедрение по аналогии с реализацией обычных проектов. Однако в сфере социального действия нет ни разделения труда между проектированием и изготовлением, как в традиционном проектировании, ни самой стабильной сферы изготовления. Кроме того, реализация социальных проектов включает целый ряд процессов – проектные инициативы, поддержку привлекательных проектов различными группами населения, прессой или ведомствами, создание под проект инфраструктур, организацию различных областей изготовления, преодоление сопротивления определенных групп населения или учреждений и т. д., которые совершенно не укладываются в привычное понимание процесса реализации проекта. В частности и потому, что заставляют менять сам проект или создавать новые проекты.

Существенно еще одно обстоятельство. Как известно, в инженерной деятельности и проектировании различаются два основных процесса: анализ и синтез. Первый направлен на выделение и предварительное задание в проектируемом объекте основных процессов и морфологических единиц, а также отношений между ними. В синтезирующей деятельности происходит «сборка» и «конструктивизация» (согласование, оптимизация и т. п.) всех элементов и единиц, выделенных на стадии анализа. Если в традиционном проектировании обе эти процедуры вполне определены и не выходят за рамки проектной реальности, то в социальном проектировании анализ и синтез несимметричны в том отношении, что первый находится в рамках проектной реальности, а второй выходит за ее пределы.

Например, при разработке социального проекта общественно-культурного городского центра строительство помещений или организация коллектива могут быть осуществлены на основе двух проектов – архитектурного и организационного. Вторая группа процессов, скажем, формирование общения или культурные формы жизни уже выходят за рамки проектной реальности; чтобы их осуществить, нужны не проекты, а что-то другое, например, живая

организационная работа, инициатива посетителей центра, наличие в коллективе ярких личностей или лидеров и т. п. Различие этих двух типов процессов становится особенно очевидным на стадии синтеза; как собрать (построить) по проекту здание – известно, но что делать, чтобы в коллективе сложилось общение или стремление к совместному труду и досугу, – этого по сути никто не знает.

Реагируя на перечисленные затруднения, социальное проектирование постепенно изменяется. Оно предполагает совместную деятельность с заинтересованными субъектами, разработку гибкой культурной политики, социально-педагогический эффект и усилия, запуск (инициацию) различных социокультурных процессов, последствия которых можно предусмотреть только частично.

Для нашей темы принципиально, что *социальное проектирование может быть рассмотрено как один из инструментов социального управления*. Действительно, реализация социального проекта позволяет создать новые общественные условия, в том числе и такие, которые могут способствовать нужному изменению сознания и видения социальных субъектов. Именно в этом ключе можно понять и проект «Развитие массового безвозмездного донорства крови»⁴ (далее кратко «Донор»). То есть это был социальный проект, в котором в том числе использовались знания, полученные в социогуманитарном исследовании, проект, выступающий инструментом социального управления. С самого начала стоит сказать, что не существует технологии решения подобных сложных задач. Каждая такая задача достаточно уникальна, и её решение нащупывается в ходе социального проектирования. И в данном случае построение и реализация проекта «Донор» не были исключением. Тем не менее задним числом можно отразить ходы мысли и логику проектирования с целью выхода на возможную социальную технологию; естественно, что потом её нужно проверять и уточнять и на других случаях. Дальше речь идет о подобной рефлексии.

При разработке проекта «Донор» нужно было минимизировать препятствия, приводящие к выхолащиванию социальных параметров и невозможности его реализации. К таким препятствиям в общем случае можно отнести следующие: отсутствие у ключевых субъектов заинтересованности в социальных изменениях, низкое финансирование социальных проектов, отсутствие коман-

ды компетентных социальных проектировщиков, недостаточность знаний об основных социальных процессах и обеспечивающих эти процессы условиях, невключенность в проектирование заинтересованных социальных субъектов, деятельность ряда чиновников, использующих социальный проект в личных целях, а не по назначению, главным образом для получения административной ренты – взятки, откаты, создание нужных для получения ренты условий и окружения и прочее⁵.

Первое препятствие в данном случае отсутствовало, поскольку, как уже отмечалось, основные ключевые субъекты были крайне заинтересованы в реформировании службы крови. Именно поэтому удалось разрешить и второе затруднение. Проект «Донорство» был хорошо обеспечен в финансовом отношении; на его осуществление постановлением Правительства РФ от 21 июня 2008 г. № 465 «О финансовом обеспечении в 2008 году за счет ассигнований федерального бюджета мероприятий по развитию службы крови» было выделено 16 миллиардов руб.

Хотя квалифицированных социальных проектировщиков в России фактически нет, притом что социальное проектирование широко распространено⁶, для разработки и реализации проекта «Донор» удалось сформировать достаточно эффективную команду.

Проект лично курировала Министр здравоохранения и социального развития России Татьяна Голикова (с 2007 по 2012 гг.). Еще один важный участник – Федеральное медико-биологическое агентство во главе с Владимиром Уйба. Непосредственной технической реализацией проекта занимались департаменты Минздравсоцразвития. Кроме того, в проект были включены главные внештатные профильные специалисты министерства, руководители ведущих гематологических учреждений страны, представители общественных организаций. Не последнюю роль в формировании и реализации программы сыграли два методолога (Ю.Грязнова, С.Малявина, на тот момент – помощник министра) с командой специалистов по коммуникациям в составе отдела по приоритетным коммуникационным проектам министерства.

Стоит обратить внимание на то, что практически все члены команды социального проектирования выступали в двух ролях: как разработчики проекта «Донор» и как потенциальные пользователи донорской крови. И дальше при реализации проекта постоянно

шла работа с заинтересованными социальными лицами: медиками, общественными донорскими организациями, СМИ, бизнесом, представителями населения. Тем самым было обеспечено участие в проекте «Донор» заинтересованных социальных субъектов.

Команда социального проекта «Донор» была интересна еще в одном отношении. А именно, она обладала сильным *административным ресурсом*, облегчавшим реализацию социального проекта: просьбы и предложения, исходящие от Минздравсоцразвития и ФМБА, адресованные различным органам власти или общественным организациям, выполнялись охотно и достаточно быстро; причем в данном случае этот ресурс полностью работал на социальное благо, а не против населения.

Поскольку на разработку и реализацию проекта были выделены большие средства и поскольку, можно было предположить, что эгоизм российских чиновников не может быть блокирован никакими гуманистическими соображениями (недостаток крови в стране для чиновников тоже не аргумент), постольку команда разработчиков продумала и реализовала ряд мероприятий, направленных на разрешения указанного препятствия (смена команды управления, перенос финансирования в регионы и др.). Вообще можно заметить, что реализация современных крупных социальных проектов обязательно предполагает продуманные действия, блокирующие деятельность участников проекта или деятельность курирующих проект чиновников, направленные на использование проекта не по назначению.

Теперь, по поводу недостаточности социальных знаний, необходимых для разработки и реализации проекта. На первый взгляд, кажется, что *основной рабочий процесс* здесь очевиден: это *сдача крови донорами*. Но почему, спрашивается, население не сдает кровь в нужном для спасения и лечения больных количестве? Люди не ходят сдавать кровь по многим причинам: боятся заразиться, нет мотивации, неудобный график сдачи, отталкивают плохо оборудованные станции службы крови и т. п. Нужно, рассуждали разработчики проекта, добиться, чтобы они вновь захотели сдавать кровь. Что для этого необходимо сделать? Может быть, организовать кампанию, призывая граждан сдавать кровь? Но этот инструмент работает, только пока идет коммуникационная кампания, рассчитанная всего на 3 года. А ведь после неё должны остаться

регулярные доноры. Кроме того, на уровне коммуникации можно, действительно, склонить человека сочувствовать донорам, но трудно сделать его донором. И тем более возродить донорство в массовом масштабе.

Другое решение – *некоммерческие общественные организации* (НКО). Ко времени разработки проекта уже работали донорские НКО, но их действия были слишком локальными. Они собирали вокруг себя достаточно узкий круг людей. Вдобавок донорские НКО в основном исповедовали подход, в соответствии с которым донорство – это выбор отдельного человека, факт его личной истории. Подумаем: что человек должен понять, чтобы стать донором? До начала кампании основным ответом работающих с донорами был такой: нужно вызвать у человека чувство сострадания к тому, кому нужна кровь. Однако анализ показывает, что ресурс сострадания у людей быстро исчерпывается. И картинки нуждающихся в крови больных детей очень скоро перестают восприниматься настолько остро, чтобы люди шли сдавать кровь. Тем более массово. И тем более регулярно.

Итак, сдача крови в данном случае, вероятно, только верхушка айсберга. Судя по всему, не менее важный процесс – *принятие человеком решения сдавать кровь*. В свою очередь оно зависит от многих обстоятельств, но главным образом от того, как человек понимает донорство и с точки зрения социального значения для личности, и с точки зрения условий реализации желания сдать кровь.

Нашупывая правильный путь, разработчики проекта «Донор» рассуждали следующим образом. *Чтобы принять решение сдавать кровь, человек должен сказать себе: «Я – донор, и это здорово». В разных модусах: я могу быть донором, я должен быть донором. То есть подразумевается новая идентичность человека, причем она должна быть массовой, действовать регулярно. Донорская идентичность не может быть героической, реализованной однократно (если мы говорим про массовый масштаб), регулярной только для выдающихся личностей. Как любая массовая идентичность, она предполагает **других людей и твердые, постоянные социальные условия**. Не идет ли в данном случае речь о социальном институте? Примерно таким образом разработчики проекта вышли на необходимость институциональной идентификации, на задачу построения института донорства, где донор – лишь одна из фигур.*

Доноров много там, предполагали они, где донорство существует как социальный институт. Там, где наблюдается сегодня (как, например, в Европе или США) или в прошлом (как, например, в СССР) достаточное для уровня развития современной медицины количество доноров и донорской крови, одновременно констатируется наличие социального института донорства.

Что означает гипотеза о донорстве как социальном институте? То, что на донорство можно перенести основные характеристики последнего, а поскольку, кроме того, речь идет о возобновлении донорства в новых условиях, необходимо учесть и характеристики становления социального института. Вот они⁷.

Процесс становления запускается «социальным напряжением», требующим своего разрешения, осознаваемым позднее, при становлении социального института, как вызов, социальная проблема. Это, так сказать, первая структурная характеристика процесса становления социального института.

Вторая – наличие сообществ или популяций, заинтересованных в решении данной проблемы, которые создают и продвигают новообразования, тем самым способствуя появлению новых институтов. Как правило, в процессе формирования социальных институтов принимает участие не одно заинтересованное сообщество, а два-три.

Следующая характеристика процесса становления – *изобретение средств* (новых схем и процедур), позволяющих разрешить проблемную ситуацию.

Четвертая, возможно, завершающая характеристика становления нового института – его *осознание и самописание*. Именно здесь формулируется миссия нового института, анализируются характерные для него процедуры, создаются институциональные правила, в какой-то форме обсуждаются интересы сообществ, заинтересованных в институте донорства.

Как уже ставшее социальное образование институт выполняет определенные функции (разрешает социальные проблемы) и устойчиво воспроизводится, а следовательно, институт – способ жизнедеятельности, в какой-то мере осознанный и доступный в смысле освоения заинтересованными социальными популяциями. Именно поэтому разработчики подчеркивали, что решение сдавать кровь и реальная практика донорства не должны быть одноразовыми действиями.

Собственно идею донорства как социального института выдвинули разработчики-методологи (Ю.Грязнова, С.Малявина), которые отвечали за содержательную и идейную сторону проекта. Выйдя на данную гипотезу, они сделали очень важную часть дела в плане задания донорства как *объекта социального проектирования*. Вторая часть, которую тоже сформулировали они же, – уяснение того, что донорство как социальный институт еще нужно было сформировать. При этом возникал такой вопрос: на какой идеал социального института необходимо ориентироваться – бывший в СССР или современный западный?

Проецируя на донорство представления о социальном институте и его становлении, разработчики включили в *принципиальную схему института донорства* следующие составляющие: *органы власти, СПК, общественные организации, регулярных доноров*, а также потенциальных участников института – *первичных и будущих потенциальных доноров*. Чтобы понять, какие факторы могут влиять на принятие решения сдавать кровь, а также вписать институт донорства в культуру (социум), в принципиальной схеме были представлены и *другие институты*, а именно: СМИ, бизнес, образование, религиозные конфессии, различные общественные (не донорские) объединения.

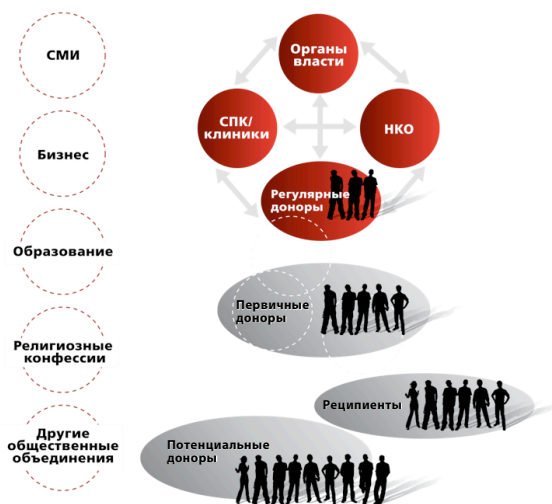

Схема 1. Принципиальная модель института донорства

Следующей, уже теоретической задачей было понять, какие реальные связи могут существовать между основными элементами данной системы и каково содержание последних, то есть, как превратить данную схему в настоящую модель⁸. Для этого сначала было проведено сравнение двух моделей (прототипов) социально-го института донорства – *мобилизационной* и *общественной*.

Для первой модели характерны следующие особенности. Весь процесс от пропаганды и рекрутирования до распределения по реципиентам полностью осуществляется государством в лице министерств и ведомств. Институт донорства регулируется законодательно и финансируется из бюджета. Государство проводит федеральные и региональные кампании по пропаганде, планирует деятельность всех участников и контролирует исполнение необходимых показателей. Такая модель имеет мобилизационный характер и часто основывается на идеологических либо политических установках. Донорская активность поддерживается периодически кампаниями. Мобилизационная модель существовала в Советском Союзе до начала 1990-х гг. Сегодня она действует в Китае, ОАЭ и некоторых других странах.

Теперь характеристики общественной модели. Основная работа по привлечению доноров осуществляется общественными организациями. Формы их могут быть самые разные, однако все они руководствуются общими правилами и тесно взаимодействуют между собой. Формируются такие организации или объединения, как правило, по территориальному признаку, другой вариант – вокруг крупных медицинских учреждений, потребляющих много донорской крови и ее компонентов. Государство задает «правила игры» для общественных организаций, оказывает им необходимое содействие на законодательном уровне. Потребности в донорской крови и ее компонентах формируются «на местах» клиниками и местной службой крови, обслуживающей данную клинику либо несколько клиник. Планы заготовки согласовываются с местными отделениями общественных организаций, а те в свою очередь обеспечивают необходимое количество и качество «донаций» (процедур сдачи крови). Хорошо развита донорская сеть. Донорские НКО понимают, что являются частью системы здравоохранения, поэтому должны обеспечивать эту систему кровью и ее компонентами, когда нужно и сколько нужно. НКО осознает свои обязанности по отношению к донорам, службе крови и всей социаль-

ной системе государства. Доноры – свои обязательства по отношению к больному и обществу. Они рассматривают регулярность сдачи крови, как гарантию качества и безопасности.

Девиз НКО – действовать в партнерстве с государством, при его поддержке, но самостоятельно и без ограничений со стороны государства. Основные функции НКО: призыв, обучение и информирование доноров, пропаганда донорства, организация сбора крови, управление донорами, информационное обеспечение, сотрудничество со службой крови в программировании потребностей, сотрудничество с клиниками в планировании потребностей, рекрутирование и организация работы волонтеров, разработка системы поощрения и стимулирования доноров и волонтеров, фондрайзинг⁹. Данная модель распространена в Европе и успешно функционирует, например, в Италии.

Анализ современной российской ситуации, который провели разработчики проекта, показал, что в настоящее время донорскую реальность лучше всего описывает «смешанная модель». В ней участвуют и государство, и общественные организации. Служба крови отвечает за общий «банк крови», распределяемый по лечебным учреждениям централизованно и без привязки к отдельным клиникам. Сбором и заготовкой компонентов, а также привлечением доноров занимается служба крови. НКО помогают государству как на национальном, так и на местном уровне. Сегодня в России получает развитие именно эта модель. В Европе похожая система работает в Великобритании. Именно смешанная модель была представлена в принципиальной схеме института донорства.

Построение последней было заслугой методологов. Именно они «положили», задали, как бы сказали проектировщики, *исходный эскиз проектируемого социального объекта, в котором были воплощены ценности и идеалы разработчиков, а также первые характеристики будущего объекта (системы донорства)*. Теперь пришла очередь его *конструктивизации*, т. е. разработки и конкретизации¹⁰. Стоит обратить внимание, что эскиз системы донорства описывал не характеристики улучшенной, но существовавшей ранее системы, а принципиально новой.

Действительно, реальная ситуация в России с донорством была весьма далека от желаемой, а существовавший в СССР институт, по сути, деградировал. Целью и проектирования, и управ-

ления было *создание нового института донорства*, совмещающего в себе лучшие черты отечественного и западного опыта. Но анализ ситуации в 2008 году показал, что основные структурные элементы этого института либо отсутствуют вовсе, либо не удовлетворяют в полной мере проектным требованиям. Поэтому была поставлена задача создания нового института донорства и сделаны первые шаги в этом направлении. При этом *процесс институционализации* (становления этого института), как показал опыт работы, включал в себя два основных звена: с одной стороны, *конституирование социального института*, с другой – процессы *самоорганизации*.

Что можно понимать под первым? Выявление в исследовании и практическое формирование основных единиц нового института и связей между ними. Дело в том, что приведенная выше схема института донорства – только схема, причем, так сказать, пустая. Её еще нужно было заполнить реальным содержанием, то есть таким, которое можно было реализовать в жизни материально. Заполнение схемы начинается с задания содержания её «мест»¹¹. Например, наполнение «места» принципиальной схемы – «СПК» – было конкретизировано следующим образом: *Изучение опыта СПК по работе с донорами. Интеграция с СПК на региональном уровне*; наполнение «места» «регулярные доноры» – как *Исследование мотивации регулярных доноров, встречи. Формализация мотивации*; наполнение «места» «органы власти» – как *Методические рекомендации: взаимодействие с властью, база контактных лиц в регионах*.

Следующий шаг – анализ содержания «мест», который в свою очередь состоит из двух частей: *исследования заданных феноменов* (изучение *опыта*, исследование *мотивации* и др., причем даже там, где об исследованиях не упоминается, они имели место) и *выделения определенных действий* (интеграция, встречи и пр.). Понятно, что исследования позволяют получить знания, необходимые для правильных действий, позволяющих создать новые элементы и связи системы донорства.

Например, по статистике ВЦИОМ именно молодежь высказывает наибольшую готовность стать донорами (16–17 лет: 45 %; 18–24 года: 43 %; 25–34 года: 33 %; 35–44 года: 27 %; 45–54 года: 22 %), и на основе этого знания составлялись соответствующие рекомендации.

Другой пример – исследование одного из механизмов социального влияния, позволяющего принимать решения (в данном случае решения сдавать кровь):

– выделение институционального образца, такой образец может быть взят как из современного, но другого общества, так и из прошлых общественных организаций или даже из будущих, футурологически сконструированных;

– принятие этого образца узкой, элитной группой общества, которая знает, что надо делать, и берет на себя ответственность за преобразования перед лицом остального общества;

– передача данного образца другой, менее элитной, но более массовой группе, которая закрепляет результаты начатых преобразований и обеспечивает самовоспроизводство института.

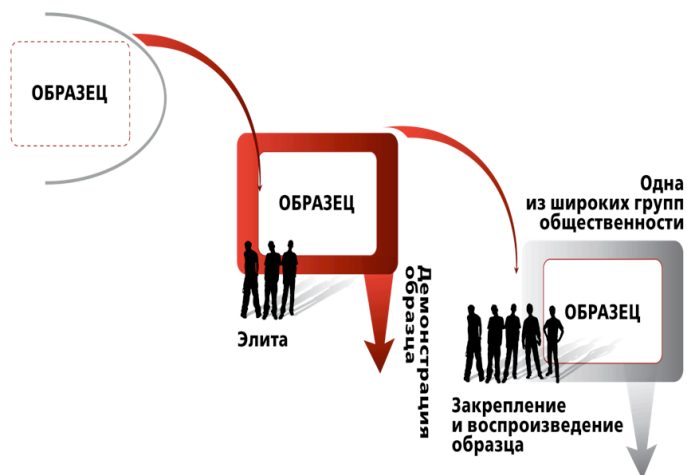

Схема 2. Один из механизмов институционализации

На основе этого исследования были разработаны программа и мероприятия работы со значимыми социальными персонами (известными государственными деятелями, политиками, артистами, ведущими ТВ и пр.), которые пропагандировали донорство и часто сами сдавали кровь.

В целом проведенные методологические и теоретические прикладные исследования позволили разработать и выполнить в 2008–2009 гг. следующие действия (мероприятия):

– детальное информирование населения России о базовой социальной потребности, которую удовлетворяет институт донорства, её масштабах и последствиях в случае невыполнения институтом донорства своих функций;

– формулирование и формирование ценностей института донорства (донорство – норма жизни, донорство – это полезно, донор – здоровый человек и т. п.);

– выявление основных участников института донорства, стимулирование их активности;

– создание стандартов и норм коммуникации, взаимодействия и поведения как внутри отдельных социальных организаций и позиций, так и между ними;

– создание символики и фирменного стиля службы крови, с которым идентифицируется институт донорства в целом, проведение символических акций (Всероссийская видеоконференция, Форум службы крови, отдельные акции в регионах);

– формирование коммуникации и взаимодействия службы крови с другими социальными институтами, указанными на принципиальной схеме донорства.

– планирование традиционных мероприятий для института донорства.

Стоит обратить внимание, что все эти действия реализовывались только в тех регионах, где к переменам была готова инфраструктура (было проведено соответствующее переоснащение станций переливания крови).

Поскольку разработка социального проекта предполагает социальное управление, реализация проекта «Донор» включала такие технологии, как *организация, обучение и настройка сознания*. Как известно, управление – это работа, связанная не только с организацией рабочего процесса (производства в широком понимании), но и с людьми. В последнем случае она в значительной степени сводится к *организации, обучению* и нужной управленцу *настройке сознания* специалистов и пользователей¹². Все эти три вида управленческих воздействий после соответствующих исследований и были реализованы в проекте «Донор». Например, прошли переподготовку и обучение работники станций переливания крови и клиник, существенная работа была проведена с чиновни-

ками органов власти, чтобы сформировать у них правильное отношение к донорству, практически со всеми участниками проекта шла организационная работа.

Основные социальные технологии, выявленные в ходе исследований и частично реализованные в ходе реализации проекта, можно свести в следующую таблицу.

Группы технологий управления сознанием	Конкретные техники управления пониманием
Рефлексивное управление ¹³	<ul style="list-style-type: none"> – Идеология – Реклама и брендинг – Формирование культурных образцов, в основном через визуальное восприятие (кино и телевидение) – «Семиотические вирусы»¹⁴ – Повестка дня и метасюжеты в публичных коммуникациях¹⁵
Управление знаниями ¹⁶	<ul style="list-style-type: none"> – Новые типы знаний, такие как: навигаторы¹⁷, тесты, базы данных – Традиционные типы знания, такие как: научно-теоретические (факты, средства выражения, методики, онтологические схемы, модели, знания, проблемы, задачи), практико-методические, конструктивно-технические¹⁸
Управление через сообщества и разделяемый ими образ жизни ^{19, 20}	<ul style="list-style-type: none"> – Партии – Общественные движения и организации – «Клубы по интересам» – Интернет-сообщества²¹ – Профессиональные ассоциации – Молодежные движения
Инфраструктурное управление ²²	<ul style="list-style-type: none"> – Гаджеты как элемент инфраструктуры²³ – Социальные инфраструктуры: городские, здравоохранение, социальная защита, образование, физкультура и спорт, питание, культура и искусство, формы досуга, корпорации, интернет, рынок труда и т. п.

Нормативное управление	<ul style="list-style-type: none"> – Законодательство²⁴ – Стандарты, в том числе образовательные, профессиональные, стандарты лечения, бизнес-стандарты²⁵ – Организационные схемы, организационные, документооборот: от стратегий и концепций до отчётности – Этические нормы
Обучение и переподготовка	<ul style="list-style-type: none"> – Семинары, тренинги и т. Д.

Теперь посмотрим, что собой представляют процессы самоорганизации – второе звено и сторона процесса институционализации. Это различные изменения (процессы), в том числе встречная деятельность, происходящие в ответ на конституирование социального института (инициируемые конституированием). В данном случае можно указать на два важных процесса: *подключение к процессу становления донорства других институтов*, которые стали активно поставлять новых доноров или поддерживать начинание, и *развертывание активности групп и сообществ самих доноров*. Обычно становление нового социального института инициирует против него борьбу других институтов, идущую за власть и «социальную территорию» – распространение влияния на потенциальных пользователей²⁶. Но институт донорства совершенно особый: он не конкурирует с другими, а напротив, оказался для них привлекательным, поскольку позволял им усиливать собственное социальное значение. Действительно, для бизнеса, СМИ, школы, церкви, ряда общественных объединений участие в донорской работе рассматривается как социальное и гуманитарное служение, усиливающее их собственную миссию.

И сами доноры оказались очень активными: они создавали объединения, пропагандировали донорство, общались на почве донорской практики. Организаторы проекта проводили традиционные мероприятия, такие как, например, «День донорского совершеннолетия»: в этот день в сентябре студенты второго курса (практически всем уже к этому моменту исполняется 18 лет, и они имеют право по законодательству сдавать кровь) по всей стране устраивали донорские акции у себя в вузах, по итогам их сами студенты уже становились инициаторами продвижения донорства.

Последнее для них становилось общим добрым делом, по поводу которого можно было вести реальную полезную и результативную деятельность (неимитационную). Выяснилось, что многие россияне стремятся к осмысленной общественной деятельности, готовы к социальному служению. Именно этим, например, можно объяснить широкое участие в становлении донорства волонтеров. Многие из них по разным причинам сами не могли стать донорами, но тем не менее волонтеры помогали пропагандировать и организовывать сдачу крови.

Проект «Донор» вполне можно считать успешным; россияне пошли сдавать кровь, и пошли хорошо. На втором году реализации проекта В.Уйба писал следующее: «Мы за полтора года сделали очень большой рывок. Если к 2008-му цифра по стандарту донора на тысячу населения в стране приближалась к 10, то за полтора года работы в тех субъектах, где мы полностью провели переоснащение учреждений службы крови, а также работу по возобновлению массового донорства и создали единую информационную службу в учреждениях службы крови, планка поднялась до 40 человек»²⁷. А вот что он пишет в конце четырехлетнего завершения программы: «Самое главное, мы сняли проблему потребности плазмы и крови в клинических учреждениях. За четыре года 87 учреждений службы крови во всех 83 регионах страны плюс 15 федеральных учреждений прошли полное переоснащение по медицинским технологиям и оборудованию. По объективным показателям объем заготовки крови вырос на 7 %, плазмы – на 6 %. Колоссально вырос объем плазмы, заготовленной аппаратным методом – до 75 %. Понятно, что повышение объемов заготовки компонентов крови возможно только благодаря донорам. Соответственно увеличилось число доноров плазмы – на 11 %. Как следствие в лечебно-профилактических учреждениях по всей стране выросло и потребление плазмы (на 6%). Важным показателем следует считать и то, что сегодня у нас есть сведения по каждому субъекту о количестве и качестве заготовленных компонентов крови. В случае возникновения чрезвычайной ситуации можем управлять этими запасами. За счет того, что мы хорошо изучили донорский потенциал в каждом субъекте, мы знаем, на какой резерв мы можем рассчитывать. Это будет актуально, когда начнут работать линии по фракционированию плазмы и когда запустится Кировский завод «Росплазма»<...>

программа будет продолжаться. Донорство не терпит пустоты. Если мы остановим программу, то рано или поздно окажемся в той же ситуации, что сложилась к 2006–2007 гг. На 2012 год из бюджета на программу выделяется 5 млрд. рублей. Мы по-прежнему будем переоснащать станции – в 2012 г. их 19 (в 8 субъектах РФ). Эти же станции мы будем включать в единую информационную базу. Продолжаем мы и коммуникационную программу по развитию добровольного донорства»²⁸.

Успех программы «Донор» не в последнюю очередь был обусловлен участием в команде социального проектирования и управления методологов. Именно они предложили стратегию решения проблемы и осуществляли идейное и методологическое сопровождение социального проекта. Поэтому имеет смысл охарактеризовать основные принципы их работы.

– Методологическое проектирование, исследование и сопровождение входят органической частью в преобразование сложившейся ситуации и становление интересующего общество феномена.

– Для целей управления преобразованиями необходимо различать два взаимосвязанных горизонта: собственно *преобразования* как *искусственный* план и *становление феномена* как *план естественный*, причем *преобразования* и *методологическая работа участвуют в становлении данного феномена*. Так методологическая работа и различные мероприятия, направленные на создание института донорства, вносили вклад в становлении этого института.

– Особенности и характеристики становящегося феномена (целого) выявляются и определяются на методологических схемах и дальше уточняются и доводятся в процессе реализации методологического проекта.

– Необходимое условие конкретизации и нужного видоизменения методологического проекта – *исследование* подсистем, единиц и отношений становящегося феномена, выявляемых на методологических схемах. Другое условие – *формирование* подсистем, единиц и отношений, заданных методологическими схемами, поскольку «естественные составляющие» становящегося феномена конституируются в целенаправленных преобразованиях (обучении, переобучении, коммуникационных кампаниях и прочее).

– Эффективность методологических схем и проекта обусловлена не в последнюю очередь тем, насколько правильно выявлена социальная проблема, есть ли в обществе потребность в предлагаемых изменениях (например, при реализации проекта «Развитие донорства» выяснилось, что у многих россиян существует острая потребность в осмысленных, общественно значимых делах), обеспечено ли методологическое управление и сопровождение.

– Методологические схемы и знания не могут считаться строгими моделями, их эффективность и моделесообразность выясняются в процессе реализации методологического проекта. Сама же эта реализация представляет собой интерактивный процесс, в ходе которого уточняются и, если нужно, пересматриваются и замысел, и схемы, и проект.

В целом логика действий в рамках данной социальной технологии подчиняется принципу, который можно назвать «принципом смены реальностей и модальностей». Так, методологическое проектирование и задание целого, в данном случае донорства как социального института, предполагает «искусственную модальность» и движение в «проектной реальности». В свою очередь проектирование и методологическая работа опираются, как говорилось выше, на исследования, что означает смену модальности с искусственной на естественную и переход в реальность научного мышления, более широко – в реальность познания, поскольку знания могут быть не только научные, но опытные. Формирование недостающих единиц и отношений целого – это опять модальность искусственного, но реальность теперь другая, а именно, реальность «практического действия». Однако поскольку формирование так же, как и вообще методологическое управление процессом становления института донорства, входит в это становление и поэтому может изучаться, в частности, в целях коррекции исходных схем, установок и целей, постольку одновременно имеет место модальность естественного и реальность становящегося целого – института донорства.

Особо стоит обсудить аксиологическую сторону задания целого. В данном конкретном случае для всех были очевидны положительные ценности восстановления института донорства. Для больных это надежда на спасение жизни и излечение. Для врачей донорская кровь – совершенно необходимое средство и ресурс их

профессиональной деятельности. Для доноров сдача крови – одно из условий реализации личности и социальной идентификации (помогаю ближнему, жертвую свою кровь на благое дело, поэтому ощущаю единство с другими людьми и соотечественниками и прочее). Для общества донорство как массовое движение – свидетельство его консолидации и единения.

Но значительно чаще абсолютная положительная ценность намечаемых социальных изменений не проглядывается, зато возникают разные соображения, свидетельствующие о возможных негативных последствиях. Например, та же методологическая группа (Ю.Грязнова и С.Малявина) в Минздравсоцразвития России ведет и второй проект – «здоровый образ жизни». Что в данном случае можно считать целым? Только ли такое поведение человека, когда он не пьет, и не курит, и не колется? Очевидно, нет. Может быть, тогда такое поведение, когда человек критически относится к ценностям и образу жизни техногенной цивилизации, предпочитая машинам и дачам велосипед и отдых в палатке? Однако каким образом можно жить в обществе, ориентированном на технику и потребление, игнорируя последние? Или такое обстоятельство: что хорошо для одних, не походит для других, правильная, здоровая жизнь для одного не означает то же самое для другого.

Может ли в этом случае методолог решать за других, как им жить и что значит здоровый образ жизни? Думаем, нет. В задании целого, вероятно, должны участвовать в рамках своей компетенции не только специалисты, но и основные заинтересованные лица. Это, во-первых, отдельный человек, во-вторых, в целом общество, в-третьих, ведомства и сферы, так сказать, специализирующиеся на здоровье: система здравоохранения, физическая культура и спорт, образование и др. Проблема, однако, в том, что все эти субъекты не имеют согласованного, а часто вообще осмысленного с точки зрения современных вызовов и знаний понимания того, что такое «здоровая, правильная жизнь».

Здоровье – сверхсложный феномен, вклад в который вносят и различные социальные практики, и социальная среда, и активность, отношение к своей жизни и здоровью самого человека. Новое понимание здоровья сегодня только-только устанавливается. Его, вероятно, нельзя сформировать и выстроить, как здание. Оно может только сложиться, прорасти, но не без наших с

вами усилий. Составляющие этих усилий – широкое обсуждение в обществе проблем здоровья и не только здоровья, но и правильной жизни, а также социальности, ее смысла; создание концепций и на их основе дисциплин, позволяющих по-новому увидеть здоровье и действовать практически; выработка культурной политики, способствующей становлению новой реальности здоровья, консолидирующей всех заинтересованных субъектов; подготовка специалистов и помощников, которые бы инициировали, запустили и поддерживали трансформации основных практик и концептуализаций здоровья²⁹.

Решение всех этих задач предполагает социальное управление и проектирование, отдельные характеристики которых мы здесь рассмотрели на материале удачного проекта «Донор».

Примечания

- ¹ *Розин В.М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М.–Воронеж, 2008. С. 322–398.
- ² *Розин В.М.* Природа и особенности социального проектирования (от замысла к реализации) // Социальное проектирование в сфере культуры: Методологические проблемы. М., 1986. С. 40; *Розин В.М.* Проектирование как объект философско-методологического исследования // *Вопр. философии.* 1984. № 10.
- ³ *Марача В.Г., Розин В.М.* От социального проектирования к консалтингу и снова к социальным проектам? // Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М., 2008. С. 7.
- ⁴ <http://www.yadonor.ru>.
- ⁵ Не секрет, что деятельность наших предприятий и социальных структур в значительной степени зависит от отношений с властями и чиновниками разных уровней. Эта зависимость обусловлена двумя обстоятельствами: самой природой власти, постоянно стремящейся подтвердить и расширить свой властный потенциал (полномочия), а также желанием получить от своего места и статуса доход (ренту). С одной стороны, чиновник должен поддерживать свой институциональный статус, изображая эффективную работу, поскольку именно его место приносит доход, с другой – он изобретает *схемы*, позволяющие так трансформировать свой статус и место, чтобы они давали ренту. Примерами таких схем являются откаты, расширение контролирующих функций, откладывание под разными предлогами принятия решений и другие. С.Б.Мирзоев показывает, что речь чаще всего идет не об отдельных случаях получения незаконного вознаграждения за работу, положенную чиновнику по статусу, а о настоящем «рентостроительстве», когда, чтобы получать от своего места постоянный, а лучше всё увеличивающийся доход, чиновник лоббирует

- ет принятие нужных законов или инструкций, подбирает на нужные должности «своих», устанавливает правила и регламенты, работающие именно на извлечение ренты (из доклада С.Б.Мирзоева «Институциональная коррупция» (18.02.2011. <http://www.fondgp/lib/seminar/2010-2011/institut/6>).
- 6 Социальные преобразования в нашей стране сознательно, но чаще бессознательно осуществляются на самых разных уровнях социального действия, начиная от государства в целом, кончая существованием отдельного чиновника. В.Г.Федотова в книге «Модернизация “другой Европы”» пишет, что исторически Россия всегда была модернизирующей страной – от Петра I, Александра II, большевиков до нынешних реформаторов. И сегодня, отмечает она, Россия не может отказаться от социальных проектов. Одна из проблем в этой сфере – как поставить заслон массовым социальным преобразованиям и изменениям, вызывающим все возрастающий объем негативных социальных последствий. Трагизм ситуации заключается в том, что большинство социальных реформаторов (социальных инженеров и проектировщиков) не отдают себе отчета, что их вроде бы частные, локальные решения, суммируясь и сливаясь на уровне страны в бурный поток, быстро изменяют облик социальной и общественной жизни. Причем изменения эти не только не совпадают с замыслимыми и декларируемыми целями, но чаще им противоположны. Здесь повсеместно действует формула Черномырдина: «Хотелось как лучше, а получилось – как всегда», то есть плохо.
 - 7 Перечисляемые ниже характеристики взяты из работ по анализу социальных институтов, например: *Малиновский Б.* Научная теория культуры. М., 1998; *Марача В.Г., Матюхин А.А.* Методологические проблемы изучения и формирования политико-правового пространства. Ч. 1 // Системные исследования. Методол. пробл. Ежегодник 2002. М., 2004; Ч. 2 // Системные исследования. Методол. пробл. Ежегодник 2003–2005. М., 2006; *Ориу М.* Основы публично-го права. М., 1929; *Шмерлина И.А.* Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов // Социол. журн. 2008. № 4.
 - 8 Г.П.Щедровицкий и один из авторов показывают, что построение схем – только первый шаг и познания, и проектирования. Следующие шаги направлены на превращение построенных схем в модели и проекты (см.: *Розин В.М.* Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре. М., 2011).
 - 9 Фандрайзинг, иногда *фандрэйзинг* (от англ. *Fundraising*) – процесс привлечения денежных средств и иных ресурсов (человеческих, материальных, информационных и т. д.), которые организация не может обеспечить самостоятельно и которые являются необходимыми для реализации определенного проекта или её деятельности в целом.
 - 10 Эти этапы эскизирования, разработки и конкретизации, наконец, реализации рассмотрены в той же работе Розина «Введение в схемологию. Схемы в философии, науке, проектировании, культуре».
 - 11 Различение «мест» структуры и их «наполнений», а также другие категории системно-структурного анализа подробно обсуждаются в работах Г.П.Щедровицкого (см.: *Щедровицкий Г.П.* Избр. тр. М., 1995. С. 57–115, 474–481).

- 12 *Голубкова Л.Г., Розин В.М.* Философия управления. Йошкар-Ола, 2010.
- 13 *Лефевр В.А.* Рефлексия. М., 2003.
- 14 *Rushkoff D.* Cyberia: Life in the Trenches of Hyper-space. N. Y., 1994.
- 15 *Наумов С.А.* Гуманитарные знания и технологии в пространстве масс-медиа (философско-методологический анализ) (www.stanislavnaumov.ru).
- 16 *Друкер П.* Управление знаниями: рождение новой организации. М., 2006.
- 17 *Генисаретский О.И.* Навигатор: методологические расширения и продолжения. М., 2003.
- 18 *Щедровицкий Г.П.* Синтез знаний: проблемы и методы // *Щедровицкий Г.П.* Избр. тр. С. 634–666.
- 19 <http://www.soobshestva.ru>.
- 20 *Тейлор Ч.* Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами (<http://kant.narod.ru/taylor.htm#n>).
- 21 *Агитон К.* Сетевые сообщества и будущее интернет-технологий (<http://www.polit.ru/lectures/2007/05/31/web.html>).
- 22 *Глазычев В.Л.* Глубинная Россия: 2000–2002. М., 2003.
- 23 *Ваганов А.Г.* Предсказание настоящего времени // Социальное проектирование в эпоху культурных трансформаций. М., 2008.
- 24 Там же.
- 25 *Синюгин В.Ю.* Искусство реформирования. М., 2005.
- 26 *Розин В.М.* Теория культуры. М., 2005.
- 27 <http://www.rian.ru/donors/20090715/188981691.html>.
- 28 http://www.yadonor.ru/ru/service/interviu/index.php?id_41=38.
- 29 *Розин В.М.* Концепция здоровья. М., 2011.

И. Браун (Жешко)

Модель организации Сола Алинского

Пусть они зовут меня бунтарем,
меня это не беспокоит, однако
меня замучают угрызения сове-
сти, если я продам свою душу...

Томас Пейн (эпиграф к книгам
Сола Алинского «Reveille for
Radicals» и «Rules for Radicals»)

Сол Алинский (Saul Alinsky, 1909–1972) сейчас намного известнее у себя на родине, чем при его жизни. Новая волна популярности этой противоречивой фигуры, часто называемой американским Макиавелли, связана не только с его собственными профессиональными достижениями, о которых мы будем говорить дальше, но и с именем его знаменитого последователя – президента Америки Барака Обамы. Еще большую известность принесла Алинскому организация ACORN¹ целая сеть подобных организаций в Америке и зарубежом, созданных во многом по образцам социальных экспериментов Алинского и его модели соорганизации людей². Социальные организаторы (social organizers) и созданное ими общественное движение привели к власти своего президента в Америке и способствовали переизбранию его на второй срок, они же сформировали его программу действий как в ее конструктивной части (реформа здравоохранения, образования, иммиграции и т. д.), так и в смысле национальных проблем, которые ему выпало решать: экономический кризис и огромный государственный долг. Обама был выбран коалицией разных социальных групп и меньшинств, которые, как я покажу дальше, были соорганизованы в течение многих лет с помощью социальных технологий, первоначально изобретенных Алинским.

Алинский не создал своего собственного социального учения (он намеренно чуждался всякой политической идеологии и избегал вставать под чьи-либо знамена, будь то коммунисты, де-

мократы, либералы, националистические движения и т. д.) – его **основной вклад состоит в создании новых эффективных социальных технологий, своей школы социальной организации, коллективной самоорганизации и коллективного социального действия.**

Эксперименты Алинского и начатое им движение уже давно известны в России, хотя его книги и не переведены полностью³. Его опыты даже вдохновили похожее движение по соорганизации соседских общин в России в 1980–1990-х. Движение получило название территориального общественного самоуправления, однако оно быстро захлебнулось⁴. Российские эксперименты ставили своей целью развитие самоорганизации и личной ответственности членов соседских сообществ. Его лидеры пытались воспитать свой русский тип организатора или, как его называет Кокорев, «социального инженера-аниматора, созидающего основы полноценного общественного бытия в основании огромной политической пирамиды»:

*«Алинский дал теоретическое обоснование роли **соседско-го сообщества** как противовеса структурам государственно-монополистического централизма. Он разработал стратегию единства средних слоев, малоимущих чернокожих американцев и этнических меньшинств в отстаивании своих интересов на местном уровне»⁵.*

Нас, однако, в этой статье будет интересовать американская история созданного им движения, точнее, нескольких взаимосвязанных движений, которые взяли на вооружение его технологии и его модель соорганизации людей.

Основная задача этой статьи – проследить эволюцию взглядов и практики Алинского в области социальной инженерии в течение его жизни, а также дальнейшую судьбу созданных им технологий социального изменения (мирной революции) и сопоставить первоначально декларируемые цели с реальными результатами.

Помимо создания технологий социального изменения, Алинский сделал еще одно открытие, которое хотя и осталось практически незамеченным, без преувеличения, определило дальнейшее развитие социальной системы Америки, некогда бастиона капитализма. Отказавшись от марксистского видения пролетариата как

движущей силы революции, Алинский сделал ставку на другие социальные группы, которые в данный момент чувствуют себя наиболее обездоленными и лишенными возможности изменить ситуацию (the Have-Nots). Разорвав причинную связь между пролетариатом и революцией, Алинский, по сути, создал технологию формирования революционной силы из любой, даже предельно атомизированной и территориально рассеянной социальной группы или групп, если они видят себя как the Have-Nots. В первом из его экспериментов это были рабочие отдельной фабрики, недавние выходцы из Европы, затем жители черного чикагского гетто, ищущие работу и приличные жизненные условия, далее мексиканские крестьяне, затем получатели пособий от государства, сексуальные меньшинства, «зеленые» и далее многие другие. Забегая вперед, скажу, что ядром электората Барака Обамы стали двадцать две социальные группы населения, каждая из которых была соорганизована последователями Алинского.

Многие современные критики Алинского называют его идеологом наступления на фундаментальные основы американского общества. Между тем парадокс деятельности Алинского как социального технолога состоит в том, что он считал себя активным защитником демократии, как она была задумана отцами-основателями, патриотом Америки и посвятил всю свою профессиональную жизнь ее ревитализации. Он пытался скрестить демократические идеи отцов-основателей Америки с современными прогрессистскими идеями⁶ и хотя выиграл много отдельных сражений на этом фронте, но, как я попытаюсь показать, проиграл свою войну в целом.

Биография

Алинский поступил в чикагский университет в 1926. Он собирался стать археологом, но начавшаяся Великая экономическая депрессия положила конец его мечтам об этой профессии, т. к. ее финансирование пришло в упадок.

Солу практически чудом удалось получить стипендию по специальности «криминология». Всемирная слава придет к этому университету несколько позже, но уже тогда факультет соци-

ологии, возглавляемый Хербертом Мидом (Herbert Mead), был на мировом уровне. Несколько социологов университета были увлечены проблемами города, в частности трущоб и детской преступности. Будучи студентом, Алинский работал в одном из исследовательских проектов по этой тематике. Он даже сдал несколько кандидатских экзаменов, но позже передумал и отказался от идеи получения докторской степени. Во время работы на объектах он общался с местной мафией и в частности со знаменитым Ал Капоне (Al Capone), а после ареста последнего в 1931 с его преемником Франком Нитти (Frank Nitti). Близкое знание образа жизни и манер поведения мафиози оказало существенное влияние на его собственную работу в качестве организатора коммюнити. Знакомство с криминальным миром натолкнуло его также на размышления о различных источниках власти в обществе и стратегиях ее перехватывания.

Как и многие его сограждане, Алинский заинтересовался политикой в годы Великой депрессии. Первый поворот в сторону организации соседских общин и одновременно в сторону политической деятельности Сол сделал в 1932, когда по предложению профессора Шоу (Shaw), включился в исследовательский проект в одном из районов Чикаго, известном в городе самым высоким уровнем преступности среди молодежи, бедности, заболеваемости туберкулезом и детской смертности. Это, скорее всего, был первый проект в истории социологии, целью которого было не просто исследовать ситуацию, а воздействовать на нее. Шоу намеревался проверить гипотезу, которая в будущем станет аксиомой, даже трюизмом в организационной теории: **участие (participation) людей в соорганизации и управлении своим сообществом улучшает жизнь последнего, позволяет ему успешнее осуществлять нововведения и контроль за отклоняющимся поведением внутри себя, отражать угрозы извне и достигать внешних целей сообщества**⁷.

На заключительной стадии проекта Алинский был прикомандирован в качестве организатора к району «Черный квартал» (Back of the Yards) (BYNC) в Чикаго. Здесь, в этом районе, закончилась его студенческая жизнь и началась собственно профессиональная карьера, здесь к нему впервые пришло понимание того, что он хочет делать в жизни.

Back of the Yards – На задворках

Этот район сложился на окраинах завода по забою, разделке и расфасовке мяса. В то время упаковка мяса была второй по величине индустрией в Чикаго. Жизнь в трущобах, прилегающих к заводу, описана в шедевре американского писателя Эптона Синклера «Джунгли». Безработица в этом районе достигала 20 %. Рабочие завода, недавние эмигранты из Европы: поляки, ирландцы, литовцы, словаки, немцы и другие небольшие группы, а также их семьи – проживали в антисанитарных условиях и по уровню доходов находились за чертой бедности. Многочисленные этнические группы привезли с собой из Европы взаимную антипатию, открыто враждовали друг с другом, ходили только в собственные церкви и клубы и практически не соприкасались в быту⁸.

Алинский в этом проекте отошел от рецептов и подхода, предложенных его научным руководителем. Организация, которую они создали со своим местным единомышленником, больше напоминала территориальный профсоюз, т. е. организацию лидеров первичных ячеек, клубов и церковных общин, чем организацию индивидов, как предлагал Шоу. Более 100 местных организаций послали своих представителей в созданный Совет BYNC⁹. Первый эксперимент Алинского занял семь долгих лет. По чистому совпадению первое заседание Совета было назначено на 14 июля 1939, в канун национальной забастовки профсоюзов, однако совершенно не случайно, а по инициативе Алинского вновь созданный Совет поддержал эту забастовку. Так демократическое движение на местном уровне с момента своего рождения оказалось вовлеченным в юнионистскую политику, со всеми их достоинствами и родимыми пятнами.

На пике организаторской деятельности в BYNC Алинский познакомился с лидером комитета промышленных организаций (Committee for Industrial Organizations), легендарной личностью в профсоюзном движении Джоном Льюисом (John L. Lewis). Только в одном 1937-м Льюис вовлек в профсоюзы более трех миллионов людей и превратился в одного из самых влиятельных людей в Америке. Алинский находился под сильным влиянием этой харизматической личности и после смерти Льюиса написал его биографию¹⁰. Он многому научился у своего старшего друга, в частности, взгляду на всех, кто обладал властью в обществе («haves»),

как противников, а также **неортодоксальным методам борьбы с ними, технике манипулирования и контроля над событиями и людьми**. Эти методы также были использованы и усовершенствованы им в практике создания организаций.

В BYNC закончился чисто академический период карьеры Алинского и начался период накопления опыта в производной от социологической науки области социальной инженерии. **Опыт создания и функционирования BYNC был им впоследствии от-рефлектирован, описан и превращен в образцы и заповеди «деятельности соорганизации» (social organizing)**. Алинский будет продолжать использовать в своей деятельности научные термины «гипотеза», «эксперимент», «модель», однако они будут уже иметь новое, социально-инженерное наполнение.

Накануне первого собрания Совета BYNC Алинский написал декларацию (конституцию) этой организации:

«Эта организация основана с целью улучшения благостояния людей района (коммьюнити) независимо от их расы, цвета кожи и происхождения путем создания демократического способа жизни».

Именно в этот момент скучное словосочетание community organizing превратилось в противоречивую, важную и даже романтическую деятельность возрождения демократического способа жизни на местном уровне. Лозунгом BYNC стало перефразированное вступление к американской конституции: «Мы, люди, сами создадим нашу судьбу» (We the people will work out our destiny). Этот лозунг наилучшим образом отражал демократические взгляды Алинского и его программу действий в области создания местных общественных организаций.

Официальный статус Алинского в Совете и во всем проекте был очень неопределенным: социолог? криминолог? консультант? представитель профсоюза? Эта неопределенность была запрограммирована Алинским и поддерживалась им сознательно. Впоследствии она стала характерной для всех организаторов его школы, она давала им возможности, не ограниченные никакой специфической должностью, возможности демиурга. Хотя Совет, состоящий из местных лидеров, был демократическим по форме, Сол всегда сохранял довольно полный контроль над его функционированием (заметим, что то же правило в еще более явной форме будет практиковаться во всех последующих организациях,

создаваемых Алинским, а также и в ACORN). Сол шутил по этому поводу: организация, конечно, демократическая, но мой голос весит больше всех остальных взятых вместе¹¹. Его статус целиком базировался на его личном авторитете и таланте лидера, т. е. интеллектуальной способности предвидеть и контролировать ситуацию в ее развитии.

Перенос модели

Следующим экспериментом Алинского было создание Community Service Organization (CSO) в Калифорнии¹². Двое его учеников сформировали сеть организаций среди мексиканского населения в конце 1940-х. CSO приготовила тысячи мексиканцев к сдаче экзаменов на гражданство, зарегистрировала их в качестве новых избирателей и способствовала избранию первого с 1879 конгрессмена-мексиканца¹³. CSO стала также новым этапом в развитии технологии организовывания. Если BYNC (Чикаго) была объединением организацией (суперорганизацией), где люди уже имели опыт существования в первичных организациях (клубах, церквях, ассоциациях, и др.), то у мексиканцев на момент эксперимента этот опыт практически отсутствовал. У них также не было признанных общественных лидеров и даже самого вкуса и интереса к демократическим формам жизни. В данном случае надо было создавать заново культуру и навыки существования людей в организациях и, шире, в обществе, основанном на них. Оказалось, что из всех типов организаций в не-ассоциированных сообществах легче всего создавать организации авторитарного типа (криминального, революционного и т. п.), с жесткой вертикалью и полным контролем над его членами. Организаторам так и не удалось вырастить жизнеспособную организацию демократического типа с полным самоуправлением. Неудача эксперимента CSO продемонстрировала невозможность прямого переноса успешного опыта из одной культурной среды в другую, из одних социальных условий в другие.

Проблема адаптации организаторов к культуре контингента, подлежащего организационному действию, возникла и в других этнических общинах. Алинский сделал соответствующие выводы

из этих неудач. Он выделил несколько социальных факторов, которые влияют на «организационную тактику», в первую очередь «cultural imprint» (мораль, личность, характер, эго и т. д.) и персональную идентификацию членов общины. Алинский также построил своего рода классификацию разных социальных субъектов, с которыми организатору приходится иметь дело в процессе соорганизывания на данной территории.

Эксперимент BYNC, а также уроки, извлеченные в этой и последующих работах 1940-х, описаны Алинским в книге *Reveille for Radicals*¹⁴.

Reveille for Radicals – Побудка для радикалов

Первое слово в названии этой книги можно перевести по-разному: утренняя заря, побудка, подъем. Книга была напечатана в 1946 и переиздавалась несколько раз. Она была заказана University of Chicago Press, однако каждая стадия её прохождения в издательстве вызывала конфликт: его руководство считало ее слишком радикальной и опасной. Книга могла быть напечатана в другом, не академическом издательстве, но для Алинского связь с alma mater была крайне важна в смысле личного престижа как социолога и консультанта.

После признания прессой эксперимента в BYNC успешным Алинский сделал многое, как сказали бы методологи, чтобы перевести этот коллективный опыт на язык правил и методов соорганизывания, **создать модель эксперимента и организовать ее распространение** (перенос) в другие среды и **тем самым превратить отдельный эксперимент в движение**.

В предисловии к переизданию книги в 1969 году Алинский суммирует свой опыт по созданию образцов социального организывания в следующих словах:

«Посредством действий, рефлексии, исследований, экспериментов и синтеза я научился выделять (дистиллировать) опыт из жизни. Опыт есть результат интеграции действий и событий жизни так, чтобы они организовались в значимые универсальные образцы (выделено мной – И.Ж.). ...Я научился искать законы изменения...»¹⁵.

Объясняя смысл проделанного эксперимента, Алинский пишет, что в современном городе большинство людей обречено на анонимность, что люди не знают имен соседей и не интересуются их судьбами. Городская анонимность есть своего рода отпадение от социальной жизни и разрушение самых основ демократического общества. Выходом из этого положения является создание первичных организаций и выстраивание общественной системы снизу вверх. Люди, решая совместно собственные проблемы в своих организациях, таким образом участвуют в решении проблем общества в целом. Эти соображения могут показаться самоочевидными сегодня, однако они не были таковыми для недавних эмигрантов и жителей трущоб. Алинский привнес новую идеологию и систему понятий в сознание и жизнь этих людей: гражданин, участие, демократия, ответственность, американский образ жизни. Этот язык и способ действия был предназначен помочь людям организовать свою жизнь. Алинский верил, что общественные организации в большей степени, чем существующие социальные институты (церковь, профсоюзы, партии, и т. д.), способны вдохнуть жизнь в американскую демократию и восстановить ее витальность, что организации более приспособлены к тому, чтобы противостоять коррупции, номенклатуризации и другим современным болезням социальных институтов.

В книге Reveille Алинский посвятил целую главу своему идеальному герою, «радикалу», возмутителю общественного спокойствия, как сказали бы сейчас, агенту социального изменения (в частности, своему личному герою, лидеру Американской революции Томасу Пейну), его ценностям и примерам деятельности. Алинский дает портреты нескольких «классических» радикалов. Образ «радикала» как агента изменения и его последующая эволюция в практике социального действия заслуживает отдельного исследования.

Алинский описал основные шаги, этапы и моменты создания общественной организации и описал их в главе «Строительство общественной организации»: роль организатора на всех этапах ее создания; проблематизация ситуации; разработка и принятие программы организации; опора на местных лидеров; учет и использование местных традиций и организаций; выбор организационной тактики; просвещение и подготовка членов организации; тактика

и методы работы с конфликтом; мобилизация радикалов. Автор также намечает последовательность шагов в эксперименте с позиции рядовых участников, задачи и возможные препятствия на каждом этапе, поиск людей со способностями лидеров и их развитие в этом качестве¹⁶.

Основной целью строительства любой организации Алинский считает борьбу за власть, которая будет использована для осуществления целей организации. Следующей по важности целью является образование ее членов. Речь идет об очень специфическом предмете образования – началах демократии, механизме осуществления ее в Америке. Как правило, состав людей в создаваемых организациях очень разнороден по профессиям, этническим группам, прошлому опыту и т. д. В процессе строительства организации ее члены знакомятся со взглядами и интересами других людей и целых социальных групп, осмысливают в процессе рефлексии свои и чужие поступки и их результаты на специально отведенных для этой цели сессиях. Обучение не носит традиционного, формального характера, скорее организатор целенаправленно создает для этого различные каналы, площадки и возможности и, главное, подходящий климат для образования людей внутри процесса соорганизации. Каждый проект, осуществляемый организацией, по мнению автора, должен включать в себя образовательные возможности.

Созданные по инициативе организаторов, новорожденные организации, безусловно, испытывали их влияние на начальном этапе, прежде всего в выборе самой композиции организации и ее программы. Однако это влияние было крайне мягким по форме. Кроме того, запустив новую организацию в жизнь, организаторы на определенном этапе ее «взросления» выходили из игры, и далее она начинала жить и действовать совершенно самостоятельно. Алинский предостерегал будущих организаторов от попыток манипулирования организациями, тем более от манипуляции в интересах заказчиков экспериментов. В начальный период движения организаторы всегда руководствовались собственными убеждениями и, получая финансовую поддержку извне, тем ни менее никогда не принимали конкретные наказы от тех, кто их финансировал.

Проблеме тактики организационной деятельности, основанной на распознавании и использовании социологических и социально-психологических характеристик членов организации, посвящена самая большая глава в его первой книге¹⁷, в ней он в первый раз формулирует **основные правила сорганизовывания**.

«Побудка» стала настольной книгой для нескольких поколений организаторов. Однако ее автор не считал, что организационная деятельность может быть освоена только в классной комнате и только по книгам, в его школе подготовка организаторов осуществлялась штучным методом в практической деятельности и только под непосредственным руководством учителя.

Woodlawn – Смена парадигмы: от организовывания соседских общин – к прямому политическому действию

Включение Америки во вторую мировую войну на время приостановило социальные эксперименты Алинского. После ее окончания он снова вернулся к ним. В 1944 на волне успеха BYNC Алинский организовал фонд Industrial Areas Foundation (IAF) на деньги спонсоров, преимущественно католических организаций.

В послевоенный период он загорелся целью преодоления расовой сегрегации во имя достижения экономической и социальной справедливости. Одновременно со сменой цели сменилась и тактика социального действия создаваемых организаций.

Цели и принципы деятельности Алинского в начале 1960-х уже сильно отличались от тех, которые были у него во времена BYNC. Акцент в его экспериментах сместился с опоры общин на собственные силы **в сторону получения общинами специальных привилегий** (никто не использовал это слово, предпочитали говорить «fair share», «help») **путем перераспределения в пользу его клиентов средств города, штата и государства, складывающихся в результате сбора налогов.**

Проект Woodlawn (район Чикаго со значительной долей черного населения) начался в 1961¹⁸. Созданная с большой помпой организация ставила своей целью «формирование выдающегося сообщества», основанного на «самоопределении, которое приносит людям самоуважение», опоре на собственные силы, а не на государство.

Если в первом эксперименте BYNC организаторам действительно удалось создать постоянный источник доходов организации, достаточный, чтобы она могла поддерживать независимое существование, то все большинство последующих организаций, создаваемых фондом Алинского, включая Woodlawn, оказывались неспособными существовать на членские взносы и собственные благотворительные акции. В результате они становились зависимыми от внешних доноров, добровольных или же принужденных к пожертвованиям. Организации, созданные в подобных общинах, часто добывали деньги у крупного бизнеса акциями публичного шантажа и протестов. Если в первой книге эти акции носят почти невинный и благонамеренный характер, то в практике шестидесятых они уже граничат с рэкетом и запугиванием, другими словами, превращаются в механизм «принуждения к сотрудничеству» (эти правила будут описаны в следующей книге Алинского, «Правила для радикалов», и превратятся в библию нового движения).

Несмотря на риторику опоры на свои силы и построения «выдающегося сообщества», организация в Woodlawn все меньше и меньше занималась делами своей общины, ее интеграцией, как это было в первом эксперименте Алинского, и все больше становилась еще одним боевым отрядом в движении за гражданские права черного меньшинства. Соответственно в Woodlawn не сложилась хорошо структурированная, дисциплинированная организация, представляющая интересы своего населения. Лидер проекта Николас вон Хоффман (Nicolas von Hoffman), один из самых первых учеников Алинского, привел в своей книге анекдотический пример такого поведения: после вечера, на котором собирались пожертвования среди населения на нужды организации, вырученные деньги были потрачены организаторами на собственную пирушку¹⁹.

В Woodlawn Алинский начал свой первый эксперимент по введению расовой квоты как способа преодоления расовой сегрегации в расселении. Он убедил белое население района и их местных лидеров допустить подселение определенной квоты афроамериканцев, создав для последних специальные дома для бедных (такие дома получили название project). Идея квоты возникла у него двумя годами ранее и была сформулирована им в первый раз на слушаниях о гражданских правах в Конгрессе в 1959. Позже она получила поддержку американского истеблишмента, была

доработана и оформлена как президентский исполнительный приказ, известный как Affirmative Action сначала в одном штате, а потом и во всех остальных (1961 и далее). Предполагалось, что конечной целью эксперимента в Woodlawn станет отсутствие на карте района, а затем и в Чикаго в целом только «белых» и только «черных» районов. Идея квоты не выдержала проверки временем в зоне эксперимента. Начатый во имя преодоления расовой сегрегации, он завершился прямо противоположным результатом: население района быстро поменяло расовый состав. Если в начале эксперимента соотношение белых и черных в Woodlawn было примерно 9:1, то в конце 1960-х оно было в подавляющем большинстве черным²⁰.

Woodlawn был новаторским экспериментом и в другом отношении. Организаторы в первый раз в американской истории вывезли людей из этого района автобусами в здание городской администрации регистрироваться в качестве избирателей, демонстрируя свой политический потенциал на предстоящих выборах мэра города.

В последующем цели экспериментов Алинского становились все более грандиозными и более абстрактными: «...Они поднялись на борьбу, как Давид равенства всего человечества против Голиафа предубеждения, сегрегации и репрессий власть имущих (Haves)»²¹. Напыщенный и пропагандистский тон этой фразы указывает на видимое смещение акцентов в деятельности самого Алинского: от сплочения конкретных общин для решения их собственных задач к созданию вечного общественного двигателя с грандиозными и абстрактными целями. Тактика эксперимента в Woodlawn по сравнению с BYNC поменялась еще в одном направлении: пошаговое развитие организации, ориентированной на выстраивание демократии снизу вверх, в конце концов было заменено **на идеологию мобилизации населения района с целью выиграть расовые сражения против враждебного окружения**. Соответственно в схемах создания организаций акцент сместился в пользу агрессивной тактики, методов атакующей войны, где все средства хороши, если они ведут к победе. Среди этих методов, сплава уроков мафии-оши Франко Нитти и профсоюзного лидера Льюиса, были уличные протесты, пикеты против неугодных лиц по месту их жительства, срыв заседаний местных выборных органов, вываливание мусора перед жилищем официальных лиц, бойкот и шантаж бизнеса, пу-

бличное высмеивание и унижение неугодных лидеров, театральные инсценировки и буффонады, и другие нарушения неписанных правил общественного поведения.

Другим примером смещения акцентов в выборе целей и методов работы в комьюнити может служить созданная фондом Алинского организация в городе Рочестер (Нью-Йорк) в 1966–67.

Одной из задач вновь созданной организации с красноречивым названием FIGHT (борьба) было обеспечить работу для черного населения. Представители FIGHT начали переговоры с местным филиалом всемирно известной фирмы «Кодак», на предмет обучения кадров из числа черного населения с последующим их трудоустройством. Организаторы выдвинули требование создать программу по подготовке 600 членов их общины продолжительностью 18 месяцев с обязательством трудоустроить их после обучения, не предъявляя к ним обычные при найме сотрудников требования²². Необходимо заметить, что большинство из предлагаемых 600 человек не имели не только необходимого, но и какого-либо опыта работы и достаточного образования. Более того, представители FIGHT поставили дополнительное условие фирме, что только они сами будут рекомендовать людей для обучения, т. е. «Кодак» не имел права включать в программу людей без согласия этой организации. Если бы FIGHT удалось закрепить за собой такую функцию, то ее статус и влияние в общине и городе существенно бы увеличились. Это требование быстро стало центральным пунктом переговоров и насторожило руководство «Кодак» как проявление юнионистской идеологии. Фирма была готова помочь общине и, кстати, помогала и до этой истории, однако на своих условиях и не в таких, как она считала, непосильных размерах. Переговоры, с поощрения Алинского, очень быстро переросли в «вооруженный» конфликт, к которому были подключены не только население и администрация города, но и центральная пресса. Лидеры многих черных гетто в Америке напряженно следили за ходом противостояния, которое длилось несколько месяцев. Члены организации FIGHT и их сторонники купили достаточно акций «Кодак», чтобы попытаться оказать влияние на социальную политику компании изнутри. В день собрания акционеров FIGHT вывела на площадь перед зданием, где шло заседание, около 700 людей с лозунгами против «Кодак».

Алинский был готов выступать на заседании, однако понял в самый последний момент, что победа будет коваться не в зале, а на улице перед телевизионными камерами:

«Мы готовы продолжить нашу борьбу (с «Кодак»). – И.Ж.) в масштабе всей страны, наша организация FIGHT будет началом возрождения движения за гражданские права».

Эта акция стала первой ласточкой в движении, которое позже было названо «социальной ответственностью» бизнеса, в частности, в обязательном участии бизнеса в решении проблем бедности и дискриминации на местном и национальном уровнях. Как и всякий крупный бизнес, «Кодак» опасался, что начатая публичная кампания против них не только повредит имиджу бизнеса, но и, возможно, повлечет за собой вмешательство государства в конфликт. До слушаний в Конгрессе дело не дошло, т. к. во-первых, не так много церквей поддержали национальную кампанию протеста, а во-вторых, несколько крупных компаний города Рочестер, включая «Кодак», нашли местное решение: они создали отдельную корпорацию Rochester Jobs, которая гарантировала 1,500 рабочих мест для черного населения. Эта история положила начало многолетней борьбе организаций типа FIGHT против крупного и среднего бизнеса.

Несмотря на провалы нескольких экспериментов (несоответствие их результатов заявленным целям), звезда Алинского не только не закатилась, а наоборот, заняла высокое место на небосклоне американской политики. Спрос на эксперименты Алинского был связан с тем, что в 1960-х кардинально изменился социальный фон в Америке. В стране возникла проблема больших городов, практики их планирования и перестраивания. Социологи и политики видели в подобных планах реорганизации города источник разрушения соседских сообществ, прежде всего бедных кварталов²³. Страна была напугана беспорядками на расовой почве в Чикаго и других городах. Триста тысяч людей прошли маршем в Вашингтоне летом 1963 под лозунгами «Свободу сейчас!», «Работу сейчас!». Известный журналист, редактор журнала Fortune, Чарлз Силберман (Charles Silberman) посвятил эксперименту в Woodlawn статью в своем журнале (1962), где высказал опасение, что расовая проблема настолько серьезна в городах Америки, что грозит социальным взрывом. Как и Алинский, автор статьи считал,

что проблема современных городов – это проблема расовых отношений. Силберман также отвел экспериментам Алинского целую главу в своей книге²⁴:

«Существенная разница между Алинским и его врагами состоит в том, что Алинский действительно верит в демократию: он действительно верит, что беспомощные, бедные, плохо образованные люди могут решить свои собственные проблемы, если им дадут шанс и средства... Алинский – уникальная фигура в смысле его приверженности к демократическим идеалам, и нам еще предстоит увидеть, смогут ли его последователи успешно использовать его теорию и тактику»²⁵.

Силберман ошибся в самом главном: последователи Алинского взяли на вооружение как раз его «тактику» и заменили его демократические идеалы современными прогрессистскими, абстрактными демократическими лозунгами, тем более что и сам Алинский уже отошел от своих первоначальных ценностей достаточно далеко к концу 1960-х.

На волне своей популярности Алинский ездил по всей стране с лекциями и выступлениями перед религиозными лидерами, социальными работниками, бизнесами, участниками конференций и студентами колледжей. **Начавшиеся во многих местах эксперименты нуждались в социальных организаторах и сформировали спрос на эту профессию.** В ответ на этот запрос возникло несколько тренировочных центров социальных организаторов. Один из них, под эгидой своего фонда, возглавил сам Алинский, другие создавались его учениками. В результате монополия Алинского на созданные им социальные технологии и авторский контроль за их применением закончились, и началась их новая независимая жизнь.

Последняя книга – «Правила для радикалов»

Алинский опубликовал свою последнюю книгу «Rules for radicals: A Pragmatic primer for realistic radicals» в 1971²⁶. Сравнивая свою работу с книгой Макиавелли «Государь», автор пишет, что книга Макиавелли о том, как власть имущим удержать свою власть, тогда как его книга о том, как отобрать власть у тех, кто

ее имеет²⁷. Рабочее название книги в один момент было «Rules for Revolution». Алинский не скрывал, что он написал книгу о том, как осуществить мирную революцию в Америке, которая приведет неимущих (the Have-Nots) к власти: «Мы допустили самоубийственную ситуацию, при которой революция и коммунизм отождествлены... Это основная причина, по которой я сделал попытку создать пособие для революционеров, которое нельзя было бы определить как коммунистическое или капиталистическое... Моя цель – предложить, как организовать неимущим в борьбе за власть: как ее захватить и как ее использовать»²⁸.

«Правила» написаны как пособие для тех, кто ведет необъявленную гражданскую войну (мирную революцию) в обществе, недаром ее сравнивают с другим шедевром по военной стратегии, Сунь Цзы «Искусство войны» (Sun Tzu. Art of war). Вторая книга Алинского менее «технологична», чем первая, она направлена скорее на социальное действие, чем на создание саморазвивающихся общественных организаций.

После выхода книги Алинский надеялся, что у него впереди еще как минимум десять лет активной жизни. У него были планы поработать с другой социальной стратой, средним классом Америки, которому близки ценности демократического образа жизни. Этим планам не удалось осуществиться из-за его преждевременной смерти.

Алинский и ACORN

Эта глава посвящена описанию эволюции субъектов социального действия, являющихся наследниками фонда Алинского как в прямом юридическом смысле, так и в плане заимствования развитых им технологий, принципов и начатого им социального движения.

По своей генеалогии ACORN²⁹, созданная в 1970 в штате Арканзас, прямо восходит к фонду Алинского. ACORN получилась путем отделения от National Welfare Rights Organization (NWRO). NWRO свою очередь была результатом слияния фонда Алинского (IAF) и организаций по гражданским правам. С момента возникновения ACORN начался новый этап в развитии движения социального организовывания. «Прививки», полученные от слияния

фонда с движением за гражданские права, а также новое руководство ACORN привели к смене курса этого движения. Расхождение второго этапа social organizing с «классическим», первым, этапом шло по целому ряду моментов.

Welfare как гражданское право. Первое в ряду расхождений связано с формулировкой главной цели организации: реализация права на получение государственной помощи (welfare)³⁰. NWRO штурмовало офисы, занимающиеся оформлением государственной помощи, чтобы максимизировать число ее получателей и добиться наибольшего размера помощи в каждом отдельном случае³¹. Возникла целая «индустрия», заинтересованная в увеличении армии получателей государственной помощи. Одним из самых крупных игроков в этой области стала ACORN, чьей целью, унаследованной от NWRO, было также расширение круга государственных программ помощи бедным и создание организаций получателей такой помощи по всей Америке.

Алинский крайне негативно относился к индустрии welfare как таковой, т. е. прямому участию государства в решении проблем бедности³². В частности, он считал, что welfare организации не представляют людей в том смысле, в каком их представляют демократически избранные лидеры. Сеть подобных организаций, как и всякая индустрия, говорил он, заинтересована лишь в увеличении своих размеров и влияния, в данном случае количества получателей помощи, что в конечном счете и произошло в последние полвека³³. Помогая бедным, ACORN по факту консервировала их в роли просителей, делая тем самым не полноправными активными гражданами, живущими на свои доходы, а постоянно зависимыми от государства.

Алинский никогда не был сторонником «большого государства», т. е. проникновения его во все сферы общественной жизни³⁴. Согласно свидетельству Хоффмана, Алинский любил повторять, что участие государства в «войне с бедностью» (имеется в виду знаменитый Economic Opportunity Act, подписанный президентом Джонсоном в 1964) равносильно раздаче стодолларовых купюр на углу в гетто³⁵. Кроме того, участие государства в социальной работе означало для Алинского **усиление контроля над независимой гражданской жизнью общества**, что делало ее практически невозможной. Для Алинского, в отличие от ACORN, вовлечение го-

сударства в решение социальных проблем было всегда последним и далеко не идеальным выбором, он называл эту практику «welfare colonialism». По своему мировоззрению он был ближе к Орвеллу и Ортеге-и-Гассету, чем к современным левым: он ставил личные свободы и право на частную жизнь выше многих других демократических свобод, однако не верил, что государство может и должно вставать на их защиту³⁶.

Организация vs движение. Спор между старой моделью Алинского, которая условно может быть названа «организационной или локальной», и новой моделью ACORN, которую также условно назовем «движенческой или национальной» (в смысле охвата всей нации), стал центральным на новом этапе распространения **social organizing**. Один из организаторов ACORN Гарри Делгадо подробно описывает различие двух моделей, опираясь на методические материалы своей организации 1972 года³⁷.

Левые движения увидели в технологиях Алинского бесценный инструмент расширения их социальной базы. Движение бедных за права на государственные пособия было плавно встроено ими в более общую идеологию движения за гражданские права и системную перестройку общества³⁸. Алинский был категорически не согласен с таким поворотом. В системе ценностей Алинского «организация» значила всё, а «движение» почти ничего. Он подчеркивал, что движение в отличие от организации опирается на харизматических лидеров, а не на профессионалов этой деятельности, существует на внешние источники финансирования вместо членских взносов организации, весьма неразборчиво в рекрутировании организаторов, базируется скорее на энтузиазме, чем на ежедневной, регулярной, профессиональной работе, навязывает цели движения сверху, а не формулирует их внутри организаций.

В этой связи необходимо вспомнить те «стилистические» и профессиональные расхождения, которые имелись у школы Алинского с движением, возглавляемым Мартином Лютером Кингом, известным лидером борьбы за права негритянского меньшинства, лауреатом Нобелевской премии мира.

Несмотря на схожесть целей работы и пребывание в одном городе, они никогда не действовали сообща. Алинский вообще никогда не объединялся ни с кем из своих союзников и всегда шел

своим собственным путем. Помимо причин личного характера, между двумя лидерами были существенные, хотя и не декларируемые различия в идеологии, тактике и методах действий.

Алинский неоднократно критиковал негритянских лидеров за то, что их движения не были самостоятельными в финансовом отношении и существовали на деньги доноров белой расы³⁹. Кинг, по мнению Алинского, не имел почти никакого контроля над созданной им организацией The Southern Christian Leadership Conference, особенно ее денежными потоками. Для сравнения, никто из сотрудников IAF не имел права потратить деньги фонда даже на кофе с булочкой без документирования этой покупки⁴⁰. К чести Алинского, отмечали его сотрудники, он таким же образом фиксировал свои расходы, сделанные за счет этой организации⁴¹.

Другое существенное различие между двумя типами организаций состояло в численности сотрудников. Алинский всегда имел очень небольшое число хорошо тренированных и дееспособных сотрудников. Кинг, напротив, был окружен множеством людей, которые часто не могли трансформировать свой энтузиазм в области гражданских прав в адекватное, эффективно выстроенное организационное действие⁴².

Еще одна линия расхождения между моделью Алинского и «движенческой моделью» ACORN состояла в том, что организация в смысле Алинского ставила и решала конкретные задачи членов организации, что создавало дополнительную мотивацию и одновременно являлось для них своеобразным университетом участия в демократии на всех уровнях, но прежде всего на местном. Движение американских «шестидесятников», напротив, замахивалось на переустройство Америки в целом как капиталистического общества и «империалистической» державы.

Подход ACORN к построению своей организации существенно отличался от традиционных методов, используемых в модели Алинского. В последней организатор начинает работу с задачи выяснения, какие общественные организации (церкви, профсоюзы, другие группы. – *И.Ж.*) имеют наибольший вес в данной общине или же самую большую численность. Далее он пытается свести их лидеров вместе, чтобы сформировать комитет, функцией которого было бы организовать финансовую сторону новой организации

(umbrella organization, или суперорганизации), заключить договор с организаторами, контролировать использование общественного фонда и координировать курс действий.

Модель ACORN была унаследована не от Алинского, а от организации по защите прав на государственную помощь, структура которой состояла из независимых, полуавтономных групп получателей такой помощи. В этой модели роль местных организаций являлась чисто номинальной. Их просили поддержать деятельность ACORN, но им не отводилось никакой роли в найме организаторов и определении курса действий новой организации на их территории. Другое отличие развитой модели ACORN от модели Алинского состоит в том, что организационная структура первой имеет несколько иерархических уровней, повторяющих административную структуру Америки: комьюнити, город, штат, страна. Один из аргументов в пользу такой модели ACORN, по мнению ее создателей, состоит в том, что их организация построена не для какой-либо одной локальной цели, как, например, улучшение школ или обеспечение безопасности на улице, а для того, чтобы **изменить баланс власти в стране и выдвинуть свою платформу по широкому кругу вопросов.**

Еще одно кардинальное различие между двумя моделями состоит в том, что руководители ACORN на нижнем уровне выбираются не из числа местных лидеров, как это делал Алинский, а из числа обученных организаторов, и в этом смысле они не представляют организованное ими население в смысле прямой демократии. Эта независимость от рядовых членов давала лидерам ACORN свободу в выборе курса действий, которой они широко пользовались. Организационная модель ACORN также отличалась от модели Алинского в дихотомии организатор–местный лидер. В ACORN последний очень редко поднимался по иерархической лестнице и практически не имел доступа к решению финансовых вопросов и формированию повестки дня организации даже на своем местном уровне, не говоря о более высоких⁴³. Более того, сильные местные лидеры намеренно исключались из состава ACORN, т. к. они могли навязать свой курс местной организации.

Несмотря на описанные принципиальные отличия между двумя организационными моделями, они все же имеют большое сходство в тактике и методах протеста, в организации рядовых членов

на определенные акции, в выборе целей и форм конфронтации с государственными органами, бизнесами и т. д. «Правила для радикалов» как сумма принципов и правил социального действия служила и продолжает служить основным учебником (playbook) для всех поколений радикальных движений. Наглядным примером такого заимствования, стала классическая тактика ACORN в отношении неугодных ей общественных деятелей и бизнесменов, правило радикалов № 13, воинственное правило трех «I» – «identify it, isolate it, ice it» (опознай цель, изолируй и прикончи).

Подвижки в идеологии. Как уже сказано, как таковой собственной философии в высшем смысле у Алинского не было, он предпочитал слово идеология:

«...Меня спрашивают повсюду: в чем состоит ваша идеология?... Здесь мы подходим к основному вопросу. Какой должна быть идеология организатора в открытом обществе, работающая во имя открытого общества, если у него вообще может быть идеология? Обязательным условием идеологии является обладание конечной истиной... Начать с того, что он (организатор) не владеет конечной правдой. Правда для него всегда относительна и находится в движении... Не имея зафиксированной правды, он не имеет также окончательных ответов, какой-либо догмы, формулы или панацеи. Следовательно, он находится в постоянном поиске причин неудовлетворительного положения дел, предложений, как помочь людям сделать их мир более осмысленным. Он постоянно исследует жизнь, включая свою собственную, чтобы понять ее смысл... На знамени организатора открытого общества изображен вопросительный знак»⁴⁴.

Алинский был вдохновлен идеями «демократии с маленькой буквы», имеется в виду демократия на местном уровне: община, район, город. Его кредо может быть определено как «участие в принятии решений». Он никогда не состоял ни в какой партии, включая коммунистическую. Он иногда нанимал членов этой партии для своих проектов, считая их очень способными организаторами, однако никогда полностью не солидаризировался с коммунистическим движением и его целями⁴⁵. Если до второй мировой войны Алинский еще в какой-то мере симпатизировал коммунистам, как и многие американские либералы, то после нее его отношение к коммунизму радикально изменилось. Однако он также активно

открещивался от тех, кто преследовал коммунистов, так называемых *red baiters*. Тем не менее, если внимательно присмотреться к его картине мира, системе взглядов и ценностей, а также методов борьбы, которые он привнес в профессию организатора, то ясно, что она была во многом заимствована из мирового коммунистического и социалистического движения XX века.

Алинский обосновывал свою деятельность традиционными ценностями иудейско-христианской цивилизации и демократии, такими как: свобода индивидуума, ценность индивидуальной жизни, свободное или открытое общество, равенство и т. д.⁴⁶.

До тех пор пока организатор как личность исповедует эти ценности, они неотъемлемо присутствуют в его профессиональной деятельности. Во времена Алинского, в первой половине и середине XX века, демократические ценности разделялись подавляющим большинством американского общества. Однако ситуация резко изменилась к концу этого века и особенно в XXI, когда многие из этих ценностей были выхолощены и превращены в политкорректные нормы, которые постепенно завладели общественным сознанием.

Следующее после него поколение лидеров *social organizing*, пришедшее из стана левых американских «шестидесятников», привнесло в это движение явно выраженную идеологию, а точнее целый веер идеологем, сделав его тем самым эклектичным или «лоскутным» политическим движением. В этом отношении очень интересна попытка ACORN выработать собственную коллективную избирательную платформу на президентских выборах в 1979–1980⁴⁷. Когда организаторы попытались свести воедино все выдвинутые на местах предложения, выяснилось, что **члены этого движения практически не имели никаких общих скреп, кроме технологий объединения в организации; по основным содержательным идеологическим вопросам разные ячейки ACORN либо расходились во взглядах, либо не имели вовсе никакой позиции**. Это нашло отражение в преамбуле к платформе, где социальная база ACORN определялась как «большинство, выкованное из многих меньшинств», которое обещает «выстроить американское общество, где все будут *делить общее благосостояние* и воевать за свою свободу»⁴⁸. В конце концов предвыборная платформа была написана узким кругом организаторов на основе их

собственной идеологии. Чтобы успокоить общественное мнение, напуганное агрессивной платформой ACORN, один из ее лидеров определил цель своей организации следующим образом: «Мы не стараемся захватить власть или богатство. Истеблишмент также имеет право на них. Однако мы хотим иметь в них нашу **справедливую долю** (fair share)». Основатель ACORN Вейд Ратке в разговоре с единомышленником ответил на вопрос о целях и идеологии ACORN еще прямее: «Помогать людям с низким и скромным доходом получить то, что им по праву принадлежит». На вопрос, что же им по праву принадлежит, он ответил с улыбкой: «Все!»⁴⁹. Взятые вместе, эти заявления наглядно отражают социальную базу и риторику движения, которое тридцать лет спустя, в 2008, приведет к присяге своего президента.

Создание политической платформы ACORN, отражавшей фактически взгляды и амбиции ее руководства, имело одно очень важное последствие для их движения. Не будучи таковым от рождения, ACORN задним числом превратилась в политическое движение. Для этого руководству понадобилось привести к присяге на лояльность новоиспеченной политической платформе старых и новых членов ACORN. Став по факту неофициальной политической партией, ACORN тут же избавилась от всех организаторов, кто был не согласен с ее платформой.

Организации vs социальные институты. Еще одна подвижка в идеологии связана с изменением отношения ACORN к имеющимся социальным институтам. Как я уже отметила выше, Алинский считал, что общественные организации в большей степени, чем социальные институты (церкви, профсоюзы, партии, и т. д.), способны вдохнуть жизнь в американскую демократию и восстановить ее витальность, что местные организации имеют сильный иммунитет против коррупции, бюрократизации, номенклатуризации и других хронических болезней социальных институтов. Хотя церкви и профсоюзы имели своих представителей в его организациях, Алинский никогда не создавал с ними коалиции и всегда действовал крайне независимо. Движение ACORN разделяло эту позицию до той поры, пока оно не вышло на национальную арену. Чтобы стать игроком национальной лиги, ACORN поменяла свою позицию и по этому пункту, заключив альянс с несколькими профсоюзами, а затем и Демократической партией.

Эволюция движения social organizing

В эволюции движения social organizing в период жизни после Алинского можно выделить три основных этапа, которые типичны для любого политического движения:

порождение идеологием и повесток дня (agenda): формирование фабрик мысли (think tanks), философских школ и кружков, их организаций и штаб-квартир;

формирование общественного мнения или **завоевывание большинства** с помощью современных политических технологий и каналов прокачки идеологием, форумов или «площадок мнений»: медиа, университеты, школы, церкви, интернет-сети и т. д.

внедрение идеологии в политику и социальную практику: захват государственной практики с помощью законов, правил и регулятивов, контролируемых социальными программами, индустрию воспитания детей и развлечений, институты образования, религии, науки, юстиции, и т. д.; внедрение носителей своей идеологии в государственные органы власти («расстановка своих людей»), политические партии, национальные общественные организации, создание движений и т. д.

Эта тема выходит за пределы данной статьи и заслуживает отдельного исследования, здесь уместно только наметить основные шаги такого развития на примере ACORN.

Созданная в штате Арканзас, ACORN в течение следующих семи лет распространилась на территории двадцати штатов и создала собственную национальную структуру движения. В начале 1980-х ACORN покрывала все бедные и одновременно самые населенные штаты Америки⁵⁰.

Идеология social organizing заявила о своем рождении через уже имеющиеся журналы левого движения: *Studies on the Left*, *Liberation*, *Ramparts*, *New Left Notes*, *New University Thought*, *Social Policy*, а также ряд местных и центральных газет и издательств⁵¹. Кроме того, ACORN создала несколько собственных средств массовой информации, включая местные радиостанции в зоне их деятельности. Как часть левого движения практика social organizing вскоре была «освящена» прессой и профессурой, несмотря на все ее сомнительные в моральном смысле приемы и методы борьбы. Более того, она вместе с остальными движениями за гражданские

права превратилась в один из блоков политической корректности и в этом новом качестве получила охранную грамоту от прогрессивной прессы. Лидеры ACORN завоевали также новые площадки распространения своей идеологии – университеты с их почти всегда готовым к протесту контингентом, студентами. Несколько организаторов ACORN первой волны пришли из Гарвардского университета; в дальнейшем студенты престижных университетов постоянно пополняли ряды организаторов. Движения за гражданские права, включая ACORN⁵², можно уподобить советскому комсомолу: они служили механизмом отбора кадров и социальным лифтом для продвижения на следующие уровни политической иерархии. В нескольких университетах и академиях были созданы программы обучения социальных организаторов. В свою очередь несколько социальных организаторов первой волны сами стали профессорами университетов. Те же из них, кто готовил себя к политической карьере, напротив, уходили из профессоров в социальные организаторы, как это сделал Обама.

С момента своего образования ACORN, ориентированная на массовое членство с многоцелевой программой, в которой главной целью было перераспределение власти в обществе, включилась в электоральную политику. Начиная с 1976, ACORN взяла курс на завоевание всех ветвей власти сначала на местном уровне, а затем и на национальном. Она заводила своих лоббистов, поддерживала кандидатов на выборах и готовила законодательные инициативы.

Формы участия в предвыборной политике были разнообразны: регистрация и агитационная работа с избирателями, выдвижение собственных кандидатов, финансовая поддержка «правильных» кандидатов, участие в формулировке платформы кандидатов и т. д. В 1978, в предверии президентских выборов, ACORN встала перед альтернативой: создать свою собственную партию или же захватить изнутри уже существующую Демократическую. Попытка создания своей собственной партии окончилась неудачей (Citizen's Party, 1979). Ассоциации также не удалось продвинуть свою повестку дня в Демократическую партию⁵³. Продолжая оказывать давление на последнюю и вводя в ее руководство своих членов, ACORN избрала третий путь, создав **теневую партию, во многих отношениях дублирующую Демократическую**. Эта новая «партипартия», спарринг-партнер официальной, оставаясь все время в тени, впослед-

ствии обеспечивала победу кандидатов Демократической партии во многих ключевых регионах, при этом она, как правило, играла по своим правилам, иногда на грани фола, делая то, что могло бы скомпрометировать кандидатов в конгрессмены, президенты, сенаторы.

ACORN нашла союзников среди разнообразных социальных движений и сформировала с ними коалицию на следующих президентских выборах. Курс ACORN на увеличение своей социальной базы привел ее к необходимости расширения круга идеологем, целей и лозунгов, которые до этого момента не входили в круг интересов местных сообществ, как, например, разоружение, антиглобализм, феминистские лозунги и т. п. С этого момента проблема строительства местных сообществ постепенно отходит на задний план в приоритетах ACORN и к местным организаторам обращаются только тогда, когда нужно организовать очередные выборы или протестные акции. ACORN во многом заимствует идеологемы и лозунги от своих союзников по борьбе и становится для них организаторами и мобилизационными комитетами протестов, чье основное оружие по-прежнему социальные технологии соорганизывания.

Созданная коалиция охватывала преимущественно тех, кого принято в американской политике называть независимыми, т. е. не принадлежащих ни к одной из имеющихся партий.

В результате владения эффективными технологиями соорганизации ACORN удалось занять лидирующую позицию в выборной коалиции вместе с профсоюзами и другими движениями. Новая коалиция впервые опробовала себя в президентской предвыборной кампании Джесси Джексона в 1984. Начиная с этого момента, ACORN практически превращается в большую сеть, которая забрасывалась в общество каждый раз, когда нужен определенный улов, т. е. организовать очередную акцию.

**The ACORN is dead! Long live the ACORN! – «Король умер!
Да здравствует король!»**

Проблемы сопровождали ACORN на всем пути его развития, однако они носили в основном внутренний характер, и ссоры никогда не выносились за пределы движения. Первый крупный пу-

бличный скандал с ACORN случился в 2007 году, когда выяснилось, что один из создателей этой организации Дейл Ратке (Dale Rathke) присвоил и потратил на собственные нужды около миллиона долларов, а его старший брат Вейд Ратке, официальный и до той поры бессменный на протяжении тридцати с лишним лет лидер ACORN, долго замалчивал этот факт⁵⁴.

Напомним, что Алинский был во многих смыслах идеалистом, в частности, он крайне щепетильно относился к общественной репутации и финансам своего фонда, держа бухгалтерские книги готовыми для проверки в любой момент. Его последователи уже не обременяли себя этими моральными нормами.

Журналистские разоблачения противоправной деятельности ACORN в 2008–2009 привели к тому, что конгресс инициировал специальное расследование и публичные слушания этой организации. Это выявило много поразительных фактов в истории ACORN. Так, ACORN была зарегистрирована не как общественная (non-profit) организация, а как бизнес, т. е. for profit. Статус общественной организации сделал бы ее открытой для проверок извне и изнутри, что не входило в планы ее создателей. Кроме того, как общественная организация, претендующая на деньги налогоплательщиков, ACORN была бы не в состоянии вести политическую деятельность. Статус деловой организации делал цели ее деятельности, денежные потоки и их использование закрытыми от общественного контроля.

Регистрация основной организации ACORN как бизнеса не означала, что они не получали денег налогоплательщиков. Для этой цели ACORN были создано множество своих дублеров или аффилированных общественных организаций, таких как Institute of Social Justice, тренировочные школы и т. д.⁵⁵ Около тысячи локальных организаций ACORN получали гранты и выполняли работы для различных государственных, а также международных программ. Первый контракт с государственной организацией VISTA (Volunteers in Service to America) был заключен в 1975.

Расследователи обнаружили, что империя ACORN распоряжалась сотнями миллионов долларов и включала порядка 300 организаций с разными названиями в Америке и за рубежом, связанных между собой единым руководством и финансовыми потоками. Многие из этих ассоциированных организаций были по своей структуре, как и ACORN, сетью организаций, покрывающей всю Америку.

ACORN была уличена в массовых нарушениях избирательного законодательства: среди избирателей, зарегистрированных этой организацией, оказалось много мертвых душ и фиктивных лиц, а также людей, не имеющих права голосовать; ACORN покупала голоса и организовывала повторное голосование одних и тех же людей. Кроме того, члены организации использовали в своей деятельности криминальные методы вплоть до прямого террора. Более 60 сотрудников ACORN из разных штатов были осуждены местными судами за нарушение закона о выборах в 1998–2009⁵⁶.

ACORN никогда не делала секрета из того, что она сотрудничает только с одной партией демократов, и собирает голоса только для нее. Нарушение закона состояло в этом случае в том, что их политическая активность осуществлялась на деньги налогоплательщиков. Когда в Америке вступил в действие закон о допустимом пределе пожертвований кандидатам в президенты, ACORN превратилась в параллельный штаб по избранию Обамы и собирала пожертвования на его кампанию без каких-либо ограничений.

Среди других преступлений ACORN было незаконное владение помещений, изъятых банками из-за неуплаты жильцами квартирной платы (squatting), шантаж бизнеса, нарушение налогового законодательства и т. д.. Известно много случаев, когда ACORN получала заказы от профсоюзов и других общественных организаций на организацию протестов и пикетов, превращая тем самым своих членов в наемных солдат.

В 2010 Конгресс и президент запретили государственным организациям финансировать деятельность ACORN. Проверка деятельности государственными органами показала, что ACORN должна государству более трех миллионов долларов, что немедленно привело к ее банкротству в 2010⁵⁷. Однако ее лидеры еще раз продемонстрировали свою способность обходить негодные законы. После официального известия о банкротстве ACORN пережила реинкарнацию: большинство аффилированных с ней организаций (Affordable Housing Centers of America (AHC OA), The Advance Group, The Black Institute, Project Vote, etc.) выжило, сохранив своих генералов и офицеров и пожертвовав лишь несколькими солдатами. Эти организации сидят в тех же зданиях, где сидела ACORN, пользуются тем же оборудованием и снова встали на довольствие государства и других доноров: церквей,

профсоюзов, George Soros foundation (фонда Сороса), etc.⁵⁸ Как показали президентские выборы в 2012, «слухи о смерти ACORN оказались сильно преувеличенными».

Хотя Алинский наверняка не одобрил бы подобный способ обращения с денежными фондами, мошенничество на выборах и альянс с профсоюзами, ему было бы все же трудно откреститься от своего детища. Оказалось, что тактика и стратегия политического действия, используемые ACORN, не только скроены по его лекалам 1960-х, но и прямо вытекают из его «правил радикала».

Обама и ACORN

Пятьдесят лет спустя после первого эксперимента в Чикаго, в 1983 году, Обама примет решение стать community organizer. Он повторит основные вехи жизненного пути Алинского и пойдет дальше его: из академической сферы – в гетто, а затем в политику. Однако с самого начала у них была разная мотивация. Алинский стремился помочь людям соорганизоваться для решения своих проблем с опорой на собственные силы. Обама пришел в сложившееся движение, которое было готово привести его в большую политику, с тем чтобы кардинально изменить строй американского общества⁵⁹.

Обама работал в течение трех лет в качестве организатора и лидера проекта Developing Community Project (Чикаго). Он описал свой опыт в статье⁶⁰. Те, кто знал его в это время, говорят, что он имел талант для этой профессии и в совершенстве владел техниками организовывания. Вокруг каких целей Обама соорганизовывал жителей района, в котором он работал? «Требуйте летние (сезонные) работы!». «Требуйте от города программы для детей после школы!». «Требуйте очистки зданий от асбестовой краски от администрации субсидированного жилья!». Все предложенные им цели, как и в целом в ACORN, были направлены на получение общинами помощи извне за счет налогоплательщиков города, штата и государства. Как и Алинский, Обама считал, что все беды бедных происходят от того, что они лишены власти и справедливой доли. Многолетняя борьба за fair share привела к тому, что пирог, который делится, – государственные программы помощи – стано-

вился меньше и тоньше и в скором времени уже будет нечего делить. Altgeld, район субсидированного жилья, в котором работал Обама, судя по материалам переписи населения, был наглядным примером фиаско государственной помощи бедным в том плане, что ко времени начала его работы в этом районе там уже проживало четыре поколения людей – получателей welfare, которые так и не выбрались из этого статуса. Пятидесятилетний опыт ничему не научил идеологов этого движения. Обаму не смутили неудачи трех поколений организаторов, и те же цели, и способы их решения. Он включил их сначала в свою сенатскую, а затем и президентскую программу, закрепляя тем самым расширенное воспроизводство бедного класса в Америке. Созданная с помощью Обамы местная организация в Чикаго существует до сих пор. Согласно недавним налоговым декларациям, три четверти ее бюджета составляют государственные гранты, а остальное предоставляют благотворительные фонды.

После получения степени магистра в Гарвардском университете и непродолжительной работы в бизнесе Обама возвращается в организаторское движение, в этот раз в качестве адвоката по делам ACORN. С этой позиции он избирается в сенат штата Иллинойс в 1997.

Многолетняя деятельность ACORN подготовила почву для избрания первого президента из своего движения. Основные этапы избирательной кампании 2008 года, которая превратила мало известного, местного политика Обаму в серьезного кандидата в президенты, были организованы в прямом соответствии с технологиями ACORN: разветвленная сеть локальных общественных организаций, мобилизованная на организацию выборов; многотысячные скандирующие аудитории на стадионах, военные оркестры, пропагандистские мистерии в духе Вагнера с пышными декорациями и т. д.

Впоследствии Обама активно использовал организационные технологии в своей президентской кампании. В течение двух президентских кампаний и первого срока президентства Обама сделал больше для расширения этого движения, чем даже Алинский⁶¹.

Перевыборная кампания Обамы в 2012, как и положено по технологии, началась с создания организационного кентавра: полудвижения-полуорганизации «The New Organizers». Пред-

выборный штаб нанял известного специалиста Майка Круглика запустить программу «Camp Obama», в которой он обучал сторонников Обамы основным навыкам соорганизации. Около 3000 людей работало в выборной кампании на зарплате (грантах), не считая волонтеров, только в одном штате Огайо, который был решающим в исходе президентских выборов⁶². Роль организаций, аффилированных с бывшей ACORN, была необычайно важна в успехе его избрания. Обама был избран коалицией разных социальных групп, каждая из которых была создана в течение многих лет с помощью социальных технологий по модели ACORN. После победы на выборах в 2012 официальный сайт обамовской президентской кампании составил вопросник для своего электората, где перечислил 22 взаимно пересекающиеся группы своей коалиции: афроамериканцы, американцы-арабы, американцы-азиаты, движение зеленых, работники медицины, американцы-евреи, профсоюзные работники, граждане-латиноамериканцы (мексиканцы), сексуальные меньшинства (LGBT), работники образования, женщины и др.⁶³ Этот перечень и есть портрет коалиции меньшинств, которые в первый раз в истории Америки привели к власти своего президента. В этой коалиции не было только тех, кто до недавнего времени традиционно составлял большинство среди избирателей и кто до сих пор платит наибольшую долю налогов в Америке, три взаимно пересекающиеся группы: люди белой расы, мужчины, средний класс. Социальные технологии вкупе с демографическими процессами переменили американский электорат кардинальным образом, так что mainstream превратился в маргиналов политического процесса.

Алинский – не встреча в будущем

Если попытаться оценить эффективность экспериментов Алинского и его последователей в отношении заявленных ими в начале целей, т. е. посмотреть, в какой мере эксперименты и начатое им движение social organizing привело к ожидаемым результатам, то здесь, как я пыталась показать, Алинского бы ждало сильное разочарование. Он, как исследователь и экспериментатор, заметил это отчасти сам в последней главе «Правил».

Эксперименты, начатые во имя развития местной демократии, подорвали самые основы демократии на местном уровне. Отстранение (выпадение) рядовых американцев от политической жизни в конце XX века стало еще более массовым, чем в 1960-х. В заметной степени снизилась роль организаций, таких как профсоюзы, политические партии, добровольные организации в демократическом процессе, а именно в прямом представительстве интересов ее членов. Одновременно резко повысилась роль этих же организаций в манипулировании коллективными средствами и мнением своих членов. Руководство организаций типа ACORN с самого начала вело прямой диалог, поверх голов своих членов, с крупными политическими игроками – государством, партиями и большим бизнесом. Предложенная Алинским модель вовлечения граждан в решение своей судьбы через организации и формула демократии как «организации организаций» оказались неспособными решить эту задачу. Одна из причин непригодности его модели, как показал опыт ACORN, состоит в том, что члены организаций быстро теряют контроль над собственной организацией и превращаются в её пешек. Организации, созданные Алинским и его последователями, оказались захваченными и контролируруемыми той же самой «номенклатурой», что и социальные институты.

Алинский не верил в государственные программы, «welfare colonialism» и строил свои организации как альтернативный метод решения проблемы бедности, однако в современной Америке именно государственные программы стали основным орудием в решении проблемы бедности. Уже в первый срок правления Обамы его администрация побила рекорд по удельному весу населения во всевозможных программах помощи: *уже половина населения Америки получает те или иные государственные пособия*. Второй срок обещает существенное увеличение масштаба государственной помощи за счет включения нелегальных иммигрантов в социальные программы.

Для социально-инженерных экспериментов весьма характерно не достигать первоначальных целей или достигать их частично. Однако эффективность экспериментов можно и нужно мерить зазором между намеченным и достигнутым результатом в отношении поставленной цели. В случае Алинского этот зазор достиг рекордных размеров, его эксперименты привели к прямо противо-

положному результату в течение 50–70 лет. Разумеется, это не первый случай подобного рода в истории человечества, однако в данном случае за социальное экспериментирование взялись профессиональные социальные инженеры, которые, предположительно, более других были подготовлены к этому виду деятельности.

Неудачи Алинского как социального экспериментатора не перечеркивают тем не менее его главного достижения, а именно изобретенных и отлаженных им сверхмощных социальных технологий соорганизовывания атомизированных групп для перехвата власти с целью завоевания определенных социальных благ. По этому критерию технологии Алинского оказались чрезвычайно успешными и воспроизводимыми на разном человеческом «материале» и в разных культурах.

Фиаско в достижении конечных гуманитарных целей экспериментов Алинского не может являться сюрпризом для специалистов в социальной инженерии, т. к. нам уже известно, что социальные технологии по самой своей природе «заточены» на функцию, а не на конкретную цель, и только субъекты социального действия обладают целеполаганием. Случай Алинского демонстрирует общее свойство социальных технологий, которое можно назвать **целевой и ценностной индифферентностью**: социальные технологии независимо от того, кем, когда и для каких целей они созданы, по определению, не привязаны к цели и ценностям, переходят из рук в руки, пересекают границы и используются каждый раз в целях тех индивидуумов и социальных движений, которые ими овладели.

Выше мы кратко описали развитие движения social organizing в период после смерти Алинского и то, как оно отклонилось от начального курса. Возникает закономерный вопрос: **что же современные технологии соорганизации имеют общего с технологиями Алинского?** Этот вопрос предполагает отдельное исследование. Здесь же можно указать как минимум на четыре общих элемента. Первый: в каждом случае первичная структура, выстраиваемая из местных организаций или местных жителей, образует основание пирамиды; второй: организации всех уровней занимаются одновременно электоральной и местной политикой; третий: во всех случаях соорганизации ее первым шагом является создание и передача (внушение) своим членам такой картины мира (социальной ситуации), в которой контингент, подлежащий

соорганизации, видит себя обездоленным и неспособным решать свои проблемы самостоятельно без а) коллектива, б) организатора и в) помощи извне. Четвертый и, наверно, самый главный элемент, оставшийся неизменным, – использование правил и заповедей социального действия, «правил радикала».

Люди, которые унаследовали технологии Алинского, не только использовали их для других, нежели Алинский, целей, но и модифицировали их во многих отношениях. История развития и/или модификации технологий Алинского демонстрирует еще два общих свойства социальных технологий, которые можно назвать **кластерностью и вариативностью**: модели организовывания (social organizing), сформированные в 1970–1980-х в Америке, хотя и имеют исходно общий прототип (образец деятельности, созданный и описанный Алинским), существенно отличаются друг от друга, сохраняя при этом общее название и ряд общих черт. Сравнительное описание разных моделей соорганизации людей этого периода содержится в книге Гари Дельгадо⁶⁴. Модели различались в зависимости от профессии, этнической и расовой групп, дохода и культурного прошлого людей, идеологии и лозунгов движения, источников финансирования, стратегии и тактики действий, организационной структуры и т. д.⁶⁵.

Заключение

Проблема постоянного обновления общественной системы и вовлечения людей в этот процесс для их собственного блага, которой Алинский посвятил свою жизнь, остается актуальной и сейчас. Многочисленные организаторы работают и пытаются найти ее решение.

Модели и технологии Алинского продолжают жить и работать не только в Америке, но и во многих других странах мира. Его последователи экспериментируют в России, Аргентине, Канаде, Индии, Кении, Мексике, Пакистане, Латинской Америке. Как и в Америке, их технологии помогают приводить к власти новых лидеров, агентов изменения, опирающихся на коалицию меньшинств.

Мирная революция, начатая Алинским, почти подошла к своему логическому концу в Америке в том плане, что социальные организаторы занимают важные посты на всех уровнях

иерархии вплоть до президента и активно участвуют в формулировке повестки дня в Америке. Многочисленные организации типа ACORN уже зарегистрировали подавляющее большинство потенциальных избирателей, обеспечили серьезный перевес голосов бедных слоев общества и осуществляют пристальный надзор за американской электоральной системой⁶⁶. Несмотря на эти достижения, число «the have-nots» (неимущих) не уменьшилось, а увеличилось, в Америке за последние полвека; правда, и стандарты бедности, стараниями ACORN и их союзников в Конгрессе все время повышались. Поскольку победа организаторов пока не принесла обещанные результаты, значит ли это, что, как и «война с бедностью», эта мирная революция будет перманентной? Если да, то каковы будут технологии следующих этапов революции?

Примечания

- ¹ ACORN The Association of Community Organizations for Reform Now Ассоциация территориальных организаций за реформы сегодня (США). С 1970 по 2010 г. была крупнейшей территориальной организацией США, объединяющей семьи с низкими и умеренными доходами для повышения социальной справедливости и развития территорий. Объединяла более 175 тыс. членов, организованных в 850 территориальных отделений в 75 городах США, Канады, Доминиканской республики и Перу. Достижениями организации являлись успешные кампании за улучшение качества жилья, школьного образования, безопасности на местном уровне, медицинского обслуживания, условий труда и др. Члены организации участвовали в местных акциях и кампаниях, выбирали лидеров из местного сообщества и продвигали их наверх, платили членские взносы и собирали пожертвования методом фандрайзинга. ACORN изменила традиционные взгляды на то, как должна быть устроена организация, представляющая интересы территории. Подразделения организации включали две радиостанции, сеть выборщиков, корпорацию жилья и несколько печатных изданий (информация с сайта www.acorn.org).
- ² В этой статье я буду пользоваться терминами «соорганизация», «соорганизывание» как синонимами, наиболее близкими по смыслу к английскому термину *social organizing*.
- ³ Интересная деталь: книга Алинского «*Reveille for radicals*» до 1970-х хранилась в спецхране. Она и сейчас, насколько мне известно, не переведена полностью на русский язык.
- ⁴ *Кокарев И.Е.* На Пути к Гражданскому Обществу. М., 2005.
- ⁵ Там же. С. 14.

- 6 Термин «прогрессивизм» используется в данном контексте не как оценочное суждение, а как название политической философии, которая обосновывает постепенные социальные и экономические реформы в обществе в противовес, с одной стороны, консервативному движению и, с другой – радикальным левым, насильственным революционным движениям.
- 7 Reveille for radicals. P. 181.
- 8 Reveille for radicals. P. 80.
- 9 BYNC, the Back of the Yards Neighborhood Council. Местный совет «Задний двор» (США). Совет является территориальной организацией, призванной улучшить благосостояние населения, общественного и частного сектора в районе расположения путем соединения социальных услуг и программ экономического развития. Девизом организации было и является: «Мы, жители территории, работаем на общее будущее!» (информация с сайта www.bync.org).
- 10 *Alinsky, Saul. John L. Lewis. An Authorized Biography.* N. Y., 1949.
- 11 *Von Hoffman, Nicholas. Radical: A Portrait of Saul Alinsky.* 2010. P. 69.
- 12 CSO, Civil Society Organization (амер.), синоним: NGO, Non Governmental Organization (англ.) – негосударственная, общественная организация (Wikipedia.org).
- 13 *Horwitt, Sanford D. Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky, His Life and Legacy.* N. Y., 1989. P. 147.
- 14 *Alinsky, Saul. Reville for Radicals.* Univ. of Chicago Press, 1946.
- 15 Reveille. P. IX.
- 16 Reveille. P. 53–204.
- 17 Reveille. P. 89–131.
- 18 Woodlawn, Вудлон – географическое название, имеется несколько названий в разных штатах США. Название округа в Бронксе, районе Нью-Йорка, и станции метро (это самое близкое по смыслу).
- 19 *Hoffman.* P. 439. (Hell of a good party. Interview with Ed Chambers, September 23, 1982).
- 20 *Horwitt, Sanford D. Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky, His Life and Legacy.* N. Y., 1989. P. 431.
- 21 Reveille. P. Xi.
- 22 *Ibid.* P. 488–505.
- 23 *Джекобс Дж.* Смерть и жизнь больших американских городов. М., 2011.
- 24 *Silberman C.E. Crisis in Black and White.* N. Y., 1964.
- 25 *Ibid.* P. 348.
- 26 «Rules for radicals: A Pragmatic primer for realistic radicals». «Правила для радикалов: практичный учебник для начинающих реалистически настроенных радикалов».
- 27 *Alinsky, Saul. Rules for Radicals: A Pragmatic Primer for Realistic Radicals.* N. Y., 1971. P. 3.
- 28 Rules. P. 9–10.
- 29 Первоначальное название «The Arkansas of Community Organizations for Reform Now» сменилось впоследствии на «The Association of Community Organizations for Reform Now».

- ³⁰ Право на получение бедными государственной помощи к этому периоду уже было юридически оформлено как гражданское право.
- ³¹ NWRO, the National Welfare Rights Organization. Национальная организация в защиту прав на социальные пособия (США). С 1966 по 1975 гг. организация объединяла американских активистов, борющихся за выдачу государственной социальной помощи большему числу нуждающихся граждан, особенно женщинам и детям. Организация имела четыре цели: адекватный доход, достоинство, справедливость и участие в демократических процедурах. Число членов на пике расцвета организации, в 1969 г., достигало 25 тыс. чел. (в основном негритянки). В акциях, организованных NWRO, участвовали тысячи людей. В 1975 г. организация обанкротилась и прекратила свое существование (Wikipedia.org).
- ³² Reveille. P. 215–217.
- ³³ В сентябре 2012 уже каждый седьмой житель, или 47 миллионов американцев, получали государственную помощь в виде талонов на питание, не говоря о других видах помощи. Для сравнения в 1970-х такую помощь получал только один из 50.
- ³⁴ *Horwitt, Sanford D.* Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky, His Life and Legacy. N. Y., 1989. P. 472, 480–481.
- ³⁵ Economic Opportunity Act. Закон «Об экономических возможностях». Закон был принят по инициативе Президента США Линдона Джонсона 20 августа 1964 г. Закон был основным элементом кампании Джонсона «Великое общество» и его «Войны с нищетой». Закон включал несколько социальных программ в сферах здравоохранения, образования и улучшения благосостояния для неимущих. Хотя большинство положений закона с течением времени изменились, были ослаблены или дезавуированы, до сих пор действуют программы «Head Start» («Рывок на старте») и «Job Corps» («Корпус по обеспечению работой»). Первая программа осуществляется Министерством здравоохранения и гуманитарных услуг и направлена на обеспечение полноценного образования, здравоохранения, питания и вовлечения родительской общественности в поддержку детей и семей с низким доходом. Вторая программа осуществляется Министерством труда с целью обеспечения доступа молодежи в возрасте 16–24 лет к бесплатному общему и профессиональному образованию (Wikipedia.org).
- ³⁶ *Von Hoffman, Nicholas.* Radical: A Portrait of Saul Alinsky. N. Y., 2010. P. 150–151.
- ³⁷ Ibid. P. 66.
- ³⁸ *Делгадо.* С. 31–32.
- ³⁹ *Horwitt, Sanford D.* Let Them Call Me Rebel: Saul Alinsky, His Life and Legacy. N. Y., 1989. P. 416.
- ⁴⁰ IAF, International Association of Facilitators. Международная ассоциация фасилитаторов, МАФ (США). Создана в 1994 в США. Ассоциация занимается продвижением методов фасилитации и сертификацией профессиональных фасилитаторов. В апреле 2013 г. прошла первая конференция Российского отделения ассоциации (информация с сайтов: www.iaf-world.org, <http://iaf-russia.org>).

- 41 *Von Hoffman, Nicholas*. *Radical: A Portrait of Saul Alinsky*. N. Y., 2010. P. 74.
- 42 *Ibid.* P. 71–73.
- 43 *Делгадо*. С. 182.
- 44 *Rules*. P. XII–XIII.
- 45 *Von Hoffman, Nicholas*. *Radical: A Portrait of Saul Alinsky*. P. 97.
- 46 *Reveille*. P. XIV.
- 47 *Delgado*. P. 137–146.
- 48 *Deldago*. P. 147.
- 49 *Delgado*. P. 190.
- 50 В пик этого движения ACORN насчитывала порядка 500 тысяч семей, платящих членские взносы, около 1200 ячеек организации, 82 офиса с представителями организаций в Америке, а также в 13 других странах. Кроме того, организация владела зданиями и другой собственностью (http://en.wikipedia.org/wiki/Association_of_Community_Organizations_for_Reform_Now).
- 51 *Делгадо*. P. 31.
- 52 Подавляющее большинство организаторов в 1982 г. были белые мужчины со степенью бакалавра или магистра, около 15 % из них из элитных университетов. Для сравнения: контингент ACORN в то время включал 70 % афроамериканцев и граждан США-латиноамериканцев, 70 % женщин, никто из них не имел за плечами колледжа. Поработав 2–3 года, организаторы, как правило, уходили в политику (*Делгадо*. P. 187).
- 53 *Делгадо*. P. 136.
- 54 Для сравнения: зарплата организатора в 1976 г. находилась в пределах 4–8 тысячи долларов.
- 55 *Делгадо*. С. 101.
- 56 *Vadum, Matthew*. *Subversion, Inc.: How Obama’s ACORN Red Shirts are Still Terrorizing and Ripping Off American Taxpayers*. Washington (D.C.): WND Books, 2011. P. 287–289).
- 57 (http://news.yahoo.com/s/ap/20101109/ap_on_go_ca_st_pe/us_hud_investigation_acorn_1).
- 58 *Vadum*. P. 300, etc.
- 59 *Obama, Barack*. *Dreams from my Father: A Story of Race and Inheritance*. N. Y., 2004. P. 133
- 60 After Alinsky: Community organizing in Illinois.
- 61 *Obama, Barack*. «Why organize? Problems and Promise in the Inner City», in *After Alinsky, Saul: Community Organizing in Illinois*, edited by Peg Knoepfle, Illinois Issues. Springfield: University of Illinois, 1990. *Byron York*. What Did Obama Do As A Community Organizer. National Review Online.
- 62 <http://www.boston.com/news/politics/2012/president/2012/12/23/the-story-behind-mitt-romney-loss-the-presidential-campaign-president-obama/2QWkUB9pJgVli1mAcIhQjL/story.html>
- 63 <http://mypostingcareer.com/forums/topic/6479-obama-does-post-election-constituency-polling/>
- 64 *Делгадо*. P. 27–28, 30–31.

- ⁶⁵ Поскольку я провела несколько лет, организуя проектные игры в 1980-х, то не могу не заметить поразительного сходства в этом отношении между технологиями ОДИ и social organizing. И в той, и в другой практике сложился целый кластер технологий, основанных на одном прототипе, в каждом случае своем.
- ⁶⁶ Несколько штатов приняли закон, по которому от избирателя требуется предъявить удостоверение личности на избирательном участке. По мнению законодателей, эта мера может помочь избежать многих нарушений избирательного законодательства. Генеральный прокурор США Эрик Холдер выступил против этой инициативы и приостановил ее действие в течение выборов 2012, т. к. это, по его мнению, нарушает права бедных людей. Он также выступил с инициативой автоматической регистрации избирателей, что существенно бы облегчило работу приемников ACORN.

Проблема управления технологическими рисками (на примере атомной энергетики и нанотехнологии)*

1. «Мене мене текел упарсин» – «взвешено, сосчитано, отмерено»: жизнь в условиях технологических рисков в атомный век

Основной отличительный признак современных технологических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом. Чернобыль – это не какая-то проходная тема, а предупредительный знак – библейский МЕНЕТЕКЕЛЬ («Мене мене текел упарсин» – «взвешено, сосчитано, отмерено» – слова, начертанные на стене таинственной рукой во время пира вавилонского царя Валтасара незадолго до падения Вавилона, согласно библейскому преданию из Книги пророка Даниила). Мнения экспертов часто диаметрально противоположны. Но именно это открывает возможность дальнейшей дискуссии. Однако для нас важны и просто свидетельства очевидцев, поскольку проблема эта не только техническая, экономическая и научная, но и этическая, социальная и политическая. Отсюда вытекает необходимость социального управления технологическими рисками.

Мощь техники часто иллюстрируют полетами в космос, постройкой гигантских электростанций и плотин, атомной бомбой, разрушающей целые города и т. п. И хотя, с одной стороны, техника отождествляется часто с самим прогрессом, поскольку позволяет решать нам те задачи, которые без нее не смогли бы решаться, с другой – она зачастую одновременно привносит с собой негатив-

* Эта статья подготовлена в рамках проекта РФФИ 12-06-00092-а «Социально-философские и методологические проблемы технологических рисков в современном обществе».

ные социальные и экологические эффекты, может использоваться одними группами людей против других и т. п. Кроме того, развитие и функционирование современной техники больше не рассматривается как дело узких специалистов, призванных осчастливить человечество. Поскольку же отдельные индивиды, целые социальные институты или все общество вынуждены принимать решения о развитии техники, часто не имея достаточных знаний о последствиях ее внедрения, современное общество постоянно сталкивается с проблемой технологических рисков. Основным отличительный признак современных технологических рисков состоит в том, что катастрофические последствия причиненного обществу вреда вызывают изменения в социальной системе в целом.

При расчете технологических рисков часто не учитывается, какое отрицательное воздействие сегодняшние рискованные инженерные действия или научные эксперименты окажут на последующие поколения людей. Причиной этому могут стать легкомыслие, халатность или злой умысел, освоение новых, еще недостаточно изученных технологий или же рутинная деятельность по обслуживанию уже давно функционирующих технических систем. Все это накладывает свой отпечаток на оценку рисков. Необходимо принимать во внимание, что при использовании математических вычислений учитываются лишь те отношения, которые доступны математической обработке, т. е. могут быть количественно выражены или выразимы. Кроме того, определение вероятности того или иного события, которое может привести к аварии, затрудняется тем, что оно часто лежит за пределами познаваемого, а ее последствия измеряются не только в аспекте принесенного материального ущерба, как показали Чернобыльская катастрофа и авария на Фукусиме.

Чернобыль – это тема, которая не может отойти на второй план. Чернобыльский след – это предупреждение человечеству, как незаживающая рана, постоянно напоминает нам о том, что мы шагнули в новую эпоху глобальных техногенных рисков, способных стереть с лица Земли не только все человечество, но и жизнь вообще. Катастрофы, конечно, бывали и раньше, но они носили локальный характер. Испытание и применение ядерного оружия вывело науку и технику за пределы лабораторий и не только в Советском Союзе, где все это списывалось на тоталитарный режим, но и в демокра-

тической Америке, которая, например, с 1946 г. провела ряд таких испытаний на атолле Бикини, последствия которых ощущаются до сих пор. Уже стало невозможно закрыть свинцовой дверью «государственной тайны» то, что трагически изменило жизнь миллионов людей. Никакой «коммерческий интерес», господствующий в современном мире рыночной экономики, не может оправдать и даже «подсчитать» того ущерба, какой несут в себе некоторые «прогрессивные» технологии, реклама которых навязчиво сообщает нам лишь об их чудесных возможностях. Профессор Ханс Ленк в своей статье 1996 г., озаглавленной «До и после Чернобыля», назвал Чернобыльскую катастрофу зловещим предзнаменованием ядерного века. Человечество, пишет Ленк, больше не может изображать из себя страуса, засунувшего голову в песок, испугавшись надвигающейся на него лавины. Но оно не может и остановить эту лавину. Оно может только разумно ограничить себя, чтобы избежать худшего сценария, и с помощью имеющихся социальных, политических и технических средств пытаться осознать и преодолеть эту проблему в целом¹. Но «без понимания истории нет и будущего», как написано в предисловии к недавно вышедшей книге «Новые технологии в обществе». И это история не только свершений и побед, но и поражений и техногенных катастроф, ключевую роль в которой играет Чернобыльская авария. Однако для человечества характерна поразительная способность забывать², поэтому задача философии постоянно напоминать о том, что кроме прогресса и новых возможностей современная техника таит в себе множество опасностей и рисков. В то же время задача философии заключается не в том, чтобы найти окончательные решения стоящих перед современным и будущим человечеством проблем, а постоянно стимулировать их общественное обсуждение.

Мы больше не хотим, чтобы кто-то решал все за нас вместо нас. Суть гражданского общества, которое еще только начинается складываться в России, и заключается как раз в том, что оно стремится учесть и услышать мнение каждого, а не просто подчинить меньшинство большинству или наоборот, особенно если это осуществляется с помощью насилия. Однако насилие может рождать только еще большее насилие. И здесь уместно привести слова инженера П.А.Пальчинского, председателя Российского технического общества, расстрелянного по приговору коллегии ОГПУ, из его

речи 17 мая 1921 г. «Роль и задачи инженеров в экономическом строительстве России»: «Всякий раз, когда жизнь подвергается насилию со стороны носителей власти, жизнь отвечает на это сопротивлением, теми уродливыми результатами, которые сейчас у всех на глазах... Существует жизнь, которую нельзя ломать только потому, что тот или другой авторитет или теоретик политической экономии сказал, где-то и кто-то написал еще, что можно путем приказа, путем создания трудовых армий, близких к аракчеевскому строю, создать ценности, обращаясь с человеком, с его психологией, с его волей и духовной сущностью так, как обращаются с мертвым материалом. ...Без свободы передвижения, без свободы человека заниматься, чем он хочет, не может быть, конечно, и продуктивной работы. Всякое давление, всякий нажим, всякий приказ, всякое возведение в принцип знаменитого изречения Щедрина: “тащи и не пушай”, может привести к исчезновению всякой творческой инициативы. На этой почве ничего построить нельзя»³.

Чернобыль – это не какая-то проходная тема, а предупредительный знак – библейский МЕНЕТЕКЕЛЬ, написанный невидимой рукой на стене во время пира вавилонского царя Валтасара, под которым теперь проходит все наше существование, вся наша жизнь. Мы не можем, не имеем права отодвинуть эту проблему технологических рисков современной глобальной цивилизации, забыть ее, как страшный, но ушедший в небытие сон. Тем более, что сегодня, наконец, преоткрываются те страницы нашей недавней истории, которые скрывались до сих пор под завесой секретности. О них боялись или не хотели говорить, но теперь срок подписки о неразглашении закончился, и нам открываются такие человеческие трагедии и судьбы, которые раньше было даже трудно себе представить. В советском обществе, например, вообще не было места для инвалидов. Даже герои-инвалиды и калеки, выжившие после Великой Отечественной войны, были сосланы на остров Валаам на Ладожском озере, а обсуждение этой темы было запретным. В таком же положении оказались многие жертвы советских техногенных катастроф, в том числе и Чернобыльской. Но именно для таких тем не может быть срока давности. В этой ситуации очень важны появившиеся в печати личные свидетельства и переживания выживших очевидцев, а не только рассуждения политиков и экспертная оценка специалистов, хотя и они, безусловно, важны.

Этих людей отправляли на смертоносные чернобыльские просторы, не спросив их и недостаточно проинформировав их о возможных последствиях, многие из которых были вообще тогда никому не известны. Другие попадали в такие зоны повышенного риска в силу своих профессиональных обязанностей, как, например, Махмуд Мухамедзянович Рафиков, который работал в секретной киностудии, снимавшей «для служебного пользования» ядерные испытания, рискуя часто своим здоровьем. В «Российской газете» за 12 января 2012 г. (№ 4, с. 27) приводятся его впечатляющие слова: «Счетчики Гейгера были тогда только у японцев. Но когда меня прихватило всерьез – на испытаниях первой атомной подводной лодки в Северодвинске – я почти год по больницам валялся. Еле выкарабкался. ...Такая болезнь входила в понятие профессионального риска. Из полусотни режиссеров, операторов, звукорежиссеров, осветителей, которые работали по той же тематике, болели многие. Кто-то выздоравливал, конечно. Но в живых на сегодня я остался один». В отличие от ученых, инженеров, военных этих неизвестных героев как бы вообще не существовало: «Я же работал на киностудии, а там не имели права даже догадываться о том, чем конкретно мы тут занимаемся, что снимаем. Значит, и представлять к наградам нашего брата было некому. Такая вот секретная чехарда получилась. До сих пор не разобраться». А разобраться все-таки надо, хотя бы для того, чтобы такая «чехарда» больше не стала возможной.

Главной предпосылкой сознательного участия общественности в обсуждении проблем радиационной безопасности является регулярная информированность населения о реальном состоянии дел в этой области. Классическим негативным примером, иллюстрирующим важность своевременного информирования общественности, является Чернобыльская катастрофа, когда руководство СССР и даже непосредственно затронутое местное население получили релевантную информацию о масштабах случившегося с непростительным опозданием, стоившим жизни и здоровья огромному количеству людей и приведшим к радиационному загрязнению огромных территорий многих стран. Причем эта информация поступила руководству страны сначала из зарубежных источников, поскольку местные власти и промышленное лобби всегда пытаются скрыть негативную информацию не только от общественно-

сти, но и от своего собственного руководства в надежде разрешить возникшую проблему своими силами. Невозможность реально оценить сложившуюся экстраординарную ситуацию и привела к катастрофическим последствиям для экологической безопасности не только собственной страны, но и всего европейского региона. Одной из причин этой катастрофы, несомненно, была атмосфера тотальной секретности, идущая от особенностей организации военно-промышленного комплекса, причем не только от общественности, но и от специалистов. «Самый яркий пример – авария на Ленинградской АЭС в 1975 г. ...Она протекала по близкому с чернобыльской сценарию, но ее удалось остановить ... Однако информация о тяжелом ядерном инциденте была сразу же засекречена и не доведена до персонала других АЭС...». Кроме того, вопреки имевшимся конструктивным недоработкам (как, кстати сказать, и в случае с японскими АЭС) Правительственная комиссия приняла эти ядерно опасные реакторы в эксплуатацию⁴.

2. Технологические риски как социальная проблема

В 60–70-е гг. XX столетия в этой области уже сложилось достаточно сплоченное и однородное научно-техническое сообщество, которое стало обращать внимание широкой общественности и политиков на таящиеся в атомной науке и технике как мирного, так и военного назначения опасности и риски. Достаточно назвать в этой связи имена Сахарова и Оппенгеймера, который сравнил укрощение атомного ядра с грехопадением человека в райском саду. Атомный проект явился, пожалуй, одним из ключевых в минувшем столетии. Впервые вокруг сначала, казалось бы, чисто научной проблемы сгруппировались вопросы политики, власти, высоких технологий и собственно науки. Наверно, это был первый масштабный научно-технический проект, который и определил лицо современной цивилизации, и создал ее многочисленные проблемы⁵. Анализ развития истории ядерной физики показывает, что вся логика движения в этой области с необходимостью приводила к включению государственных структур в материально-финансовое обеспечение исследовательских работ. Причина состояла не только в том, что резко усложнялась используемая эксперимен-

тальная аппаратура и соответственно возрастала ее стоимость. Овладение ядерной энергией потребовало до сих пор невиданной координации действий целого комплекса направлений как науки и техники, так и государственной политики. Дело все в том, что создание ядерного оружия – это не только чисто физический, а в первую очередь междисциплинарный научно-технический проект. Атомную бомбу, кроме физиков, создавали химики целого ряда направлений, металлурги, в осуществлении проекта принимали участие медики, биологи и геологи. Потребовалось создание целого ряда совершенно новых технологических предприятий. Нельзя забывать также, что с этим проектом теснейшим образом было связано и развитие средств доставки – ракетно-космической техники, а также создание первых электронно-вычислительных машин, как и совершенствование и создание новых типов радиолокационных станций и систем противоракетной обороны. Совершенно понятно, что столь грандиозная программа в принципе не могла реализоваться без участия государства и государственной координации многочисленных направлений ядерного проекта.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем сегодня в области нанотехнологии. Хотя еще не разобрались даже со специально научной точки зрения, например, с тем, что нам могут принести нанотрубки или внедрение разнообразных имплантантов на нанооснове в человеческий организм и даже в мозг, в последние годы растет число вновь созданных фирм, предлагающих нанопродукты⁶. Действительно, представителей современной нанотехнонауки, как и ученых-атомщиков, можно сравнить с персонажем известного стихотворения Гёте «Ученик чародея», который начал «творить чудеса», еще не разобравшись до конца, какие это может вызвать последствия, и не смог остановить запущенный им процесс («эксперимент»): «Вызвал я без знания Духов к нам во двор и забыл чуранье, как им дать отпор!» «Их неосведомленность обошла дорого ...Расщепление ядра предоставило огромные источники энергии, когда либо доступные человечеству, но связанные с их освоением затраты и трудности оказались не менее могучими. ...они принесли такой ущерб окружающей среде и здоровью людей, что человечество обречено залечивать эти раны целые десятилетия и даже столетия. ...Ядерные установки представляли собой государство в государстве»⁷. Однако в отличие от ситуации, описанной в

стихотворении Гёте, в случае с атомными и нанотехнологиями такого учителя, который исправил бы ошибки «подмастерьев», просто не существует.

Кроме того, мирное (вторичное, оправдательное) использование разработанной для военных целей техники неизбежно всегда несет на себе отпечаток второстепенного побочного продукта. Как и при ведении военных действий, мирное использование военных технологий предполагает само собой разумеющимся определенный процент жертв. Однако никакие ссылки на государственную, экономическую или техническую целесообразность и высшие научные интересы не могут оправдать морального и материального ущерба, который может быть нанесен человеку и окружающей среде. После Чернобыльской катастрофы произошел поворот в мировоззрении, появилось осознание необходимости привлечения независимых и незаинтересованных экспертов для оценки безопасности техники, а также понимание ограниченности человеческого познания и возможностей научного предсказания. При создании и эксплуатации атомных электростанций сталкиваются ведомственные, государственные и общечеловеческие интересы, поэтому важна организация независимой от эксплуатирующих организаций, организаций–разработчиков станций и призванных устранять последствия аварии, заинтересованных научно-исследовательских и проектных институтов и т. п., но квалифицированной оценки их проектов и наблюдения за радиационно опасными объектами, а также интернационализация информационного обмена о радиационной ситуации. Решающее значение приобретает организация свободного доступа к информации и на его основе создания возможности свободного выбора индивида (а не выбора «за него») как важнейшего принципа демократического общества.

Без хотя бы относительно независимой оценки новой техники и технологии не только заинтересованными в ее разработке и внедрении учеными, инженерами, менеджерами и политиками крупные техногенные катастрофы или более мелкие, но не менее опасные аварии, как негативные последствия использования техники, невозможно предотвратить. Однако этого мало, поскольку сегодня тесная связь и даже зависимость государства от результатов и динамики научно-технического развития предъявляет новые требования к институционализации процесса принятия полити-

ческих решений. Быстро нарастающие изменения окружающей среды, вызванные неконтролируемым промышленным развитием, невозможно взять под контроль без использования политических средств. Современные продвинутое технологии приносят с собой новые удобства для потребителей, прибыли и преимущества в экономической и политической сферах, но и новые виды рисков и опасностей, которые ставят перед государством задачи не столько компенсировать уже нанесенный ущерб, сколько выработать *превентивные* меры, снижающие степень риска. Становится необходимым долгосрочное планирование научно-технического развития с целью как предвосхищения новых технических возможностей, так и расчета степени риска и разработки упреждающих мероприятий по его устранению. Чтобы правильно решить эти задачи, государство должно мобилизовать достаточно крупный научно-технический потенциал, т. е. возникает настоятельная необходимость тесной связи науки и политики.

Такие последствия развития атомной энергетики, как последствия Чернобыльской катастрофы, не всегда возможно предсказать. Но необходимо хотя бы пытаться это сделать по отношению к новым проектам, проводить соответствующие исследования, выслушивать мнения оппозиционеров еще до принятия окончательного решения, создать правовые механизмы, регулирующие все эти вопросы. Такого рода экспертиза должна быть, конечно, профессиональной, но в то же время общественной как в плане привлечения представителей населения, затрагиваемого тем или иным конкретным проектом, так и в смысле независимости от лоббирующих данный проект групп ученых, инженеров и менеджеров.

Современное общество становится полем перманентного экспериментирования с новыми технологиями, следствия которого могут быть и являются не только позитивными, но и негативными как для общества в целом, так и для отдельных его граждан, которые поневоле становятся подопытными кроликами и объектом злоупотреблений. Такое новое соотношение социальных и технологических изменений в современном обществе вызывает рост осознания технологических рисков, связанных с внедрением и эксплуатацией сложных системотехнических комплексов, электростанций, с производством потенциально токсичных субстанций, возрастанием ощущения экологических угроз со сто-

роны неконтролируемо разрастающихся масштабов фактически новой индустрии утилизации практически всех промышленных продуктов. Иллюзия того, что рыночная экономика способна автоматически регулировать этот процесс, моментально исчезнет, если вспомнить, с какими техногенными катастрофами связано развитие крупных технологических комплексов в двадцатом столетии.

Конечно, оценка социальных последствий использования техники и обращение с рисками зависит от социально-политического контекста. Но она зависит и от господствующей в обществе морали, и от личной моральной и социальной ответственности ученых и инженеров, создателей новой техники и участвующих в ее эксплуатации. Таким образом, все сходится на вопросах этики ученого, инженера, пользователя сложных социально-технических систем.

Проблема технологических рисков в последние десятилетия стала предметом обсуждения не только технических специалистов, но и представителей социально-гуманитарных наук. Это связано с тем, что она вышла за пределы узко научных интересов, но попала в центр внимания самой широкой общественности. Учащающиеся техногенные катастрофы, связанные как с ошибками проектирования и природными катаклизмами, так и с нештатным использованием новой техники, вывели эту проблематику на трансдисциплинарный уровень. Как отмечает К.Митчам⁸, проблема исследований технологических рисков возникла также в рамках обсуждения технической этики, когда понятие свободного и информированного согласия на риск переносилось из сферы медицины в область технологии. Это было связано с поддержкой моральной оценки рисков со стороны неспециалистов, которая зачастую оказывалась более рациональной и взвешенной, чем со стороны научно подкованных экспертов.

Ответственность разработчиков новой техники и технологии не только перед нынешним, но и перед последующими поколениями очевидна каждому здравомыслящему и культурному человеку. Кроме того, в условиях развития средств космического наблюдения и высокочувствительной измерительной техники невозможно скрыть от мировой общественности даже небольшие загрязнения окружающей среды в любой точке нашей планеты. А при необычайном росте экологического сознания в развитых западных странах такого рода негативные антропогенные воздействия на приро-

ду могут повлечь и часто влекут за собой экономические санкции и не только со стороны правительств этих стран, но и простого населения, добровольно отказывающегося покупать продукты, производство которых связано с загрязнением окружающей среды. Моральная, юридическая и экономическая безнаказанность руководства и отдельных работников промышленных предприятий в России, загрязняющих окружающую среду, может привести лишь к тому, что некоторые недобросовестные западные предприниматели постараются сбить нам свои неакцептабельные по экологическим причинам в развитых западных странах продукты и технологии. Они попытаются также передать в качестве «подарков» устаревшую технику, обозначаемую в этих странах как «спецотходы», утилизация которых у них стоит огромных денег. С некоторыми из таких отходов не только природа не в состоянии справиться самостоятельно, но и не существует до сих пор удовлетворительных научных и инженерных разработок, позволяющих помочь ей эти отходы «переварить». В этом случае мы сталкиваемся с попыткой, заработав на их первичной переработке и складировании, переложить проблему их утилизации на плечи последующего поколения российских граждан, к которому относятся и собственные дети и внуки тех, кто принимает по этому поводу соответствующие решения. Это настолько же безнравственно, как и жертвовать нынешним поколением в надежде на достижение счастливого будущего последующими, что вдалбливали в головы бедных советских граждан несколько десятилетий коммунистические идеологи. Что из этого вышло, мы испытываем сами на себе до сих пор.

Разрушение чувства «непогрешимости» проектанта перед лицом пассивного объекта, подвергающегося проектному воздействию, стимулирует развитие у проектировщика чувства сопереживания, сопричастности, формирования не только технического, но и этического отношения к объекту исследования и проектирования. Когда моральная ответственность индивидуума растворяется в ответственности общества в целом, она становится безответственностью. Это наиболее рельефно выражается при создании больших человеко-машинных систем, сложных технических комплексов, которые разрабатываются огромным количеством квалифицированных специалистов – инженеров, ученых, конструкторов, руководителей различных рангов, и отдельный участник этого

гигантского процесса творения не чувствует себя ответственным за изделие в целом, а лишь за какую-то его часть. В действительности же это не снимает с него ответственности за ненадежное функционирование системы в целом, опасное для людей, связанных с эксплуатацией данной системы, или же вредное для окружающей среды, какое бы он положение ни занимал в коллективе разработчиков. Часто индивидуальное осознание морального долга приходит в противоречие с корпоративным или государственным долгом. Так, например, Дж.Ротблат, один из американских инженеров, разработавших атомную бомбу в рамках Манхэттенского проекта во время войны, поскольку Гитлер мог ее создать и применить первым, после окончания войны решил выйти из проекта. Но ему не разрешили этого сделать из-за соображений государственной безопасности. Однако он все-таки с большим риском для себя лично добился своего, а пятьдесят лет спустя получил Нобелевскую премию мира в качестве одного из основателей Пагоушского движения за его этическую и политическую деятельность среди ученых и инженеров. Основная задача Пагоушского движения как раз и состояла в том, чтобы методами общественного воздействия противодействовать использованию достижений науки во вред человечеству, т. е. в пробуждении взаимной ответственности ученых и общества⁹. Данный факт накладывает особый отпечаток на обсуждение безопасности ядерной энергетики и ответственности ученых, инженеров и политиков за нее. Время между Чернобыльской катастрофой и аварией на АЭС в Фукусиме можно образно охарактеризовать словами известного германского философа Ханса Ленка – «между технокатастрофой и надеждой»¹⁰. Теперь эта надежда окончательно растаяла, чего нельзя сказать о выброшенных в атмосферу, в воду и на землю радиоактивных веществах. Ленк, разбирая случай с катастрофой американского «Шаттла», когда инженеры предупреждали о ненадежности прокладки, но старт был всё-таки разрешен, говорит о конфликте производственно-экономических, технических интересов и интересов общественности с требованиями безопасности и надежности¹¹. В таких случаях всегда возникает вопрос: кто несет юридическую ответственность за подобного рода аварии – инженер-конструктор, руководитель проекта, менеджер или оператор? Однако моральную ответственность несут все.

Зависящий от правильного или неверного принятия решения риск ведет по отношению к тем, кого затрагивают эти решения, к анонимно вызванному риску. Речь идет о том, что, принимая решения строить, например, АЭС или разрешить проведение полевых генно-инженерных экспериментов, основываются на некоторых рациональных правилах, взвешивая возможные выгоды или ущерб от данного решения. Но с точки зрения тех, кого это решение затрагивает, например, проживающего на данной территории населения, это решение представляет собой опасность, которая результируется, исходя из деятельности других, кому, однако, это решение не может быть явно приписано. То есть в случае даже техногенной катастрофы, вызванной этим решением, трудно найти виновных, так как ответственность становится распределенной.

Опасности – это события, которые появляются независимо от человеческой деятельности. Однако, если они нам известны, можно попытаться от них уклониться: вовремя покинуть местность, где будет или может быть землетрясение, не строить дом вблизи реки, чтобы избежать опасности наводнения, и т. п. Опасности в этом *смысле* мы можем рассматривать как судьбу. Риски же, напротив, возникают из-за сознательной деятельности, и за то, что им подвергаются, должен кто-то нести ответственность: отдельные персоны, социальные институты или общество в целом. В то же время решения, принятые с учетом рисков, являются всегда парадоксальными, поскольку различие между риском и его отсутствием исчезает, когда есть выбор между принятием и непринятием решения: если мы решаемся на рискованное предприятие, остается открытым вопрос о его результативности, а если избегаем такого риска, то, возможно, потеряем некоторые преимущества.

Проблемы *управления рисками* связаны с тем, каким образом последние рефлектируются индивидами и организациями, которые обращаются с ними, усиливая или ослабляя их последствия. К действиям, увеличивающим или снижающим степень риска, в частности относятся и технические инновации, которые могут служить усилению рисков, а могут и помочь компенсировать их, если речь идет, например, о разработке различных технических средств безопасности. Согласно Максиму Веберу, наука обеспечивает расколдовывание мира именно тем, что она делает его просчитываемым. Однако знания о рисках всегда носят гипотетический характер.

Несмотря на ничтожную вероятность наступления нештатного события, оно происходит прежде всего в силу не просчитываемых в этом случае человеческих, политических и социальных факторов. При этом риск рассматривается как особая «социальная технология», которая служит преодолению опасностей.

Однако ожидание от таких социальных технологий того, что они способны сделать технологические опасности и катастрофы точно калькулируемыми, принципиально неверно. Они предполагают широкий диалог создателей техники, ее потребителей, государственных структур и общественности, экспертов и тех, кого ее штатное или нештатное функционирование затрагивает или может затронуть в сложном процессе общественного взаимного обучения всех участвующих в нем сторон, формирования их коллективного взаимопонимания. Риск и инновации не являются особенностями отдельных социальных подсистем (экономики, научной политики и т. п.), а относятся ко всей структуре современного общества в целом.

3. Принятие решений относительно технологических рисков в условиях незнания или неполного знания (на примере нанотехнии)

В сфере научного анализа технологических рисков все большее внимание обращается на проблему «незнания». Дело в том, что оценка позитивных и негативных воздействий той или иной технологии, например, на окружающую среду, часто затрудняется недостатком или вообще отсутствием необходимых для принятия решений знаний. При этом решения должны быть приняты и принимаются, что, естественно, увеличивает опасность появления негативных последствий новых технологий и связанные с их внедрением технологические риски. Наиболее показательной в данном случае является нанотехнология, где установки, предназначенные для проведения научных экспериментов, одновременно становятся оборудованием для нанофабрикации. Ученые еще сами до конца не выяснили природу изучаемых ими явлений на наноуровне, а нанопродукты заполняют все больше и больше современный рынок. И это не только выгодный бренд, но и содержащий наночастицы

продукт, скажем, в области косметики или в производстве текстиля для одежды, лекарственных препаратов и даже продуктов питания. В настоящее время особое внимание уделяется публичному обсуждению рисков производства и внедрения синтетических наночастиц¹². «Может произойти неблагоприятное воздействие наночастиц на биосферу... Синтетические наночастицы могут быть выпущены в окружающую среду или же могут проникнуть в тело человека. ...Многие из этих материалов находятся пока только в исследовательских лабораториях. Вместе с тем некоторые наночастицы уже присутствуют во многих областях нашей жизни, и их число будет значительно увеличиваться в течение ближайших лет. Большинство из этих наноматериалов пока еще недостаточно исследованы в связи с возможными последствиями для здоровья людей и окружающей среды. Таким образом, классическая стратегия оценки рисков из-за пробелов в знаниях, касающихся опасностей наночастиц, неприменима. Количественные меры вероятности ущерба и степени возможной опасности пока отсутствуют»¹³.

В рамках Евросоюза создана специальная комиссия по разработке стратегии в области нанотехнологии, которая особо подчеркивает в своих публикациях потенциальный риск для здоровья, безопасности и окружающей среды в связи с повсеместным использованием наноматериалов и обязывает исследователей, разработчиков, производителей и распространителей этих материалов особое внимание обратить на возможно наиболее раннее выявление этих нанотехнологических рисков¹⁴. Западноевропейские политики, однако, считают существующее законодательство достаточным для этой новой сферы науки и техники и не видят необходимости для принятия новых специальных законов. Основной упор, по их мнению, в этой сфере должен быть сделан на ответственность ученых, инженеров и предпринимателей. При этом важную роль играет постоянное информирование населения о возможных нанотехнологических рисках¹⁵.

Подключение общественности к обсуждению проблематики технологических рисков имеет важное значение, поскольку граждане не могут рассматриваться как простые подопытные кролики, и внедрение новых инновационных технологий имеет в конечном счете целью не простое извлечение прибыли, а создание более надежных и удобных средств существования человечества, причем

как общества в целом, так и его отдельных социальных групп и индивидов. С этой целью проводятся исследования общественного мнения и организуются специальные целевые конференции с участием широкой общественности. «Нанотехнология представляет собой как пользу, так и риск для здоровья человека и окружающей среды. Для оценки рисков по отношению к нанотехнологии требуется информация о потенциальных дефектах и вредных следствиях использования наноматериалов и созданных на их основе продуктов. Чтобы помочь обеспечить такого рода исследования необходимой информацией, важно идентифицировать и выделить приоритетные темы. С этой целью организуется серия обсуждений с привлечением экспертов из области техники и представителей заинтересованных сторон, способных проанализировать выборочные исследования частных случаев применения наноматериалов. Такого рода исследования будут включать в себя как рассмотрение всего жизненного цикла нанопродуктов (исходные материалы, производство, распределение, хранение, использование, удаление, ресайклинг), мультимедийные экологические процессы, связанные с транспортировкой и преобразованием, рискованные сценарии и влияние на здоровье людей и окружающую среду, так и специфическую оценку риска и проблематику управления рисками. Хотя малое исходное количество имеющихся данных вынуждает скорее к качественному, чем к количественному подходу, будут использоваться и формальные методы, извлекаемые из экспертных оценок приглашенных участников для выработки ориентированной на учет технологических рисков стратегии»¹⁶. Именно там, где общество чувствует себя неуверенно, стараются ликвидировать эту неуверенность с помощью выработанного наукой знания. Однако как раз в области новейших технологий и ощущается дефицит знаний, часто граничащий с незнанием.

О.Ренн, профессор факультета экологической социологии университета в г. Штутгарт (Германия) и М.Роко, сотрудник Национального научного фонда (National Science Foundation) США в своей статье «Нанотехнология и необходимость управления рисками» следующим образом определяют понятие управления риском: «*Управление риском* включает в себя всю совокупность акторов, правил, соглашений, процессов и механизмов, связанных с тем, каким образом собирается, анализируется, транслируется

релевантная информация о технологических рисках и как принимаются решения в этой области»¹⁷. Ренн и Роко выделяют четыре основные поколения нанотехнологических продуктов и процессов, а именно: 1) пассивные наноструктуры, появившиеся главным образом после 2000 г., включающие в себя, например, нанотехнологические покрытия; 2) активные наноструктуры, появившиеся после 2005 г., например, нанотранзисторы, молекулярные машины и т. п., которые могут менять свои состояния в течение времени и быть биологически или физико-химически активными; 3) системы наносистем, использующие технику синтеза и самосборки, как наносистемы фотоники и спинтроники или искусственные клеточные структуры в наномедицине, применение которых, относимое авторами статьи к 2010 г., обладает высоким потенциалом риска (вышедшие из-под контроля модифицированные вирусы и бактерии или вмешательство в тонкие структуры головного мозга); 4) гетерогенные молекулярные системы будущего (2015–2020 гг.), в которых составляющие их молекулы имеют специфическую структуру и играют различные роли, т. е. будут использоваться как автономные устройства, получающие новые функции в рамках искусственно создаваемой структуры. Именно на этом последнем этапе произойдет, по их мнению, действительная конвергенция нано-, био-, инфо- и когнитивных наук, провозглашенная в самом начале нанотехнологической революции. На этом этапе трудно предсказуемой или вообще неконтролируемой становится эволюция самих искусственно созданных или гибридных наносистем. Далее Ренн и Роко рассматривают те трудности, которые сегодня возникают в сфере управления нанотехнологическими рисками. Главной трудностью, по их мнению, на этапе разработки и внедрения пассивных наноструктур является относительно низкий уровень знания об их действительных свойствах и реальном функционировании, например, токсичности, мощности экспозиционной дозы фотонного излучения и т. п. и разрыв между системами регулирования нанотехнологических исследований и разработок и nanoиндустрии на национальном и международном уровнях.

Наиболее сложная проблема в области оценки нанотехнологических рисков заключается в том, что в данном случае пока нет никаких количественных данных и все заключения делаются на основе опроса экспертов. Однако в сущности экспертное сообще-

ство в этой новой области науки и техники еще не сложилось. Во-первых, оно принципиально междисциплинарно, и это приводит к значительному разбросу в оценках, поскольку эксперты принадлежат разным научным сообществам, имеющим различные ценностные ориентиры. Во-вторых, в качестве экспертов привлекаются не только ученые и инженеры, но представители промышленных кругов, предприниматели разных уровней, правительственные чиновники и представители разнообразных неправительственных организаций, что еще более усложняет проблему адекватных оценок рисков, если учитывать неодинаковую степень информированности экспертов о реальном положении дел в данной области и вообще недостаток знаний, не только научных и технологических, но и социальных, экономических, экологических, статистических и т. п.. В-третьих, к этому следует еще добавить различное социальное отношение и политические установки в разных странах по отношению к нанотехнологической проблематике. Это существенно замедляет процесс формирования и консолидации мирового экспертного сообщества в области нанотехнологии. Кроме того, информирование широкой общественности о результатах исследований, возникающих проблемах их внедрения в новые технологии и влияния на социальную и природную окружающую среду, а также здоровье людей осложняется лавинообразным ростом нанотехнологических знаний. В результате даже весьма осведомленные эксперты из одних областей нанотехнонауки имеют лишь приблизительное представление о том, что происходит в других ее областях. Потенциальное же использование достижений нанотехнологии для разработки новых видов оружия делает проблему обсуждения нанотехнологических рисков особенно чувствительной, поскольку некоторые ее исследования становятся закрытыми с целью обеспечения национальной безопасности.

Эта ситуация повторяет фактически историю с разработкой атомного проекта после Второй мировой войны с тем лишь отличием, что в 60–70-е гг. XX столетия в этой области уже сложилось достаточно сплоченное и однородное научно-техническое сообщество, которое стало обращать внимание широкой общественности и политиков на таящиеся в атомной науке и технике как мирного, так и военного назначения опасности и риски. В США и в СССР эта область была долгое время закрыта для обсуждений и свобод-

ного получения информации о несчастных случаях и катастрофах. «Классическим примером такого общего стиля мышления было сокрытие ЦРУ и КГБ данных о катастрофе на ядерном объекте “Маяк” (вблизи многомиллионного города Челябинск) в 1957 г., когда произошел выброс на хранилище радиоактивных отходов». Даже врачи после таких катастроф давали подписку хранить государственную тайну и не разглашать степень риска, которому подверглось местное население. В течение долгих двадцати лет эти службы безопасности отказывались информировать остальной мир о катастрофе огромного масштаба и ее последствиях ... Поэтому до сих пор нет возможности установить действительное количество жертв производства атомного оружия, не в последнюю очередь из-за стремления сделать из этого тайну, пытаться замять и пренебрежительного отношения к здоровью людей со стороны официальных органов ... и это считалось нормальным при создании и эксплуатации атомных фабрик. Даже в США, где закон дает гражданам значительные возможности потребовать отчета государства за свои ошибочные действия, многое остается неизвестным»¹⁸.

Разработка программы «идеального солдата» с существенно расширенными возможностями имеющихся органов чувств человека и даже инсталляцией новых органов чувств, таких, например, как инфракрасное зрение представляет собой аналогичную ситуацию. И пока мировая общественность рассуждает об этих возможных опасностях, в США, например, учреждается специальный институт (Институт солдатской нанотехнологии в Массачусетском технологическом институте) и проводятся конкретные работы и эксперименты в этом направлении. Разработки проводятся не только по снабжению «идеального солдата» улучшающим его органы наноборудованием и созданным на основе новых наноматериалов обмундированием (более легким и обладающим, например, свойствами приспосабливаться к окраске окружающей местности), но и по вживлению в его организм биологических, электромагнитных и химических наносенсоров¹⁹.

В целом, если обратиться к обсуждению проблематики нанотехнологических рисков в международном масштабе, то возможный риск нанотехнологий рассматривается прежде всего как потенциал для будущих приложений. При этом в настоящее время

почти полностью отсутствуют знания о возможных долговременных последствиях этих приложений. В этом и состоит знаниевый разрыв, осложняющий возможность управления рисками в данной новой научно-технической области.

Примечания

- ¹ *Lenk H.* Übergröße der Verantwortung? Vor und nach Tschernobyl // *Ethika*. 1996. Nd. 4. Nr. 4. S. 363–376.
- ² *Neue Technologien in der Gesellschaft. Akteure, Erwartungen, Kontroversen und Konjunkturen.* Bielefeld: transcript Verlag, 2011. S. 96–105, 111.
- ³ Центральный гос. архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР. Ф. 3348, оп. 1, сд. хр. 695, л. 32–34.
- ⁴ *Неизвестный Чернобыль: история, события, факты, уроки.* М., 2006. С. 331–332.
- ⁵ *Gleitsmann R.-J.* Über die Verantwortbarkeit wissenschaftlicher Erkenntnis: das Fallbeispiel Kernforschung und Atombombe 1938–1945 // *Fallstudien zur Ethik in Wissenschaft, Wirtschaft, Technik und Gesellschaft.* M.Maring (Hrsg.). Karlsruhe Institute für Technologie (KIT): KIT Scientific Publishing, 2011.
- ⁶ *Fleischer T.* Nanotechnologie // *Fallstudien zur Ethik in Wissenschaft, Wirtschaft, Technik und Gesellschaft.* M.Maring (Hrsg.). Karlsruhe Institute für Technologie (KIT): KIT Scientific Publishing, 2011.
- ⁷ *Hertsgaard M.* Expedition ans Ende der Welt. Auf der Suche nach unserer Zukunft. Frankfurt a/M., 2001. S. 199, 197–198.
- ⁸ *Mitcham C.* Ethics and technology // *Philosophy of Technology and Engineering Sciences* / Ed. by A.Meijers (Handbook of the Philosophy of Science, Vol. 9) Amsterdam, 2009.
- ⁹ *Mitcham C., Duval R.S.* Engineering Ethics. Upper Saddle River, N.J.: Prentice-Hall, Inc., 2000. С. 11.
- ¹⁰ *Lenk H.* Macht und Machbarkeit der Technik. Stuttgart, 1994. S. 35.
- ¹¹ См.: *Lenk H.* Einige Technik-Katastrophen im Lichte der Ingenieurethik // *Fallstudien zur Ethik in Wissenschaft, Wirtschaft, Technik und Gesellschaft.* M.Maring (Hrsg.). Karlsruhe Institute für Technologie (KIT): KIT Scientific Publishing, 2011. S. 149.
- ¹² См., например: *Paschen H., Coenen C., Fleischer T.*, etc. Nanotechnologie. Forschung und Anwendungen. Berlin, 2004; *Schmid G., Brune H., Ernst H.*, etc. Nanotechnology – Perspectives and Assessment. Berlin: Springer. 2006; *Nanotechnology. Vol. 1. Principles and Fundamentals* / Ed. by G.Schmidt. Weinheim, 2008; *Grunwald A., Hocke P.* The risk debate on nanoparticles: Contribution to a normalisation of the science / society relationship? // *Kaiser M., Kurath M., Maasen, S., Rehmann-Sutter Chr.* (Eds.): *Governing future technologies. Nanotechnology and the rise of an assessment regime.* Dordrecht, 2010. P. 157–177.
- ¹³ *Grunwald A.* Nanoparticles: Risk management and the precautionary principle // *Jotterand, F.* (Eds.): *Emerging conceptual, ethical and policy issues in bionanotechnology.* Berlin, 2008. P. 85–102.

- ¹⁴ Communication from the Commission: Regulatory Aspects of nanomaterials. Brussels, 2008. P. 3–4.
- ¹⁵ *Kurath M.* Nanotechnology Governance. Accountability and Democracy in New Modes of Regulation and Deliberation // *Science, Technology and Innovations Studies*. 2009. Vol. 5. № 2, December.
- ¹⁶ Nanotechnology risk assessment case study workshops (http://cfpub.epa.gov/si/si_public_record_Report.cfm?dirEntryID=158524).
- ¹⁷ *Renn O., Roco M.C.* Nanotechnology and the need for risk governance // *Journal of nanoparticel research*. 2006. Vol. 8(2). P. 5.
- ¹⁸ *Hertzgaard M.* Expedition ans Ende der Welt. Auf der Suche nach unserer Zukunft. Frankfurt a/M., 2001. S. 200–201.
- ¹⁹ The National Nanotechnology Initiative Strategic Plan. National Science and Technology Council, Washington (http://www.nano.gov/NNI_Strategic_Plan_2007.pdf).

**Методологические заметки, касающиеся
инструментов управления взаимодействием
«наука – инновационная практика»**

1. Сначала стоит охарактеризовать тандем «фундаментальная наука – прикладные исследования». В современной философии науки (В.С.Стёпин, Е.А.Мамчур, В.Г.Горохов, В.М.Розин и др.) показано, что **разделение исследований на фундаментальные и прикладные связано с типологией, в которой выделяются работы, ориентированные на решения практических задач (инженерных, организационных, технологических и т. д.) и познание законов природы.** Подобное различие начало складываться в науковедении, эпистемологии и философии науки в первой половине XX столетия в связи с резким увеличением исследований, ориентированных на обслуживание военной промышленности и других отраслей хозяйства и управления. В настоящее время данная типология научных исследований постепенно утрачивает свое значение.

Безусловно, формирование естественных наук приводит к необходимости различать два разных класса исследований. Однако что это за различия? Исследования Галилея и Гюйгенса с самого начала были ориентированы на нужды техники. Но для себя эти ученые решали задачи, которые можно назвать обратными: первый создавал новую науку, ориентированную на управление процессами природы в инженерных целях, второй – первые образцы инженерной деятельности, включающие использование естественнонаучных знаний. Чтобы решить данную задачу, Галилей, во-первых, приводит изучаемое природное явление в соответствие со специ-

ально построенной математической конструкцией (для этого и потребовался эксперимент), во-вторых, конституирует и описывает изучаемое явление в форме механизма, только в этом случае становились возможными расчет и управление природными явлениями, что необходимо для инженерной деятельности. Гюйгенс, наоборот, зная выраженный в математической форме закон, создает техническую конструкцию, которую он истолковывает как природное явление (механизм), что позволяет рассчитать ее параметры, используя в данном случае приемы Галилея.

После данных пионерских работ разворачиваются научные исследования в русле построения естественных наук, а также прямо ориентированные на задачи набирающей силу инженерной практики. До поры до времени оба эти типа исследований идут вместе, обуславливая друг друга. Но, начиная с конца XIX в., они расходятся. С одной стороны, дифференцируется класс исследований, целью которых является построение самих естественных фундаментальных наук: выделение исходных начал, формулирование законов, описание области выделенных фактов, построение понятий, онтологии, теории, обоснование и прочее. С другой стороны, резко возрастает потребность в построении различных моделей и схем для инженерной и позднее технологической деятельности; в свою очередь для решения этих задач часто приходится вести исследования в рамках складывающихся естественных наук.

В гуманитарных и отчасти в социальных науках связь между построением научного знания (теории) и областью практики, где эти знания используются, другая. Здесь нет такого звена, как эксперимент и инженерия, когда, с одной стороны, устанавливается изоморфизм математических конструкций и природных процессов, которые описываются на основе этих конструкций, а с другой стороны, обеспечивается именно в рамках инженерной деятельности изоморфизм естественнонаучного построения и технической конструкции, которая сообразно этому изоморфному отношению и рассчитывается. Гуманитарное и отчасти социальное знание, чтобы быть использовано на практике, не требует ни эксперимента, ни специальной инженерной деятельности. Это знание одновременно и теоретическое, и практическое, оно ценностно нагружено и задает новую событийную реальность. Для гуманитарных и социальных наук практика построения их самих входит в сферу

применения соответствующих знаний: это первый, исходный опыт такого применения, что не отменяет необходимость и других областей использования этих знаний.

В настоящее время изменилась и ситуация в сфере научно-технической деятельности. Инженерия перестала быть ведущим способом создания технических изделий, эту роль перехватила технология, в которой широко используются инженерные разработки и разные типы исследований, включая социальные и гуманитарные. Кроме того, решение задач управления природными и хозяйственными процессами все больше опосредуется знаниями и изучением негативных последствий научно-технического развития и рядом дополнительных требований (надежности, безопасности, экологичности, культуросообразности и другими). В результате складываются новые типы исследований и отношения между ними, для которых оппозиция «прикладное-фундаментальное» работает плохо. Но она продолжает работать в сфере научного осознания и научно-технической политики.

Другая линия трансформаций связана с включением научной общественности в принятие решений по поводу развития и самой науки, и прикладных исследований. Новые вызовы времени, в том числе коммерциализация науки, обусловили необходимость участия научного сообщества как одного из важных условий эффективности принимаемых текущих и стратегических решений.

Еще одна линия – формирование новых синтетических методов управления наукой и научными исследованиями и их организации. Примером являются «форсайт-проекты», т. е. инструменты формирования приоритетов, оценки и мобилизации большого количества участников для достижения качественно новых результатов в сфере науки и технологий, экономики, государства и общества.

2. В процессе взаимодействия в 2008–2012 гг. от имени Министерства промышленности и торговли и Фонда разработки и коммерциализации новых технологий с институтами Академии наук был сделан ряд наблюдений. Теоретические открытия выдающихся отечественных учёных, сделанные во второй половине XX в. (в послевоенный для нашей страны период), по-прежнему являются фундаментальной базой для поиска и достижения новых результатов. Последние возникают и складываются в ходе экспериментов, ведущихся в сотнях лабораторий десятков научных центров нашей страны.

Их авторы – ученики великих первооткрывателей. Результаты позволяют администраторам сформулировать предложения для практического применения в экономике, причем не только в военной сфере.

В свою очередь наиболее амбициозные команды – это группы с новым экономическим опытом. Лидеры таких групп благодаря тем или иным обстоятельствам встроены в систему выработки современной госполитики в области науки и техники и в силу этого более очевидным образом устремлены в область практического применения.

Речь в частности идет о разработках института, возглавляемого С.М.Алдошиным, и экспериментального завода РАН, возглавляемого В.А.Бородиным (оба расположены в подмосковной Черноголовке).

Институты Академии наук, расположенные в наукоградах Пущино, Обнинск, Кольцово, стали одними из первых участников социосистемы Сколково. Может быть, потому, что в свою очередь, наряду с профильной специализацией в рамках распределения направлений в рамках Академии, они в последнее время предпринимали усилия для поиска дополнительных контрактов наряду с госзаказом, включая поиск спроса на свои разработки из-за рубежа.

Со своей стороны прикладники-инноваторы явно нуждаются в более углубленном понимании отдельных областей фундаментального познания для более точного определения для самих себя сути разрабатываемых инноваций. Как, спрашивается, организовать диалог между вышеописанными группами учёных?

3. Очень важным инструментом развития социосистемы Сколково является система управления в виде нескольких независимых Советов. При хорошей организации можно обеспечить высокое качество принятия решений внутри формируемой социосистемы. Такой институт, как консультативно-научный Совет интересен не только своим интернациональным составом, но и тем, что в нем представители разных научных школ имеют возможность давать разностороннюю оценку общему ходу работ и на общей основе определять зону стыковки между фундаментальными науками и коммерциализацией уже имеющихся прикладных решений. Совет принимает решение поддержать определенные проекты, выдвинутые его членами, и тем самым задает некую линию для ориентира тех, кто приступает к разработкам самостоятельно, вне академической среды, например, на базе одного из региональных технопарков в сфере высоких технологий.

Здесь же надо отметить, что Сколково как институт развития призвано поддерживать в первую очередь (если не исключительно) высокорискованные исследования. Ближайшим организационным аналогом в данном случае следует считать агентство DARPA (США). Каждое решение, заинтересовавшее такие организации, важно не столько своей последующей коммерциализацией именно в рамках предложенного проекта, а тем, что не потеряна новая интересная идея, понимание которой доступно для всех, кто работает в рамках соответствующей программы под эгидой данной организации. Из таких идей складывается база знаний, становящаяся познавательным материалом и для тех, кто продолжает стоять на позициях фундаментального подхода, и для тех, кто ищет себя на позициях прикладных решений, идущих от текущего спроса. В идеале искомая комбинация двух подходов может послужить основанием для дизайна новых потребностей общества.

4. Отдельный важный инструмент переопределения границ между прикладной и фундаментальной областью знаний – это форсайт. В сколковской парадигме он представляет собой набор приоритетных ориентиров, по которым фонд как институт развития оказывает разнообразную поддержку исследовательским и предпринимательским командам. Эти форсайты зарождались на первых заседаниях Консультативно-научного Совета и проходили через обсуждение еще одного важного Совета, состоящего из лидеров транснациональных высокотехнологичных корпораций.

Подобное сочетание диспозиций двух высококвалифицированных сообществ обеспечивает российскому учёному максимально возможное понимание глобального спроса на новые научно-технические решения. Форсайты делаются в рамках работ ведущих стратегических консалтинговых компаний международного уровня с участниками различных секторов нашего внутреннего рынка: энергетики, медицинских услуг, телекоммуникаций.

Этот подход позволяет лучше структурировать область поиска решений. Ученый не только видит, что именно в мире ещё не прошло стадию открытия. Он видит и целесообразность продолжения исследований на базе уже сделанных открытий фундаментального характера, поскольку повышается разнообразие вариантов решений.

5. Встречным инструментом со стороны структур, отвечающих за реализацию госполитики, стала разработка технологических платформ. На базе техплатформ организовано взаимодействия как

государственных, так и частных предприятий, являющихся заказчиками и (или) исполнителями научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, общая тема которых заявлена в наименовании платформы. Сами платформы отличаются возможностью лучшей коммуникации между научными структурами и предпринимательским сообществом в рамках возможного согласования корпоративных решений, устранения ненужного дублирования за счет повышения информированности, а также возникновения новых синергетических, как принято говорить, эффектов, в том числе за счет прозрачности и проницаемости доступа к результатам работ коллег. Это тоже новый стиль. По некоторым из техплатформ Фонд разработки и коммерциализации новых технологий стал ведущим исполнителем.

6. Более жестко структурированной, но не менее значимой стала разработка госкорпорациями программ инновационного развития. Появились такие форматы, как постановления правительства, стимулирующие участие государственных и частных корпораций в софинансировании прикладных исследований с привлечением зарубежных ученых и с возможностью ускоренного обновления оборудования, необходимого для проведения исследований. В ряде случаев это создает и основы для нового диалога между университетской наукой и отраслевыми НИИ.

Программы университетов, если их выпускники идут в экономику, имеют все-таки в большей степени прикладную ориентацию специалиста широкого профиля, усиливаемую в настоящее время предпринимательскими компетенциями. Десятки научных организаций ждут узкопрофильных специалистов, ориентированных на серьезную научную жизнь, способных заниматься исследованиями.

Факт, что по многим направлениям мы идем по пути заимствований. Впрочем, это дает импульс и для поиска собственных новых решений, которые в рамках прикладных технологий создадут предпосылки и для развития фундаментальных школ. В ряде случаев это может означать возникновение новых направлений. В конце концов количество неудач в альянсах между университетами и заводами становится поводом для вызовов, адресованных фундаментальной науке. Вероятно, нужно искать новые формы организации, не ограничиваясь привычными институтами Академии.

Участие больших корпораций дает необходимый для постановки задач масштаб. Но это в текущем режиме. В долгосрочном периоде не все корпорации готовы решать новые задачи и делать это открыто. Тут вновь большую роль играет государство, и его политика долгосрочного научно-технологического развития важна как для фундаментального сектора, так и для прикладного. Удачным примером новых форматов мы считаем стратегию развития инноваций до 2020 г. как основу для уточнения и обнаружения взаимосвязей в тематике ряда важных работ.

7. Очень интересным примером стирания прежде непреходимых границ между фундаментальным и прикладным является развитие идей учениками известных ученых. Если работы Ж.И.Алферова стали основой для реализации зарубежными корпорациями, то его ученики, защитив докторские работы по вполне фундаментальным темам, вытекающие из них прикладные работы использовали в своих собственных предпринимательских проектах. Эти ученые прошли зарубежную практику и в научной среде, и в предпринимательской. Вернувшись в Россию, они стали работать в совместных проектах институтов развития, где основной упор начали делать на коммерциализацию и стимулирование спроса.

Более конкретным вариантом ответа Сколково на вопрос об изменении границ областей фундаментальных и прикладных научных работ дает модель Сколковского университета, где основой являются центры технологического превосходства как инструменты для прорывных исследований поискового характера. Выбор первых центров носит комбинированный характер. Здесь и возможность предложения и самовыдвижения, и возможность отбора с использованием услуг стратегического консультанта – MIT (Массачусетский технологический институт). Команда во главе с Эдвардом Кроули полагает, что надо отбирать проекты ученых, имеющих опыт работы как в России, так и за рубежом.

8. Отбор пяти приоритетов деятельности созданной в 2008 г. комиссии по модернизации и технологическому развитию происходил в диапазоне нескольких десятков направлений. Два из пяти приоритетов указывали на области, где технологический приоритет России был завоеван в глобальной конкуренции XX в. Это ядерные и космические технологии. В третьей области, информа-

ционных технологиях, мы гордимся своими кадрами и их подготовкой в рамках высшего образования – там, где сильные программы по математике.

Две другие области, попавшие в приоритетный набор, относятся к числу тех, где наука и экономика в нашей стране отстают. Это, во-первых, биомедицинские технологии. Увы, здесь наш рынок в руках производителей лекарственных средств, уже вышедших из под патентной защиты. Комплексный выход на новые медицинские технологии, связанные с применением новых методов и материалов, вызывает спрос на новые кадры во врачебном деле, то есть в новых современных технологиях «человек–человек».

Во-вторых, это энергоэффективность. Страна, заявившая в 2006 году на саммите стран G8 («Большой восьмерки») о себе как об энергетической сверхдержаве, испытывает дефицит в новых технологиях энергосбережения. Осознание этого создает хорошее представление о возможном спросе, поскольку на этом рынке у серьезных игроков есть мотивы для обновления технологий.

9. Первоначально общей установкой развития проектов, отобранных по пяти направлениям, была поддержка частной инициативы или выделение уже сформированных команд, готовых быстро перейти к запуску проектов. Эта поддержка оказывалась с помощью прямого выделения средств из бюджета, а также применения ресурсов и механизмов уже существовавших институтов развития. Такой подход нельзя назвать междисциплинарным, однако он закладывает основания для реалистического решения той или иной проблемы, если стадия научного поиска уже пройдена и прикладные решения найдены.

Когда стало очевидным и необходимым организовать поиск новых проектов, находящихся на стадии идей, то первые из них могли служить примером того, что перенос идей из одних сфер знаний в другие может дать необходимый толчок развитию новых школ и направлений. В какой-то степени это было связано с участием в проектах Сколково ученых из-за рубежа, уже на практике освоивших парадигму конвергентных технологий; один из наиболее характерных примеров – концепция NBIC (концепция взаимовлияния нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий и когнитивных наук). В рамках каждого из пяти направлений наши отставания во многом были связаны с тем, что

ряд отечественных школ в течение нескольких десятилетий развивался по модели обособленной специализации. Во главе таких школ стояли сильные ученые и администраторы. Другие направления в России не развивались даже не из-за дефицита ресурсов, а из-за отсутствия лидеров. Но они развивались в других странах, и благодаря нашей открытости к сотрудничеству лидеры этих направлений, а также культуры междисциплинарного подхода стали теперь участвовать в совместных исследованиях.

10. В рамках форсайтов Фонда разработки и коммерциализации новых технологий стали появляться четкие ориентиры, совмещающие и стимулирующие поиск по двум направлениям одновременно, например, в рамках биоинформатики, медицинской радиологии, телемедицины. Не все такие гибридные темы были распознаны сразу, поначалу несколько десятков заявок не смогли быть отнесены к сфере ведения той или иной экспертной коллегии. Но главное затруднение состоит в том, что не всегда в коллегиях был хотя бы один специалист, понимающий двойной характер предлагаемой для исследования темы.

11. Ханна Арендт констатировала негативное влияние целого ряда научных прорывов на судьбу человечества. Для чего ученый технократ приступает к разработке прикладного проекта? Очевидно, что изначально его замысел складывается из имеющихся знаний, его кругозора, умения оценить возможности, чтобы не повторять уже сделанные научно-технические открытия. В один из моментов научного поиска возникает вопрос о социально значимых последствиях того или иного изобретения. Что может ограничить такой самоконтроль? Жажда быть первым не дает ученым заснуть. Страх исследователя, что, проснувшись, он обнаружит в почте журнал с публикацией конкурента, доводит до бессонницы. Но сама задача задумать то, чего еще нет, уже влияет на психологическое состояние и, стало быть, становится поводом для этического анализа.

Большая часть ученых при этом бьётся над вечными проблемами, вписываясь в те или иные уже сложившиеся истории научного поиска, не ставя под сомнение необходимость изобретения дешевого топлива или эффективного лекарства. Как при этом могут возникать и возникают побочные опасные явления типа оружия массового поражения или античеловечных последствий для отдельно взятой личности? Попытки контролировать эти процес-

сы законодательно практически неэффективны. Мы судим об этом не только по кинофильмам о Джеймсе Бонде, но и по простому сравнению законодательств разных стран безотносительно, например, к степени укоренения религии в жизни соответствующих народов и обществ.

Когда вы ограничиваете что-то в научном поиске, то маркируете область непознанного и тем самым провоцируете ученого на «заглядывание» в зону запрещенного. Права на создание нового естественным образом принадлежат ученому и вряд ли могут быть принудительно изъяты из его сознания. Как и в случае с нормальной конкуренцией, важно обеспечить баланс прав собственности на незавершенные и повторно доводимые изобретения.

Здесь ничего, кроме стимулирования саморегулирования и самосознания в сообществе ученых, не предложишь. Именно самоограничение должно стать инструментом управления рисками научно-технического развития. Очевидно, что должна складываться и укрепляться гуманитарная ткань любого инженерного замысла. Такая система должна как подкреплять уже ведущиеся работы, так и иметь образовательную составляющую как минимум на уровне старших классов средней школы, когда молодой человек делает выбор специальности. Институт или университет, куда он подаст документы, должен с первого курса способствовать формированию комплексного мировоззрения. Вузы, у которых есть такие программы, должны иметь более высокое место в рейтингах любого толка.

12. Особая проблема в том, чтобы наши новации и реформы оградить от привычных, традиционно российских (да и западных) способов использования открывшихся новых возможностей в плане собственного продвижения и обогащения. Коррупция – это не обязательно взяточничество. Сегодня чаще она представляет собой придумывание схем, позволяющих извлекать доход или занимать более высокое положение благодаря новым возможностям (выделенным ресурсам, фондам, новым организациям и проч.). Как спрашивается, противостоять этому негативному творчеству – вот в чем вопрос. Одно из направлений решения этой проблемы, помимо общего климата в государстве и обществе, – методологический анализ и сопровождение инновационной и реформаторской деятельности, ориентированные на прозрачность, общественный контроль, ротацию кадров.

Общество знаний и перспективы философии управления

Выражения «общество знаний» и «общество знания»¹ все чаще используются для осмысления процессов, происходящих в хозяйственной и политической жизни, в информационной сфере, в структурах образования и науки, в отношениях внутри организаций и между ними. В опубликованном ЮНЕСКО докладе с показательным заглавием «К обществам знания» утверждается: «Сегодня общепризнано, что знание превратилось в предмет колоссальных экономических, политических и культурных интересов настолько, что может служить для определения качественно нового состояния общества, контуры которого лишь начинают перед нами вырисовываться»². Общество знаний приобретает черты нового социального идеала, определяющего направленность стратегий и программ региональных, национальных и международных структур.

Как в первом приближении охарактеризовать общество знаний? В имеющихся сегодня публикациях на эту тему представлены различные подходы, своеобразие каждого из которых определяется выдвиганием на первый план той или иной стороны рассматриваемого явления. Однако в любом случае речь идет об обществе, где главной движущей силой развития становится производство и использование знаний. Под последним в данном случае подразумеваются самые разные виды деятельности, в числе которых приобретение, распространение, практическое применение знаний.

Тема общества знаний – перспективная для дискуссий, участники которых могут исходить из разных представлений о том, что есть общество знаний. Вряд ли разумно ожидать, что на этом пути будет достигнуто «общепризнанное определение». Смысл подобных обсуждений не в достижении такого определения, а в том, чтобы участники их, выходя за пределы специализированного контекста, открывали для себя новые грани изучаемых предметов и явлений, а возвращаясь в привычный контекст, изменяли его, формулируя новые вопросы и исследовательские задачи.

Долго ли останется модной идея общества знаний? Сегодня этого не знает никто. Степень популярности общественной идеи в тот или иной период времени зависит от множества факторов как объективного, так и субъективного порядка. Что же касается постоянной потребности в новых знаниях, средствах ориентации, путях выживания и достижения успеха, то можно с уверенностью утверждать, что в стремительно меняющемся мире такая потребность не только сохранится, но будет приобретать первостепенное значение для все большего числа людей, организаций, сообществ.

Общество знаний понимается по-разному в зависимости от того, каким видится будущее глобальное человечество – единой унифицированной системой, работа которой определяется стандартизованными правилами, или же множеством сложнейших систем, каждая из которых, будучи связанной с другими и зависимой от них, обладает своеобразием и автономией, формулирует цели и культивирует ценности, развивается, используя все доступные ресурсы знаний, включая уникальные, трудно «переводимые» на языки других систем.

Именно разнообразие будущих обществ знания акцентируется в упоминавшемся выше докладе ЮНЕСКО. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что в названии – «К обществам знания» – слово «общество» употреблено во множественном числе. Авторы поясняют, что оно использовано здесь для того, чтобы подчеркнуть, что не существует какой-то единой модели общества знаний, которую можно было бы «поставить под ключ». Культурное и языковое многообразие не может быть в достаточной мере учтено такой моделью, а люди вне языков и культур не могут успешно ориентироваться и находить свое место в стремительно меняющемся мире. «Построение любого общества всегда включа-

ет различные формы знания и культуры, в том числе и те, на которые оказывает сильное влияние современный научно-технический прогресс, – подчеркивается в докладе. – Нельзя допустить, чтобы революция в сфере информационных технологий и коммуникации привела к тому, что, исходя из логики узкотехнологического детерминизма и фатализма, рассматривалась бы как возможная лишь одна единственная форма общества»³. Унификация и стандартизация, предполагающая переформатирование имеющихся знаний и отказ от не укладывающихся в новые форматы традиций, – не тот путь, который авторы считают оптимальным. Исходя из предпосылки, что каждое из существующих ныне обществ имеет собственные преимущества в сфере знания, они ставят вопрос об использовании таковых в процессах развития экономики знаний. В этом контексте «осознание каждым обществом богатства знаний и способностей, которыми оно обладает, с целью их лучшей оценки и использования» видится как условие нахождения обществом адекватных ответов на вызовы, связанные со стремительными изменениями, происходящими в мире.

Знание об управлении – один из важнейших видов знания, без которых немислимо развитие современного общества. Характеризуя проблемы управленческой мысли в современной России, В.М.Розин и Л.Г.Голубкова формулируют проблему языка, необходимого для разумного и эффективного использования накопленного опыта. Острота данной проблемы объясняется тем, что отказ от советских методов, неприменимых в условиях нового российского капитализма, сопровождался некритическим заимствованием инженерного подхода к организации, характерного для западных, прежде всего американских управленческих моделей. Этому, по мнению Розина и Голубковой, способствовало то обстоятельство, что современные российские руководители, получившие хорошее инженерно-техническое образование, не имели полноценной гуманитарной подготовки в области управления. «Даже если им удастся добиться результатов, – пишут Розин и Голубкова, – они не могут перевести их в транслируемый опыт, в отчуждаемую “методику”. Такой способ управления усугубляется еще и тем, что вся современная российская управленческая культура бессловесна или использует заемный, очень ограниченный менеджерский “новояз”; для нее не существует адекватных способов выраже-

ния. Задачи современного управления требуют от руководителей умения работать с картинами мира сотрудников и партнеров, а это при отсутствии соответствующих навыков и разработанного языка практически невозможно»⁴. Следует подчеркнуть, что в условиях распространения рыночных и упрощенных финансово-экономических подходов на все сферы жизни общества и человека перспектива затраты каких-либо ресурсов на создание подобных языков может отвергаться «с порога» как не вписывающаяся в рамки узкого понимания рациональности и эффективности. Хорошо известная установка: «Некогда говорить, надо дело делать!» – в условиях, когда говорить все же необходимо, реализуется в насыщении русского «новояза» кальками английских слов и выражений без учета многозначности этих слов в языке заимствования. Это представляется экономичным и эффективным решением вопроса, создает иллюзию движения к «мировому уровню», а несоответствие полученных конструкций картинам мира и ценностям людей, деятельность которых такие конструкции теперь регулируют и регламентируют, воспринимается как «лирика», не заслуживающая внимания «эффективных менеджеров».

Так, «образовательные услуги» – результат неудачного перевода на русский язык английского слова «service», которое означает не только «услуги», но также (и прежде всего!) «службу», «работу». Между тем неправильный перевод – не случайность, но закономерное следствие распространения рыночной идеологии за пределы естественных границ, захвата ею тех сфер деятельности человека, где главенствующую роль играли и должны играть иные принципы. Яркий пример использования упрощенных подходов с позиций рыночной идеологии вместо серьезных системных проработок – рисуемая перспектива создания «умной экономики» за счет «завоза» в страну ученых из-за рубежа. В самом примитивном варианте ученые уподобляются товару, а государство – покупателю, выбирающему, на что выгоднее потратить имеющиеся деньги: на финансирование обветшавшего и деградирующего вследствие пребывания на «голодном пайке» в течение двух десятилетий отечественного научно-образовательного комплекса или на импорт тех производителей знаний, которые смогли развиваться в условиях несравненно более благоприятных, чем российские. В менее упрощенных контекстах ученые уподобляются высококлассным зарубежным бухгалтерам,

которых удалось привлечь на работу в российские компании. Однако в обоих случаях не учитываются ни особенности мотивации ученого, ни системные факторы, способные создавать серьезные препятствия для реализации творческого потенциала личности.

Когнитивный разрыв и когнитивное производство

Должны ли ключевые термины управленческого знания заимствоваться из языков, носители которых достигли наибольших успехов в организации производства знаний, технологий, товаров и услуг? А может быть, отказываясь формулировать и осмысливать проблемы на собственном языке, люди упускают из виду нечто важное, без чего организовать успешную работу носителей этого языка невозможно? Возникновение подобных вопросов закономерно, если перспективы философии управления обсуждаются в контексте проблематики общества знаний.

Должны ли национальные общества ограничиться ролью частей глобального общества знаний, имеющего центр (страны, производящие основные виды информационной продукции, знаний и технологий) и периферию (страны-потребители некоторых видов знаний и поставщики сырья)? Или каждому национальному обществу следует стремиться к тому, чтобы создать условия для реализации творческих возможностей человека, развивать науку, технику, промышленность? Теряются ли знания с исчезновением языков? Как отличить развитие языка от его деградации?

В качестве одной из основных опасностей, грозящих обществу (или обществам) будущего, рассматривается опасность «познавательного разрыва» между странами самыми благополучными и самыми обездоленными, а внутри одной страны – между разными категориями населения. «Общества знания не должны стать обществами разобщения», «Общества знания должны обеспечивать совместное использование знаний», – эти мотивы относятся к числу основных, звучащих в цитированном выше докладе ЮНЕСКО.

Следует отметить, что проблема когнитивного разрыва связана с обсуждаемой более десятка лет проблемой «цифрового разрыва», а также информационного неравенства, которая имеет еще более длительную историю.

Техноцентристским идеалом глобального информационного общества является совершенствование информационных технологий, их распространение по всему миру и расширение доступа к информационным ресурсам, прежде всего через компьютерные сети. Предельным случаем выступает состояние, когда любой человек, находящийся в любой точке земного шара и даже за его пределами, в любой момент времени может получить необходимую ему информацию. Собственно этот идеал и задает магистральное направление в движении к информационному обществу, а затем в совершенствовании такого общества и достижении им стадии зрелости. В подобном контексте информация видится как вещь или квазивещь, которой одновременно может пользоваться сколь угодно большое число людей без всякого ущерба для нее самой, а развитие демократии рассматривается как направленное на обеспечение технических и организационных возможностей для доступа к такой ценной вещи, как информация.

Противоречие между формальным равенством граждан перед законом, которое дополняется провозглашением формального равенства возможностей, и реальным (порой вопиющим!) неравенством в обладании основными жизненными благами с давних пор даёт повод говорить о лицемерном характере существующих демократических режимов. В этом контексте информация выглядит некой «палочкой-выручалочкой» – тем уникальным благом, которого может хватить на всех, особым ресурсом, не убывающим от его употребления.

Проблема равного доступа к информационно-коммуникационным технологиям активно обсуждалась в этическом и общесоциологическом контексте уже в середине 1980-х гг. Противоречие между идеалом информационного общества и реальными диспропорциями в распространении компьютерных технологий было осознано как возникновение нового вида неравенства. Появились опасения, что общество в промышленно развитых странах раскалывается на «информационно богатых» и «информационно бедных», причём первыми становятся «просто богатые», а вторыми – «просто бедные», и таким образом богатство и бедность воспроизводятся на новом технологическом уровне. Энтузиасты информационного общества провозглашали, что равные возможности будут обеспечены равным доступом к информации, что

информационная эпоха позволит решить острые проблемы общества, в том числе проблемы бедности, безработицы, социальной несправедливости, однако реальные процессы распространения и использования информационно-коммуникационных технологий скорее опровергали, чем подтверждали подобные представления.

Равенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям становится в информационную эпоху одним из важнейших аспектов равенства как социальной ценности. Что же касается реально существующего неравенства в этом отношении, то оно осознается как важная, а порой и главная составная часть проблемы информационного неравенства в целом.

Идеал доступности информации нашел отражение в «Хартии глобального информационного общества», принятой в 2000 г. на встрече в Окинаве глав государств «большой восьмерки», где участвовал и президент Российской Федерации. Окинавская хартия в пункте 9 провозглашает: «Каждый человек должен иметь возможность доступа к информационным и коммуникационным сетям». Эта задача понимается сегодня как преодоление так называемого цифрового разрыва («digital divide»). Под «цифровым» (или «электронно-цифровым») разрывом понимается растущее неравенство в доступе к информационно-коммуникационным технологиям между разными странами, а также между различными социальными группами внутри одной страны⁵.

И все же проблема информационного неравенства как таковая возникла задолго до появления глобальных компьютерных сетей. Ей посвящены имеющие солидную «до-сетевую» историю дискуссии об информационном колониализме и культурном империализме, которые до начала 90-х годов XX века воспринимались в нашей стране как нечто экзотическое, касающееся некоторых народов Азии, Африки и Латинской Америки. О превращении России в информационную колонию как об опасности, а то и как о свершившемся факте всерьез заговорили лишь в 1990-е гг.

Изменение политических и социально-экономических основ жизни в этот период сопровождалось и во многом определялось сменой культурных ориентаций. Это происходило в условиях, когда развитие информационных технологий открыло новые возможности для распространения потребительских предпочтений и вкусов от более мощных в технологическом отношении субъектов к

более слабым, а проблемы научно-технической политики, направленной на обеспечение достойного места страны в мировом разделении труда, не вызывали в правящих кругах должного интереса. А.И.Ракитов в книге «Философия компьютерной революции», изданной в 1991 г., писал о перспективах такого вида социально-экономической, политической и духовно-культурной сегрегации, при котором «в наиболее развитых информационных обществах сконцентрируется вся или почти вся интеллектуальная индустрия. Они станут источником, хранителем и держателем основных интеллектуальных ресурсов, производителем доминантных информационных технологий, продуцентом основных культурных и социально-гуманитарных потребностей. Остальные же страны мира превратятся в потребителя информационной технологии и информационной продукции, производителя сырья и отдельных видов промышленной продукции»⁶. Ученый выражал вполне обоснованную обеспокоенность тем, что реальная политика руководства страны способствует (пусть и непреднамеренно) переходу России в разряд информационных колоний.

Так называемый информационный империализм как разновидность империализма культурного связывают с возросшими опасностями конфликтов ценностей и норм, характерных для различных национальных культур. Обычно культурный империализм понимается как использование политического, экономического и технологического могущества для распространения ценностей и обычаев иноземной культуры, ведущего к вытеснению ценностей культуры национальной. С социал-дарвинистских позиций данный процесс оценивается как вполне нормальный: считается, что вытеснение одних культур другими неизбежно, поскольку в культурной, как и в любой другой эволюции наиболее сильные и приспособленные выживают за счет слабых⁷. Оппоненты подобных воззрений подчеркивают, что «сильнее» не значит «лучше», а потому замена ценностей более слабой в экономическом или военном отношении или просто менее агрессивной группы ценностями группы, более сильной в этих отношениях, не должна заведомо оцениваться как проявление культурного прогресса. Кроме того, сохраняет силу позиция, согласно которой многообразие культур само по себе должно рассматриваться как ценность⁸. Однако попытки «урезонить» субъектов информа-

ционной экспансии апелляциями к самоценности национальных культур и «культурным правам» народов наивны и заведомо обречены на неудачу.

Совокупность явлений и процессов, обозначаемых такими выражениями, как «культурный империализм», «культурный колониализм», «информационный империализм» или «информационный колониализм», слишком сложна и многогранна, чтобы быть адекватно понятой с нормативистских позиций. Одна из ключевых в данном контексте – проблема качеств информационного продукта, делающего последний востребованным далеко за пределами той страны, где он создаётся. Кстати, производство информационной продукции, привлекательной для людей в разных странах, само по себе не предполагает «навязывания» народам этих стран ценностей страны-производителя. Если фильмы, созданные в США, изобилуют сценами насилия, а герои этих фильмов не выглядят особо обременёнными интеллектом, это ещё не значит, что насилие и низкий интеллектуальный уровень относятся к разряду так называемых американских ценностей. Не следует недооценивать и того обстоятельства, что многие люди, зачастую сами того не осознавая, желают быть подданными великой информационной империи, пусть и в статусе обитателей колоний. При этом информация, которая активно предлагается им, способна создать у них извращённое представление о причинах успехов и могущества информационной метрополии.

В современном обществе информация – не только особого рода ценность-ресурс, которая должна стать доступной как можно большему числу людей, но и такая ценность-ресурс, которую следует защищать от нежелательного (несанкционированного) доступа. Информация – средство достижения адекватного понимания целей, задач и содержания деятельности социального субъекта (индивида, организации, государства) другими участниками коммуникативных процессов, условие создания благоприятной обстановки для реализации данных целей, каковые представляются благородными, справедливыми или как минимум правомерными. Вместе с тем информация – средство воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание, имеющее мощный (преднамеренный или побочный) деструктивный эффект, блокирующее способности подвергающегося воздействию субъекта к про-

дуктивной деятельности, к реализации собственного творческого потенциала, а в предельном случае ведущее к его социальному уничтожению.

Могут ли подобного рода опасности исходить от знаний? На первый взгляд нет. Обладание знанием традиционно считается благом для человека. Однако осуществление идеи совместного пользования знаниями само по себе не способно отменить явления, характеризующиеся как культурный или информационный колониализм. Решающее значение здесь приобретает способность ориентироваться в мире знаний, правильно определять собственные интересы и реализовывать творческий потенциал.

Мировое неравенство в сфере знаний, ситуация с утечкой мозгов, доступность и качество образования – все эти вопросы имеют прямое отношение к теме «познавательного разрыва».

Революция мировоззренческая и управленческая

Тема «мировоззренческой революции» была поднята В.Е.Лепским в контексте обсуждения проблем инновационного развития. В России сегодня, утверждает В.Е.Лепский, речь должна идти о «мировоззренческой революции в массовом сознании»⁹, не последнюю роль в которой призваны сыграть СМИ. Соглашаясь в общем с этим утверждением, заметим все же, что СМИ как таковые не производят мировоззренческих идей – они могут лишь способствовать распространению таких идей. А науки о духе обладают необходимым потенциалом для того, чтобы формулировать общественные идеалы и разрабатывать мировоззренческие основы сознательного культуросозидания.

Темой философских дискуссий должен стать новый «большой проект», несмотря на то что совсем недавно мировыми философскими и политологическими знаменитостями было объявлено об окончании эпохи «больших проектов» и даже о «конце истории». И несмотря на то, что многие российские философы сохранили не самые приятные впечатления об участии в предыдущем «большом проекте», неудачное окончание которого ознаменовал распад Советского Союза. Осмысление опыта того, старого проекта еще далеко не закончено. Его воспроизведение в новых условиях не

только нежелательно, но и невозможно. Новый «большой проект» должен обладать иным качеством, основываться на иных принципах, реализовывать иные цели с использованием иных методов. Сходство со старым – в направленности на совершение технологического рывка, столь необходимого для существования страны и народа как субъекта истории.

«Большой проект» непременно предполагает культуросоциализацию, которое вынуждено быть сознательным уже в силу ограниченности ресурсов времени: новая культура не сможет сформироваться в приемлемые сроки из «естественного», стихийного взаимодействия имеющихся тенденций. Следует подчеркнуть, что мировоззренческая революция как условие и составная часть «большого проекта» не только не требует великих потрясений социально-политического и экономического характера, но служит их предотвращению.

Речь, разумеется, не идет о формировании единого общеобязательного мировоззрения, чей статус был бы подобен статусу марксистско-ленинского в советскую эпоху. Кстати, основы последнего были заложены людьми, гордо называвшими себя ортодоксальными марксистами, а ортодоксия («подлинный марксизм») естественно противопоставлялась ереси, то есть ревизионизму. Сегодня ситуация принципиально иная. Мировоззренческое обеспечение развития предполагает выдвижение разных вариантов мировоззренческих программ, способных участвовать в методологических и социально-технологических синтезах. Понятия ортодоксии и ревизионизма здесь неуместны. Формулирование идей и идейных систем, их обсуждение и продумывание необходимы для создания инновационной мировоззренческой среды, без которой немислимо формирование и реализация «большого проекта». От философии это требует многого, в том числе соответствующих реконструкций культурных традиций и развития собственной прикладной части. Следует согласиться с В.И.Бакштановским, утверждающим, что «...российская модернизация продуцирует ситуацию морального выбора, требующую активной и системной рефлексии потенциала различных ценностных систем»¹⁰.

«Мировоззренческая революция» в данном контексте означала бы формирование новой философии управления.

Когда-то представители русского марксизма связывали с развитием управленческой науки надежды на построение коммунистического общества. И сегодня «Тектология» – фундаментальный труд А.А.Богданова – воспринимается многими исследователями, отнюдь не разделяющими коммунистических убеждений, как источник ценных идей, отвечающих потребностям в разработке проблем управления и системного анализа.

Богдановская тектология, или «всеобщая организационная наука», призвана описать мир, «выступающий перед нами как беспредельно развертывающаяся ткань форм разных типов и ступеней организованности – от неизведанных нами элементов эфира до человеческих коллективов и звездных систем»¹¹. Основные объекты тектологии – «организованные комплексы», представляющие природу, технические устройства, человеческое общество. Следует отметить, что Богданов придерживался эмпириомонистского мировоззрения, сходного с философией Э.Маха. Однако, отождествляя мир и опыт, Богданов, в отличие от Маха, устанавливал генетическую зависимость физического и психического рядов опыта. Комплексы рассматриваются как состоящие из «активностей-сопротивлений», которые могут измеряться. В идеале теория организации должна стать точной наукой: «...Структурные отношения могут быть обобщены до такой же степени чистоты схем, как в математике отношения величин, и на такой основе организационные задачи могут решаться способами, аналогичными математическим»¹². Богданов проводит количественное различие между комплексами организованными, дезорганизованными и нейтральными. Первым считается комплекс, общий показатель активности-сопротивления которого превышает сумму активностей-сопротивлений частей, дезорганизованным – тот, который меньше суммы своих частей, а нейтральным – равный сумме частей. Одна и та же система может оказаться организованной по отношению к одним активностям-сопротивлениям, нейтральной по отношению к другим, дезорганизованной – по отношению к третьим.

В качестве основных организационных механизмов Богданов выделял «конъюгацию» – соединение комплексов – и «ингрессию» – метод «вводных» или «посредствующих» комплексов для установления цепной связи. Иллюстрируя возможности постановки и решения жизненно важных проблем с позиций всеобщей ор-

ганизационной науки, Богданов делает ряд интересных выводов. Например, конъюгационная схема возможностей развития показывает, что «гибель племен и народностей, хотя бы весьма отсталых, суживает базис дальнейшего развития человечества в его целом... Сумма организационных форм в самом широком смысле этого слова, из которой исходит прогресс человечества, уменьшается необходимо и бесповоротно при истреблении отсталых племен»¹³. Автор надеялся, что прогресс тектологии даст возможность свести в конечном счете всякую задачу практики и теории к вопросу о способе наиболее целесообразно организовать некоторую совокупность элементов – реальных или идеальных.

Следует отличать содержание общей теории от результатов ее применения к конкретным областям и случаям. Такие результаты (даже когда речь идет об авторском применении) обусловлены не только характером данной теории, но и иными факторами, участвующими в процессе порождения «прикладного знания». Так, идеи целесообразности и «вычислимости», получившие столь впечатляющее представление в «Тектологии», лежали и в основе проекта «пролетарской культуры», который не вписывался в официальный марксизм и уже в советское время воспринимался как эксцентричный. Пролетарская культура в понимании Богданова и других теоретиков Пролеткульта – это не те нормы, традиции, образцы поведения, которые характерны для реально существующего рабочего класса, но культура будущего, которая должна быть сознательно сконструирована. По существу, речь шла о том, что сегодня называют социальным проектированием и социогуманитарными технологиями.

Богданов утверждал необходимость в культуре новых форм жизни и развития, свободных от противоречий и принуждения¹⁴. Нормами «внешнего принуждения», не принимающими во внимание мотивов поведения человека и изменяющихся условий действительности, этот автор считал нормы морали и права. Им на смену, полагал он, должны прийти нормы целесообразности, типичным образцом которых служат «научно-технические правила». Они не предписывают целей или границ поведения, но указывают наилучшие способы достижения этих целей. Автор приводит следующий поясняющий пример: характерная для старой культуры норма внешнего принуждения («не пожелай жены ближнего твое-

го») сменяется в новой культуре нормой целесообразности: «Если ты пожелал жены ближнего твоего, то...»¹⁵. Богданов-теоретик считает, что господство норм целесообразности, наступающее в сфере техники и познания, со временем должно распространиться на экономические отношения, что будет означать переход от экономической системы капитализма, полной противоречий и потому регулируемой внешними нормами, к «гармонической системе сотрудничества», которой подобные нормы не нужны.

Примечательно, что техницистский подход, отвергающий нормы морали и расширяющий границы поведения за пределы, предусмотренные правом, характерен и для «эффективных менеджеров», действующих в условиях современного русского капитализма.

В эпоху, когда интеллектуализация организации считается важнейшим условием ее выживания, тема организационного интеллекта достойна того, чтобы стать одной из важнейших в философии управления. Конкретизация проблемы интеллекта применительно к особенностям носителя, его ресурсам, целям и задачам, условиям функционирования не отменяет необходимости уточнения общего представления об интеллекте – в первую очередь об интеллекте естественном. Упрощенная характеристика интеллекта как способности принимать хорошее решение при экономном расходовании ресурсов может оказаться пригодной для использования при определенных обстоятельствах, однако в общем случае явно недостаточна. Весьма полезным в контексте рассматриваемых проблем является предпринятое В.К.Финном¹⁶ уточнение совокупности способностей, образующих естественный интеллект. В числе таковых – способность выделять существенное в наличных данных и знаниях (необходимый аспект интуиции), способности к целеполаганию и планированию, к рассуждению, аргументированному принятию решений, к оценке знаний и действий, способность задавать вопросы «что такое?», «почему?» и искать ответы на них, способности к синтезу познавательных процедур, к обучению и использованию памяти, к рационализации идей, способность к созданию целостной картины предмета мышления и к адаптации в условиях изменения жизненных ситуаций и знаний.

На представления об интеллекте отдельного человека как о совокупности перечисленных способностей можно опираться, не только выясняя специфику искусственного интеллекта, но и

оценивая интеллектуальные свойства человеческих систем, например, в случаях, когда речь идет об организационном или о национальном интеллекте (последнее не отождествляется с «национальной ментальностью»), но понимается как системное свойство общества). Каким образом интеллектуальные качества работников организации связаны с организационным интеллектом? Почему организация, состоящая из интеллектуальных людей, способных к аргументированному принятию решений, обучению и использованию памяти, умеющих выделять существенное и выживать в новых ситуациях, оказывается неспособной находить эффективные решения, использовать имеющиеся ресурсы и адаптироваться к меняющимся условиям? Каким образом должна быть устроена организация, чтобы задачи, решаемые сотрудниками, способными ставить цели и разрабатывать планы, синтезировать познавательные процедуры и рационализировать идеи, не вступали в противоречие с задачами организации в целом и не блокировали выполнения последних? Каковы пути необходимой интеллектуализации организаций в такого рода случаях? Подобные вопросы приобретают особую актуальность в контексте задач формирования инновационной культуры, без которой общество знаний немыслимо.

Менеджмент знаний и самосознание науки

Управление знаниями – одно из новых направлений в менеджменте. Смысл слова «знание» как термина профессиональной лексики менеджмента знаний существенно отличается не только от его философских трактовок, но и от того, что понимают под ним в повседневной жизни. Дело в том, что в «менеджеральных» контекстах словом «знание» обозначают все «невидимые» (нематериальные и нефинансовые) активы. В учебнике «Управление знаниями в инновационной экономике» поясняется, что к невидимым активам фирмы относят вложения в человеческий капитал фирмы и в НИОКР, сюда же включают торговую марку, интеллектуальную собственность, квалификацию менеджеров и персонала, отношения с потребителями и поставщиками, внутрифирменную культуру (этика и социальная ответственность – компоненты такой культуры). Все это называют также интеллектуальными активами

или «знаниями», а управление таковыми – «управлением знанием»¹⁷. Расхождение такого понимания с повседневной практикой очевидно: в обычном мире не называют знанием ни торговую марку, ни отношения между людьми и организациями.

Из сказанного никоим образом не следуют какие-либо рекомендации по изменению профессиональной лексики менеджмента знаний или экономики знаний. Подобные рекомендации были бы не только заведомо безнадёжны, но и не имели бы достаточных оснований. В конце концов, творец языка – народ, в том числе и та часть, которая трудится в упомянутых областях. Выражение «измерение знаний» удобней в использовании и звучит привлекательней, чем длинное «измерение рыночной стоимости нематериальных активов».

Недоразумения возникают тогда, когда за пределами экономических контекстов ценность знания понимают как его рыночную стоимость или полагают, что можно измерить знание как таковое – если не в денежных единицах, то хотя бы в индексах цитирования статей ученого и количестве публикаций в журналах с высоким импакт-фактором.

Добавление к платонистскому мировоззрению идеологом гедонизма и прагматизма, причем в крайне вульгаризованных вариантах – а именно это мы имеем сегодня в России – вряд ли означает рождение новой культуры. Скорее это дает новые поводы говорить о бескультурии. Целенаправленное культуротворчество как творчество мировоззренческое предполагает рефлексивное отношение к культуре вообще. Общепринятое представление о последней как совокупности достижений людей в освоении природы, обустройстве среды обитания, регулировании отношений между людьми, в науке, технике, искусстве и т. д. в данном контексте вполне уместно. Оно может служить основой и для определения «болевых точек», и для выбора элементов, необходимых для наполнения ресурсной базы. Однако наиболее интересные перспективы открывает «программоцентричная» концепция культуры, развиваемая В.С.Стёпиным.

В рамках этой концепции культура мыслится как система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения¹⁸. Эти программы не являются неизменными, но исторически развиваются, не существуют в отрыве от многообразия знаний и навыков, норм и идеалов, образцов деятельности

и поведения, социальных целей и ценностей, но представлены ими. В.С.Стёпин выделяет три уровня программ в системе культуры. Первый составляют реликтовые программы, «осколки» прошлых культур, утратившие ценность для общества новой эпохи, но все еще регулирующие некоторые виды поведения людей (к таким относятся, например, устаревшие традиции, обычаи). Второй уровень представлен программами, возникшими как выражение запросов и потребностей современного общества, а также сформированными на предшествующих этапах развития, а затем вписавшимися с определенными изменениями в новые условия. Наконец, третий уровень содержит программы видов и форм человеческой деятельности, возможных в будущем. Не всем из них суждено осуществиться в реальности, однако, порождая подобные феномены, общество вырабатывает «проекты», значимость которых может оказаться огромной. Упомянутые типы программ, существующие в культуре на любом этапе ее развития, условно можно обозначить соответственно как устаревшие, современные и новаторские.

Принципы научного этоса, удачно сформулированные американским социологом Р.К.Мертоном в 40-х годах XX века, сегодня оцениваются то как относящиеся к устаревшей культурной программе, то, напротив, как новаторские. Речь идет о таких принципах, как универсализм (интернациональный и демократический характер науки, обусловленный внеличным характером научного знания), коллективизм (результаты научной деятельности являются продуктом научного сотрудничества и принадлежат обществу, ученый должен сообщать о результатах своей работы коллегам), бескорыстие (истина для ученого превыше всего, недопустимо подчинять профессиональную деятельность целям личной выгоды), организованный скептицизм (никакой вклад в науку не может быть признан без тщательной, всесторонней проверки)¹⁹. Примечателен вывод Е.З.Мирской, основанный на результатах эмпирического социологического исследования, проводившегося в нескольких институтах РАН с 1994 по 2002 годы: «Естественно, что у российских ученых весьма сильны ориентации и навыки, имеющие корни в советской науке, где норма личной бескорыстности в исследовательской деятельности была абсолютно органичной и даже безальтернативной. Тем не менее, результаты

исследования российского академического сообщества, включая информацию о ценностной ориентации, мотивации, самооценках и намерениях ученых, представляются нам подтверждением сохранения классической модели человека науки и его профессионального поведения»²⁰.

Правомерно считать, что именно в сфере науки должны создаваться новаторские культурные программы, в перспективе меняющие понимание мира человеком и социальную практику. Здесь речь идет не только и не столько о «науке вообще», сколько о российской науке, и не только о видении ее роли и перспектив высшими чиновниками государства и «населением», но и (возможно, прежде всего!) о самосознании науки. Выдвижение прорывных идей, определяющих перспективы развития страны, – миссия науки, однако выполнение этой миссии сегодня затруднено чрезвычайно. И одно из главных затруднений связано с малопривлекательным образом российской науки, сформировавшимся к концу первого десятилетия XXI века. Этот образ стал закономерным итогом процессов, происходивших в стране в течение без малого двадцати лет.

«Бедный», «не востребованный обществом» – таковы основные категории, используемые в описании социального положения российских ученых в начале XXI века. Примечательно, что, по данным эмпирических исследований, высказывания респондентов, характеризующие социальные представления о внешнем облике ученого (важнейший компонент имиджа!), оказались объединены категорией «неопрятный»²¹. Малопривлекательный образ российской науки – часть такого же образа страны в целом.

Существенное увеличение бюджета государства, достигнутое в «нулевые» благодаря росту цен на нефть, не привело к коренным изменениям в положении науки и в социальном самочувствии ученого. Финансирование науки увеличилось, однако и заработная плата, и обеспеченность современным оборудованием далеки от уровня, необходимого для полноценного развития этой сферы общества. До сих пор не восстановлен воспроизводственный механизм науки, разрушенный в 1990-е гг., не созданы и новые воспроизводственные механизмы, соответствующие современным условиям. С позиций нового «менеджерального» подхода и отдельный ученый, и наука в целом воспринимаются как объекты оцифровки, характеризующиеся набором показателей в базах дан-

ных – преимущественно англоязычных. Именно обедненный язык существенно неполных баз данных претендует сегодня на роль основного языка описания и самоописания науки.

Сегодня мы наблюдаем и попытки ученых сопротивляться растущему влиянию этого обедненного языка²², и меры, принимаемые научными организациями для того, чтобы адаптироваться к требованиям управляющих систем, команды которых формулируются на «новоязе». Условием выживания российской науки становится выработка знания о ней самой, о смысле научной деятельности и миссии науки в обществе – знания, необходимого для адекватной постановки и решения задач в сфере управления наукой.

Примечания

- ¹ И единственное, и множественное число слова «знание» в этих выражениях одинаково законны. Предпочтение того или другого может быть обусловлено вкусом автора, контекстом рассмотрения, желанием акцентировать характеристики единства или разнообразия, выступающие на первый план в анализируемой ситуации. Русское «общество знаний» (как и «общество знания») соответствует английскому «knowledge society».
- ² К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Париж, 2005. С. 7.
- ³ Там же. С. 18–19.
- ⁴ *Розин В.М., Голубкова Л.Г.* Управление в российском и мировом трендах. М., 2012. С. 33.
- ⁵ См., напр.: *Авдеева Т.Г.* Проблема «цифрового разрыва» в международных экономических дискуссиях // Проблемы преодоления «цифрового неравенства» в России и странах СНГ. М., 2000. С. 9.
- ⁶ *Ракитов А.И.* Философия компьютерной революции. М., 1991. С. 271.
- ⁷ См., напр.: *Rothkopf D.* In Praise of Cultural Imperialism? // *Foreign Policy*. 1996. № 107. Summer.
- ⁸ См., напр.: *Weckert J.* What is New or Unique about Internet Activities? // *Internet Ethics*. *Hondmills etc.*, 2000. P. 52.
- ⁹ *Лепский В.Е.* Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию. М., 2009. С. 129.
- ¹⁰ *Бакитановский В.И.* Повестка для российской модернизации в этико-прикладной парадигме морального выбора // *Ведомости НИИ прикладной этики Тюмен. нефтегаз. ун-та*. Вып. 37. Тюмень, 2010. С. 78.
- ¹¹ *Богданов А.А.* Тектология. Всеобщая организационная наука: В 2 кн. Кн. 1. М., 1989. С. 73.
- ¹² Там же. Т. 2. С. 53–54.
- ¹³ Там же. Т. 1. С. 133.

- 14 См.: *Богданов А.А.* Цели и нормы жизни // *Богданов А.А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. Л.–М., 1924 (на обл. 1925). С. 50.
- 15 См.: Там же. С. 56.
- 16 См.: *Финн В.К.* К структурной когнитологии: феноменология сознания с точки зрения искусственного интеллекта // *Вопр. философии.* 2009. № 1. С. 89.
- 17 См.: *Управление знанием в инновационной экономике.* Учебник. М., 2009.
- 18 См., напр.: *Стёпин В.С.* Философская антропология и философия науки. М., 1992; *Стёпин В.С.* Культура // *Философский словарь.* М., 2009.
- 19 См.: *Мирская Е.З.* Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии // *Этнос науки.* М., 2008.
- 20 *Мирская Е.З.* Этнос науки: идеальные регулятивы и повседневные реалии. С. 141.
- 21 *Володарская Е.А.* Профессиональная идентичность ученого и имидж науки в обществе // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки.* М., 2005. С. 200.
- 22 *Юревич А.В., Цапенко И.П.* Фетишизм статистики: количественная оценка вклада российской социогуманитарной науки в мировую // *Социология науки и технологий.* 2012. Т. 3. № 3.

Взгляд на завоевание Америки в фокусе взаимоотношения теории и практики управления

Фауст. Что там белеет? говори.
Мефистофель. Корабль
испанский трехмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нем мерзавцев сотни три,
Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата,
Да модная болезнь: она
Недавно вам подарена.
Фауст. Всё утопить.
Мефистофель. Сейчас.

*А.С.Пушкин. Сцена из Фауста**

Как часто приходится слышать от людей верующих фразу: «Господь управил!». В ней и обреченность – с Богом не поспоришь, и надежда на справедливость, опять же высшую, и отказ от ответственности за негативные последствия. Но даже во времена, когда мало кто сомневался в существовании высшего промысла, стремление взять бразды управления в свои руки было не-

* Эти пушкинские строки выбраны для эпитафии не случайно, несмотря на иронический тон и кажущееся легкомыслие, они содержат достаточно большой и достоверный объем информации об эпохе, о которой пойдет речь. Во-первых, хронологически: Иоганн Георг Фауст жил в период с 1480 по 1540 г. Во-вторых, достижение в области кораблестроения, возникновение в конце XV в. больших трехмачтовых кораблей позволило испанским и португальским мореплавателям не только пересекать Атлантику, но перевозить на них большое количество людей и грузов. В-третьих, в обозначенное время Голландия была частью Священной Римской империи, управляемой испанским королем Карлом I, впоследствии императором Карлом V Габсбургом: в-четвертых, «три сотни мерзавцев» как нельзя лучше характеризует моральные качества завоевателей «Нового света», чья главная цель быстрое обогащение любым способом. А «модная болезнь» – сифилис, первая эпидемия которого вспыхнула в Европе после возвращения первой экспедиции Колумба, что дает исследователям аргумент в пользу «американской» версии о происхождении этой болезни. Ну и последняя реплика «все утопить» как нельзя лучше выражает отношение автора ко всему происходящему.

отъемлемой чертой общества, не зависимо от уровня его развития. В XXI в., возможно, осознав в достаточной мере реальность конечности своего существования, человечество как никогда озабочено проблемой построения своего будущего и тем, как «управить» таким образом, чтобы не просто сохранить цивилизацию, но и направить ее в русло процветания и благоденствия. Разрабатывая теории управления, применяя их на практике в различных областях своей жизнедеятельности, добиваясь успеха и ошибаясь, мы приобретаем и накапливаем опыт в надежде, что «утопающие все же будут спасены своими руками». Отыскать в истории положительный пример успешной, благодаря грамотному управлению, реализации достаточно масштабного, социально значимого «проекта» – задача хоть и не простая, но может оказаться полезной в плане осознания и освоения такого опыта.

В статье предпринимается попытка посмотреть на открытие и завоевание Америки как на реализацию такого рода «проекта». Насколько полученный результат соответствовал изначальному замыслу и поставленным целям? Чем можно объяснить парадоксальный факт покорения многомиллионных коренных цивилизаций несколькими сотнями испанских солдат: совокупностью случайностей, техническим превосходством или продуманной тактикой управления примененной завоевателями и неспособностью правителей организовать отпор завоевателям? Какую роль сыграла «идеологическая» составляющая при столкновении цивилизаций, идущих разными путями развития и находящихся на различных уровнях социально-экономической организации? К каким долгосрочным последствиям это привело в области культуры науки, и философии? Можно ли извлечь уроки из событий 500-летней давности, полезные в настоящее время? Отвечая на эти вопросы, выделим роль управляющей составляющей и постараемся понять, возможно ли, в принципе, управлять историческим процессом в достаточно большом временном промежутке.

Управление понимается нами в том широком смысле, который, на наш взгляд, содержит в себе русское слово «управление», а именно: приложение усилия для направления действия по правильному пути, т. е. следование определенным заранее правилам для достижения сформированной заранее цели и установление нового порядка¹. Эта деятельность, направленная на изменение

реальности, предполагает наличие того, кто управляет – субъект; то, чем (или кем) управляют – объект; и неперенное наличие у субъекта представления о конечном результате и средств для выполнения поставленной задачи – проект. И, учитывая то, что лишь всевышнему доступно создание «всего» из «ничего» – «что-то» все же должно быть. А именно, должны быть некие объективные условия для того, чтобы ситуация возникла и появилась реальная возможность для осуществления задуманного «проекта». Когда речь идет об управлении социальными процессами, разделение на субъект и объект достаточно условно и зависит от объема реальности, которой пытаются управлять. При достаточной широте охвата субъект неизбежно оказывается включенным в объект.

Посмотрим на открытие и последующее завоевание Америки как на некий «проект», выделив элементы, позволяющие судить о степени управляемости: цель, обоснование, технические условия, риски, исполнение, последствия.

Постараемся не увязнуть в исторических подробностях: именах, датах, обстоятельствах и в рамках поставленной задачи, насколько возможно, абстрагироваться от деталей, останавливаясь на интересующих нас элементах управления.

История и хронология событий хорошо известна и подробно описана. Напомним основные даты. В 1492 г. Колумб впервые переплыл Атлантику. Всего он совершил в период с 1492 по 1504 гг. четыре путешествия. Их результатом было открытие Больших и Малых Антильских островов, центральной части Багамского архипелага, острова Тринидад. Казалось, искомая цель была достигнута! Новые земли были объявлены западным побережьем Индии (Вест-Индией). Уже в 1494 г. был подписан Тордесильясский договор, закрепивший установленную годом ранее в булле папы Александра VI «*Inter caetera*» демаркационную линию, проходящую через оба полюса и пересекающую Атлантический океан. Моря и земли к востоку от этой черты отходили к королевству Португалии, к западу – к королевству Кастилии и Арагона (Испании). Другие европейские государства не смели помышлять о новых владениях и рынках.

Изначально все «предприятие» преследовало исключительно мирные цели, хотя и было во многом спровоцировано неутрахающими в Старом Свете жестокими войнами за территориальное

и экономическое превосходство. В конце XV – начале XVI в. на Европейском континенте существовало две противостоящих друг другу силы, примерно равные (по экономическому социальному уровню, техническому оснащению), имевшие возможность расширить географические рамки своих владений до планетарного масштаба. Это империя Османов и Священная Римская империя (частью которой Испания оказалась в 1519 г.), причем правитель каждой из них считал властелином Мира именно себя! В этот период времени именно в их соперничестве воплотилось противостояние христианской и мусульманской религий. Вполне возможным мог бы стать вектор, следуя которому человечество имело бы не Латинскую Америку, а Арабскую или Мусульманскую, да и не Америку вовсе... (подходящий сюжет для научно-фантастического романа). Но применительно к истории сослагательное наклонение неуместно, и как бы банально это ни звучало, произошло то, что произошло, и для этого существуют причины и объяснения. Главная из них та, что Османам не нужен был морской путь в Индию, для них был доступен сухопутный. Приход турок практически перекрыл торговые пути, по которым индийские товары попадали к восточным берегам Средиземного моря. Могущественные итальянские торговые республики не допускали ни Францию, ни Испанию, ни Португалию, ни Англию к торговле с Востоком. Угроза экономического краха вследствие полного прекращения их внешней торговли толкала страны западного средиземноморья на рискованные, авантюрные путешествия. Их результат – яркий пример (положительный и отрицательный) того, к каким непредсказуемым последствиям может привести недостаточность знаний и невозможность предвидеть и просчитать риски.

«Всегда бывает, когда какая-нибудь экономическая задача, выражающая гнетущую потребность, объединяет общества и народы, тогда все силы этих стран, вся наука, вся интеллигенция начинают напрягать мысль в направлении, нужном для ее разрешения. На первый план выдвигаются те науки, которые могут как-нибудь помочь найти нужные ответы. География, до тех пор питавшая Европу архаическими, тысячелетней давности картами Птолемея, стала самой модной наукой². К концу XVI в. идея о том, что Земля имеет шарообразную форму, уже овладела умами наиболее образованных людей своего времени. Известно, что Колумб был одер-

жим идеей того, что найти путь в Индию можно переплыв океан идя на запад, а не огибая Африку, как к тому стремились целые поколения мореплавателей. Главное, в чем заблуждался Колумб и все его современники, от ученых-географов до невежественных моряков, это размер земного шара. По их представлениям, Индия должна была находиться от Испании или Португалии довольно близко, примерно в нескольких неделях морского пути парусного корабля. Весьма сомнительно, что имея представление об истинных расстояниях, кто-то решился бы на подобное путешествие, а тем более спонсировал бы его. Известно, что почти 12 лет Колумб искал финансовой поддержки по всей Европе. Испанские монархи Фердинанд и Изабелла были последними, к кому он обратился и которые в результате поддержали его. «Колумб жил и действовал в эпоху первоначального накопления, когда сама обстановка создала человека, искавшего новых путей, рвавшегося к новым победам, смелого, предприимчивого, полного жажды жизни и уверенности в будущем. И сам он по личным целям был человеком своего времени: он мечтал о богатстве, о золоте, валяющемся под ногами, о том, что он будет в этих новых волшебных странах наместником короля, великим адмиралом западного океана и т. д. Он долго, ожесточенно, люто торговался по поводу всех этих будущих своих прав и привилегий, затягивал на целый год подписание договора с казной, жаловался, настаивал на все новых привилегиях для себя. По этому договору король и королева делали Колумба наследственным «адмиралом и вице-королем» всех земель, которые он откроет в будущем, ему навсегда гарантировали $\frac{1}{10}$ всех будущих доходов с этих земель, $\frac{1}{8}$ всех доходов всякой будущей торговой экспедиции, которая будет послана кем бы то ни было в эти новые страны»³. И хотя в 1498 г. Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды, все-таки проложил настоящий морской путь в Индию, Колумб до самой смерти в 1506 г. не знал, или не хотел знать, что он открыл неизвестный ранее континент, не имеющий к Индии ни малейшего отношения.

Можно сказать, что на этом этапе коммерческий проект Колумба провалился. Ни вождеденных специй, ни несметных сокровищ на новых землях не оказалось. Племена, населявшие острова, находились на низкой ступени развития, и не иначе как дикарями называться не заслуживали, да и для извлечения прибыли оказались непригодны.

Малые крохи, доходившие до «спонсоров», никак не оправдывали их ожиданий и вложений. Каждое из последующих путешествий оценивалось как менее удачное. На тот момент казалось, что Тордесильяский договор был выгоднее Португалии, чем Испании, а торговля с Индией выгоднее, чем освоение земель Нового Света.

В то же время некоторые исследователи настаивают на том, что путешественники той эпохи были движимы не только и не столько коммерческими целями – их гнала жажда открытий, стремление совершить что-то необыкновенное. По мнению Ф.Аинса, «бегство на Запад», одно из направлений экспансии западной цивилизации, и стало главной причиной встречи двух миров – Европы и Америки. Путешественников влекли «мистика географии и дух приключений»⁴.

Обида, досада на неудачу не охладили пыл и не погасили в испанцах стремление к быстрому обогащению «здесь и сейчас». Евреев и мавров к тому моменту уже ограбили, вынуждая их либо принять христианство, либо покинуть страну, оставив свое имущество. Не получилось добраться до Индии, но оказалось, что за островами все-таки лежит «большая земля» – густонаселенная, имеющая необыкновенные, ни с чем несравнимые города, и, по слухам, полная неисчислимыми богатствами. Подобно тому, как в современном мире все завязано на нефть, в XVI в. главным целепобуждающим продуктом для европейцев было золото. Известно, что впоследствии именно оно сыграло с Испанией злую шутку, когда все-таки полилось рекой в метрополию. Его поток привел к упадку собственной промышленности, сокращению дееспособного населения и в результате на сотни лет отбросил страну на второстепенные роли на мировой сцене.

Когда выяснилось, что обнаружен новый, неизвестный материк, населенный неведомыми народами и таящий вожделенные сокровища, обозначилась новая цель. И уже через 50 лет после открытия Колумба испанцы захватили два самых цивилизованных государства Южной Америки: Мексику в 1519–1521 гг.; Перу в 1531–1533 гг.

Первым на пути завоевания оказалось Государство ацтеков, на тот момент самое многочисленное, развитое и могущественное в Центральной Америке. Если приоритет Колумба в открытии Нового Света периодически подвергается сомнению, то заслуга завоевания Мексики, безусловно, принадлежит Кортесу.

В 1519 г. Кортес, имея 11 кораблей, 508 солдат и 100 матросов, 16 лошадей и 14 небольших пушек отправился на завоевание Мексики, на это ушло менее двух лет.

Эта кампания описана в мельчайших подробностях и в отечественной и в мировой исторической литературе. Приведем лишь некоторые ключевые высказывания, характеризующие личность Эрнандо Кортеса и его методы. «Человек умный, энергичный, отважный, способный без малейших колебаний на любую жестокость, честолюбивый, властолюбивый, корыстолюбивый»⁵. Перед началом пути он обратился к своему воинству с яркой и ободряющей речью. «Я готовлю вам великолепную награду, но ее можно приобрести только беспрестанными упорными трудами. Великие действия совершались только великими усилиями, и слава никогда не была еще уделом лентяев. Если я работал неутомимо и положил на это предприятие все, что у меня было, то единственно из любви к славе – благороднейшей награде человека. Но, если кто-нибудь из вас предпочитает славе богатство, будьте мне только верны, и я сделаю вас обладателями сокровищ, какие и во сне не грезились нашим соотечественникам! Вас мало числом, но вы сильны духом; если он не поколеблется, будьте уверены, что всевышний, никогда не покидавший испанцев в боях с неверными, защитит вас, хотя бы вас окружали тучи врагов; наше дело – дело правое, и вы идете сражаться под знаменем креста!»⁶.

«Ловкий маневр, интрига, хитроумная дипломатия, по канонам которой даже железный кулак надо было до поры до времени прятать в мягкой бархатной перчатке, – вот ключ к завоеванию Мексики, и Кортес был первым среди конкистадоров, кто понял это»⁷.

Эти характеристики, а главное полученные результаты говорят о том, что его по праву можно назвать «гением управления». Кортесом были использованы все существовавшие возможности: техническое превосходство (наличие огнестрельного оружия и транспорта – индейцы не знали колеса и лошадей); личное мужского обаяние, абсолютное пренебрежение моральными принципами (обман, вероломство). Он умело использовал противоречия внутри Ацтекской империи и миф, предсказывавший возвращении с востока светлогожего бога Кецалкоатля. Увеличив свое малочисленное войско на тысячи путем привлечения на свою сторону недовольных ацтекским превосходством более мелких народов, Кор-

тес обеспечил себе военные успехи, ставшие возможными только благодаря привлечению индейских союзников. К его чести надо отметить, что в отличие от, многих конкистадоров, например, от не умевшего ни читать, ни писать завоевателя Империи Инков Писарро, Кортес был грамотным. Тем не менее, он вряд ли имел возможность глубоко вникнуть в политическую систему управления той цивилизации, богатствами которой стремился овладеть, скорее талант и интуиция помогли ему максимально использовать имевшиеся способы управления, в том числе и сложно прогнозируемый человеческий фактор. На стороне европейцев оказалось и «бактериологическое» оружие – завезенные из Старого Света вирусы неизвестных болезней косили местное население тысячами.

В двух словах скажем о том, что представляло собой государство ацтеков, бывших основной политической, военной и духовной силой древней Мексики⁸. Накануне испанского завоевания его основу составляли 40–50 полуавтономных городов-государств. Сохраняя значительную самостоятельность в вопросах внутреннего управления, они находились в политической зависимости от могущественной Тройственной Лиги (Теночтитлан, Тескоко, Тлакопан), подчинившей себе большую часть Мексики. По мнению В.Е.Баглай, управление и структура власти в этом союзе базировались на делении на ряд уровней, каждый из которых имел собственную внутреннюю организацию, основанную на существовании общины как основной ячейки общества. Государство, осуществляя свои функции, опиралось на данную систему. Многие исследователи склонны считать, что непрочное, раздираемое внутренними противоречиями оно было обречено исторически. Недовольство правлением ацтеков привело к тому, что часть из подчиненных ими народов присоединилась к завоевателям, а затем была безжалостно ими обманута.

В связи с интересующим нас вопросом наибольший интерес представляет существовавшая в ацтекском обществе система воспитания, напрямую связанная с проблемами и механизмами управления. К какому бы типу государства не принадлежала ацтекская форма правления (споры об этом не утихают и в настоящее время), она регулировала и обеспечивала жизнь общества. Детально разработанная, строго регламентированная система воспитания и обучения готовила из населения членов общества, осознающих свои

повседневные задачи и высшее предназначение. С одной стороны, идеология ацтеков приписывала им особую роль, заключающуюся в поддержании «5-го солнца» – настоящей эпохи. Высший смысл их существования состоял в непрерывной подпитке богов жертвенной кровью (сейчас это бы назвали консолидирующей национальной идеей). Отсюда и понятие «цветущей войны» – война была делом священным, ибо обеспечивала бесконечный поток пленных для принесения в жертву. С другой стороны, Жак Сустьель отмечает: «вызывает удивление, что в ту эпоху на американском континенте индейский народ осуществлял обязательное воспитание и что в XVI в. не было ни одного мексиканского ребенка независимо от его социального положения, который бы не посещал школу»⁹. Существовало два типа школ – одни готовили воинов, другие жрецов и правителей. В языке нагуагл существовал специальный термин, обозначающий искусство выращивать и воспитывать людей. Цель воспитания и задача воспитателя «лица делать мудрыми, а сердца твердыми как камень». Сравнивая обычаи молодежи нагуа до и после завоевания Б.Саагун приходит к следующему выводу: «То, что в минувшие времена индейцы сами управляли республикой, что они поклонялись богам, это и послужило причиной приведения дела воспитания в соответствие с нуждами людей; именно поэтому юноши и девушки воспитывались в большой строгости, причем не в доме родителей, поскольку они были не в состоянии подобающим образом воспитывать их, а под присмотром внимательных и строгих учителей. Отдельно юноши и отдельно девушки. Там их учили почитать богов, подчиняться и служить республике и ее правителям»¹⁰. Таким образом в школах закладывалась моральная и юридическая основа норм общества. Б.Саагун пишет: «Такой образ действия вполне соответствовал... моральной философии, которой практически обучались местные жители; чтобы жить нравственно и добродетельно, необходима была строгость, воздержанность и непрерывные знания в делах, полезных для республики»¹¹.

Когда умелыми действиями Кортеса этот хорошо отлаженный и действующий механизм был разрушен, наступил крах и всей управленческой системы, а вслед за ней обрушилась и вся цивилизация. Ацтеки потеряли то, что составляло основу их жизни: лицо, сердце и высший смысл, перестав быть собой, они потеряли способность противостоять конкисте.

В отличие от них завоеватели точно знали, что «лучше» и как «должно быть»! По мнению индейцев, «причина в том, что ни вы нас не понимаете, ни мы вас не понимаем и не знаем, чего вы хотите. Вы упразднили наш хороший порядок и образ правления; а тот, который вы установили, мы не понимаем, и поэтому все запуталось, нет ни порядка, ни согласия»¹². Одним из аргументов, оправдывавшим необходимость подчинения новым порядкам и приобщения идолопоклонников к христианским ценностям, был приведший испанцев в ужас варварский обычай человеческих жертвоприношений. Но таков был мир в сознании и представлениях ацтеков. Они жили в настоящем, понимая краткосрочность и бренность отдельной человеческой жизни, и выполняли свою особую миссию – заботились о всеобщем благе, оберегая от гибели вселенную. Бесполезно оценивать эти действия с точки зрения абстрактной морали. Кого в таком случае предпочесть? Тех, кто при исполнении ритуала отдает богу кровь людей, или тех, кто поедает плоть и кровь убитого бога? Для стороннего взгляда одинаково странным покажется как подпитка мифического бога человеческой кровью для сохранения вселенского миропорядка, так и служение богу, требующему умерщвления плоти, отказа от земных благ и в награду обещающему будущую вечную жизнь, за существование которой тоже никто не поручится.

Разница в том, что в миропонимании индейцев не было противоречия между их метафизическими представлениями и их действительной, реальной повседневной жизнью, между провозглашаемыми моральными принципами и реальными действиями. Именно с этим явлением они столкнулись в лице христиан. Завоеватели учили одному, а действовали и требовали совершенно другого. Индейцы очень быстро поняли, что нужно конкистадорам. «Они дали испанцам флаги из золота – говорится в одном индейском предании, – флаги из перьев кецаля и золотые ожерелья. И когда они дали им это, выражали счастье лица испанцев, они возрадовались и были в восхищении. Словно обезьяны, хватали они золото, раскачиваясь от удовольствия, как будто оно их преобразило и озарило ярким светом их сердца. Поскольку ведь это истина – что они стремятся к нему с неизъяснимой жадной. У них раздулось от него брюхо, они рвутся к нему, как голодные. Словно голодные свиньи, жадут они золота»¹³.

Созданный ацтеками образ жизни основывался на гармонии между действительным и должным. Ее разрушение привело к тому, что менталитет не выдержал постигнутого их недоумения и непонимания, обрушившегося на их головы противоречия между тем и другим. Для цивилизации «метафор и чисел» наступил предсказанный конец света, не спасла и кровавая жертва, в которую пришельцы превратили целую цивилизацию. Видимо, жертва досталась иным богам! Приведем маленький отрывок из ответа ученых нагуа первым двенадцати монахам, опровергавшим их религию и традиции.

«Может быть, к нашей гибели, может быть, к нашему
Уничтожению
Мы лишь идем.
(Но) куда же нам еще идти?
Мы простой народ.
Мы подвержены гибели, мы смертные;
Дайте же нам умереть,
Дайте же нам погибнуть, раз уже умерли наши боги...
Перед вами находятся
Господа, правители,
Те, кто ведет мир и отвечает
За весь мир.
Уже достаточно того, что мы потеряли,
Что у нас отняли,
Что нас лишили
Нашей власти.
Если все останется так,
мы будем лишь пленными.
Делайте с нами что хотите»¹⁴.

Полное разрушение системы управления и воспитания окончательно деморализовало индейцев и добило цивилизацию.

«Уже считанные десятилетия спустя после вторжения европейцев многие области Нового Света совершенно обезлюдели, поскольку их прежнее население стало жертвой стальных мечей, аркебуз и пушек завоевателей или даже еще более страшного врага – эпидемий ранее неизвестных в Америке болезней (оспа, чума, грипп и др.) Уцелевшие аборигены оказались в самом низу многоярусной социальной пирамиды, созданной усилиями испанской монархии в своих заокеанских владениях. По подсчетам специ-

алистов, в результате конкисы индейское население Мексики и Центральной Америки уменьшилось с 11–25 миллионов человек в доиспанские времена до 1,25 миллиона человек в 1625 году, то есть примерно в 10 раз!!!»¹⁵.

Что же касается реализации проекта под названием «Завоевание Америки», то с т. н. «заявителя» его можно считать успешно реализованным. Новые земли достались завоевателям, золото, серебро, драгоценные камни с лихвой окупили капиталовложения. Количество жертв со стороны нападающей стороны можно считать минимальным. По схеме, разработанной и примененной на практике Кортесом, происходит дальнейшая конкиста нового континента.

Для управления растущими колониальными владениями в Испании создаются новые структуры. *La Casa de Contratación*, «Торговый дом» – правительственное агентство, основанное в 1503 г. в Севилье (просуществовало до 1790 г.). Его задачей была организация экспедиций, сохранение в тайне открытий, ведение торговли с новооткрытыми территориями, за что ему полагалось 20 % стоимости всех товаров, поступающих в Испанию. В тесном контакте с Каса-де-Контратасьон работала торговая гильдия, осуществлявшая торговлю с заморскими территориями. Для контроля, защиты и регулирования торговли был организован т. н. «Серебряный флот». Одной из важнейших задач агентства было составление и обновление «Падрон Реаль» – официальных секретных испанских карт мира, на основе которых составлялись навигационные карты для кораблей. С момента своего основания эта организация превратилась в центр научных исследований инновационного типа. При ее содействии были основаны кафедры космографии, астрономии, математики, географии и гидрографии, снаряжались научные экспедиции. При самом агентстве существовала Навигационная школа. Другая организация, созданная после смерти Колумба и продержавшаяся до начала XIX в «Королевский и верховный совет Индий» (*Real y Supremo Consejo de Indias*). Совет планировал и предлагал королю варианты развития торговли и отношений с коренными народами, создавал новые вице-королевства и губернии, выдвигал кандидатов на должности колониальных администраторов, регулировал поток направлявшихся в Америку пассажиров, утверждал отправку в колонии книг, разрабатывал стратегии во-

енных действий. Помимо этого Совет был высшей судебной инстанцией и обладал исполнительной, законодательной и судебной властью в колониях. Результатом его действий стал принятый в 1680 г. кодекс «законов об Индиях», регулировавший все сферы жизни колоний. Архив Индии является важнейшим собранием материалов по истории Латинской Америки.

«Определенный компромисс был достигнут и в вопросах управления. Коренное население сохранило институт общины, благодаря которому воспроизводило многие традиции в условиях иноземного господства. Языческий мир как бы откупался от завоевателей, выплачивая трибуто и выполняя различные повинности в пользу испанцев. Опыт первых лет распространения католицизма показал, что индейцы формально принимали крещение, сохраняя при этом прежний образ жизни, обычаи и обряды¹⁶.

«История человечества знает немало грандиозных потрясений и катастроф, которые обрушивались на те или иные страны и континенты. И, тем не менее, в эпоху позднего средневековья нелегко найти столь же драматическое событие, какое произошло в Америке, испытавшей на себе все ужасы чужеземного завоевания и в считанные десятилетия превратившееся в гигантскую колонию двух могущественных держав Иберийского полуострова – Испании и Португалии. Европейцы безжалостно истребляли в Новом Свете целые народы, разрушали цветущие города, обрекали на гибель бесценные сокровища индейской культуры. Уже к середине XVI века самобитные и яркие цивилизации, созданные индейцами Мексики и Перу, были насильственно уничтожены конкистадорами, и впоследствии даже память о них была в значительной мере вытравлена из сердца народа многовековым колониальным рабством»¹⁷.

Для справедливости надо сказать, что какие бы цели ни преследовала католическая церковь на поприще конкисты, невозможно отрицать заслуги католических монахов в деле сохранения свидетельств духовной культуры погибающей цивилизации. Во всяком случае, они были единственными, кто действительно попытался понять спасти и сберечь то, что еще не было уничтожено. Именно благодаря им мы имеем уникальные источники, хранящие бесценные сокровища древних культур и свидетельства их уничтожения. «Сразу же после завершения конкисты появилось немало документов,

отчетов, воспоминаний и хроник, посвященных этой теме. Среди их авторов – прежде всего сами конкистадоры, а также первые монахи-миссионеры, королевские чиновники, официальные летописцы и, наконец уцелевшие представители индейской знати, которые получили европейское образование¹⁸. Условно эти свидетельства можно разделить на две группы: «Взгляд победителей» и «Взгляд побежденных» – их сравнительный анализ дает шанс воссоздать более или менее достоверную картину как самой конкисты, так и почерпнуть сведения о доиспанском периоде истории.

За прошедшие с конца XV – начала XVI столетия пять веков было достаточно времени, чтобы осмыслить и оценить факт «открытия и завоевания Америки». Необходимость в разносторонней рефлексии возникла практически сразу – слишком широк был круг возникших проблем, требовавших принятия обоснованных решений, их объяснения, и оправдания. Это событие привело к возникновению совершенно новой реальности и кардинально поменяло ход истории: для цивилизаций, существовавших на американском континенте, стало причиной полного уничтожения, для Европы открыло новые пути развития во всех областях жизнедеятельности. Эпоха, вошедшая в историю под именем «великих географических открытий», в буквальном смысле утвердившая планетарную шарообразность Земли, изменила не только географические рамки, но и положила начало процессу глобализации, результаты которого человечество продолжает пожинать все последующие столетия.

Многими современными исследователями открытие Америки оценивается как одно из фундаментальных событий первостепенной важности эпохи Возрождения наряду с такими фактами, как книгопечатание, изобретение пороха, компаса, развитие мореплавания, с которыми оно неразрывно связано. Рассмотренное с точки зрения истории развития знания, это событие подтолкнуло радикальные изменения в мировоззрении и стимулировало развитие новых научных направлений¹⁹. Сначала на уровне гипотезы, а затем на опыте были полностью опровергнуты средневековые представления об обитаемом мире и населявших его жителях²⁰. Не случайно одним из первых вопросов, на которые пришлось отвечать идеологам конкисты, был вопрос о том, являются ли обитатели вновь открытых земель людьми, какими правами они обладают, какими правами на них, их земли и их души обладают властители

христианского мира²¹. Но выводы, к которым пришел Франсиско де Витория, утверждавший, что «если варвары не хотят признать никакого господства, ни своего подчинения Папе, тот не имеет никакого права ни воевать с ними, ни овладевать их достоянием и территориями. Очевидно, что у него нет ни такого права, ни такой власти»²², не помешали завоевателям сделать и то и другое. Вот еще одна оценка: «всякое покушение на свободу народа или государства, независимо от его методов и форм, было и остается прямым преступлением против человечества и не заслуживает никакого снисхождения»²³.

Сегодня, в эпоху глобализации и всемирных сетей, трудно представить себе что-то, способное потрясти современное человечество с моральной, интеллектуальной, ментальной точки зрения, разве что открытый контакт с инопланетной цивилизацией.

Такой контакт человечество уже пережило в эпоху, вошедшую в историю, как уже было упомянуто, под романтическим именем эпохи «великих географических открытий». Правда, ему пришлось выступить в роли обеих сторон: европейцы сыграли инопланетян, а цивилизации, обитавшие на Американском континенте, стали жертвами «инопланетного» нашествия.

«Племена и народы индейской Америки, отделенные громадными водными преградами от остального мира, шли через века и эпохи подобно далекой планете, двигающейся по своей особой орбите в звездных глубинах Вселенной»²⁴. Хотя это высказывание В.И.Гуляева больше похоже на красивую метафору, на наш взгляд, именно эта «разнопланетность» стала одной из причин быстрой гибели этих народов. Завоеватели хоть и выглядели в глазах коренных жителей как боги или люди, похожие на богов, но настолько отличались в экономическом, техническом, культурном, религиозном плане, что последствия «контакта» стали катастрофическими для одной стороны и кардинально изменили ход истории на планете.

В настоящее время, когда интеллектуалы всего мира озабочены проблемой диалога культур и цивилизаций, пытаются найти компромиссы в решении жизненно важных вопросов, можно ли извлечь какой-то опыт из событий 500-летней давности? На Земле не осталось ни «белых пятен», ни загадочных цивилизаций. Только проблемы, связанные с необходимостью межкультурного взаимодействия, стоят не менее остро, а дефицит непонимания, как и

прежде, грозит катастрофическими последствиями. За прошедшие столетия агрессивная психология «конкистадоров» ничуть не изменилась, и их количество не стало меньше. Разница в том, что благодаря глобализации агрессия направлена не на внешний объект, а внутрь всей человеческой цивилизации, запустившей процесс самоуничтожения и оказавшейся беззащитной против самой себя. Это касается и глобальных масштабов и отдельных практик локального управления. При исследовании данного конкретного случая поневоле напрашивается аналогия с Россией, над которой второе столетие подряд любители «поуправлять» производят свои эксперименты, и каждый раз старательно рушат основу – систему воспитания и образования. Видимо, им невдомек, что в этом варианте субъект и объект управления слились в единое целое и фиаско одного неизбежно приведет к краху другого.

Примечания

- ¹ В толковом словаре Даля как синоним глагола управлять приводится слово «порядничать».
- ² *Тарле Е.В.* Очерки истории колониальной политики западноевропейских государств. М.–Л., 1963. С. 26.
- ³ Там же. С. 30.
- ⁴ *Аинса Ф.* Реконструкция утопии. М., 1999. С. 129.
- ⁵ *Тарле Е.В.* Указ. соч. С. 46.
- ⁶ *Гуляев В.И.* Под личиной ацтекского бога. Испанское завоевание Америки. М., 2006. С. 133.
- ⁷ Там же. С. 68.
- ⁸ Наиболее полная и компетентная русскоязычная работа, посвященная ацтекам: *Баглай В.Е.* Ацтеки. История, экономика, социально-политический строй. Доколониальный период. М., 1998.
- ⁹ Цит. по: *Леон-Портилья М.* Философия нагуа. Исследование источников. М., 1961. С. 241.
- ¹⁰ Там же. С. 248.
- ¹¹ Там же. С. 249.
- ¹² Там же. С. 256.
- ¹³ Цит. по: *Гуляев В.И.* По следам конкистадоров. М., 1979. С. 43.
- ¹⁴ Цит. по: *Леон-Портилья М.* Философия Нагуа. С. 147.
- ¹⁵ *Гуляев В.И.* Под личиной ацтекского бога. С. 10.
- ¹⁶ *Лыкова Е.Ю., Коновалова Н.А.* «Испанизация» и «духовная конкиста» Центральной Америки: первые шаги (<http://www.sgu.ru/faculties/historical/sc.publication/historynewtime/new>).

- ¹⁷ Гуляев В.И. Под личиной ацтекского бога. С. 8.
- ¹⁸ Там же. С. 10.
- ¹⁹ *Abellán J.L.* Historia crítica del pensamiento español. T. 2: La Edad de Oro. Siglo XVI. Madrid, 1979. P. 401–595.
- ²⁰ Приведем факт, говорящий о том, насколько крепко были укоренены фантастические представления об обитателях неведомых земель, лежащих за океаном. Во «Всеобщей Космографии» Себастьяна Мюнстера, изданной в 1550 г., наряду с 26 довольно точными картами новооткрытых земель и гравюрами, показывающими жителей Нового света, приводятся изображения монстров, нарисованных богатым воображением «очевидцев», – циклопов, людей с песьими и лошадиными головами, двухголовых карликов и т. д.
- ²¹ Ответы на эти вопросы были даны одним из виднейших представителей поздней схоластики, которого считают родоначальником современного права Франсиско де Витория.
- ²² *Vitoria F. de.* Reelectiones de Indios y del Derecho de la Gerra. Edición académica. Madrid, MCMXXVIII. P. 91.
- ²³ Гуляев В.И. Под личиной ацтекского бога. С. 310.
- ²⁴ Гуляев В.И. Второе открытие цивилизации майя // Вестн. древней истории. М., 1991. № 2.

Содержание

Введение. Становление новой философской дисциплины (В.М.Розин).....	3
Аришинов В.И., Свицкий Я.И. Проблема управления в контексте парадигмы сложности	7
Голубкова Л.Г., Розин В.М. Стандартизация как форма глобального рамочного управления	45
Лепский В.Е. Эволюция представлений об управлении в контексте научной рациональности.....	68
Реут Д.В. Проектный аспект дисциплины «Управление крупномасштабными системами».....	100
Огурцов А.П. Формы управления и генезис языка их самоописания	133
Голубкова Л.Г. Организационное развитие: от инженерного подхода к гуманитарной парадигме	159
Розин В.М., Малявина С.А., Грязнова Ю.Б. Социальный проект как один из инструментов управления социальными процессами (на материале проекта «Донор»).....	169
Браун (Жешко) И. Модель организации Сола Алинского.....	195
Горохов В.Г. Проблема управления технологическими рисками (на примере атомной энергетики и нанотехнологии).....	235
Наумов С.А., Розин В.М. Методологические заметки, касающиеся инструментов управления взаимодействием «наука – инновационная практика».....	256
Алексеева И.Ю. Общество знаний и перспективы философии управления	266
Бургете М.Р. Взгляд на завоевание Америки в фокусе взаимоотношения теории и практики управления	286

Научное издание

Философия управления: методологические проблемы и проекты

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*

Технический редактор *Ю.А. Аношина*

Корректоры: *А.А. Гусева, Е.Н. Дудко*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 03.06.13.

Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 15,74. Тираж 500 экз. Заказ № 011.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН

Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*

Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН

119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:

<http://iph.ras.ru/arhive.htm>